

*Кровь
и
Корона*

Александра Ушакова

Александра Ушакова

Кровь и Корона

«Автор»

2026

Ушакова А. А.

Кровь и Корона / А. А. Ушакова — «Автор», 2026

Он был вором. Полукровкой. Никем. Халлас Черный Кот не верил ни в богов, ни в судьбу — только в острые когти и быстрые ноги. Пока не украл свиток, который изменил всё. Теперь он — ключ. Тот, кто открывает двери для других. Тот, кто собрал пятерых избранных, чтобы остановить тьму, надвигающуюся с севера. Маг в маске с проклятой королевской кровью. Воительница-полукровка, отвергнутая двумя мирами. Драконы, нарушившие древний закон. И он — вор, ставший героем поневоле. Но тьма не приходит извне. Она растёт внутри: в предательстве королевы, в лабораториях под дворцом, в сердце брата, которого считали мёртвым. Велиш воскрес — но воскрес не он, а император, чьё имя проклято столетиями. И теперь он идёт на юг. Убивать. Забирать. Мстить. Эпическое тёмное фэнтези о цене лидерства, искуплении и любви, которая сильнее смерти. Для поклонников Аберкромби и Пехова.

© Ушакова А. А., 2026

© Автор, 2026

Александра Ушакова

Кровь и Корона

Часть 1. Когти разрывающе тьму.

Глава 1: Морская бездна.

Вода сомкнулась над головой, и первое, что я почувствовал, — холод. Не тот холод, что бывает зимой на улицах Водохранилища, когда пальцы деревенеют и перестают слушаться. Другой. Он входил в тело медленно, как игла под ноготь, — сначала в ступни, потом в колени, потом в грудь. Я попытался вдохнуть и не смог. Горло сжалось, лёгкие горели, требуя воздуха, которого не было.

Морские девы тянули меня вниз. Я чувствовал их пальцы на лодыжках — длинные, холодные, с перепонками, которые скользили по коже, как мокрая ткань. Они не рвали, не царапали. Просто держали. Крепко. Так, что я не мог пошевелить ногами.

Я дёрнулся. Раз. Другой. Бесполезно. Тело не слушалось. Руки хватали воду, но пальцы проходили сквозь неё, не находя опоры. Я попытался закричать — и только выпустил остатки воздуха. Пузыри поднялись вверх, к тусклому свету поверхности, а я остался внизу. Один.

Лица двух морских дев, что держали меня крепче других, были совсем близко. Я видел их глаза — большие, тёмные, без дна. Видел губы, растянутые в улыбке. Видел зубы — тонкие, как иглы, ровные, блестящие. Они не торопились. Смотрели на меня так, как смотрят на еду, которую ещё не решили, с чего начать.

Я молился. Хелварду. Салихат. Любому, кто мог услышать. Слова рвались в голове, обрывками, без связи. «Помогите. Кто-нибудь. Я не хочу умирать здесь. Не так. Не в воде. Не с ними».

Никто не ответил.

На дне, куда меня тянули, я увидел тень. Она была огромной — больше любого корабля, что я видел в порту. Тень ворочалась в иле, и от её движения вода стала мутной, тяжёлой, как взвесь грязи. Я разглядел клыки — длинные, загнутые, похожие на сталактиты в пещерах. И свет. Фиолетовый, пульсирующий, медленный. Он шёл из глубины тени, как будто внутри неё билось сердце. Большое. Древнее. Живое.

«Морской черт», — понял я.

И тогда я закричал. Без слов. Просто закричал, выпуская последний воздух, чувствуя, как лёгкие разрываются от пустоты, как перед глазами темнеет, как тело перестаёт бороться.

Удар.

Не звук. Не свет. Просто — удар. Он прошёл сквозь меня, как будто в грудь вогнали раскалённый прут. Вода вокруг вспыхнула, закипела, осветилась изнутри. Я почувствовал, как пальцы морских дев разжались. Как их тела отбросило в стороны. Как холод, который держал меня, отпустил.

А потом — тишина.

Я лежал на дне лодки. Дерево под спиной было мокрым и холодным. Надо мной — небо, серое, затянутое тучами. Лодка покачивалась на волнах, и от этого покачивания к горлу подступала тошнота.

Я повернул голову. Рядом, в воде, плавала туша морского черта. Фиолетовые прожилки погасли. Они больше не пульсировали — просто висели в воде, как старые верёвки. Две девы моря лежали на поверхности, их хвосты — зелёные, с чёрной чешуёй — покачивались на волнах.

Я попытался встать. Тело не слушалось. Каждая кость ныла, как будто меня били долго и методично. В груди что-то шевелилось — не физически, а глубже. Как будто там, внутри, что-то проснулось и теперь смотрело на мир через мои глаза.

«Ты не умер, — сказал я себе. — Ты не умер. Значит, ещё что-то будет».
Я не знал тогда, насколько был прав.

Глава 2: Два дня назад. Воспоминания о Чёрном павлине и золотой монете

Два дня назад я лежал на койке в своей норе на окраине Водохранилища. Потолок был низким, закопчённым, с трещинами, которые я знал наизусть. Койка пахла потом и прелой соломой. Я смотрел в потолок и считал трещины — их было семнадцать. Я знал это, потому что считал их каждую ночь, когда не мог уснуть.

Десять золотых. Столько стоило узнать свою судьбу в храме. Столько стоило прикоснуться к свитку начертания, чтобы боги сказали, кто ты есть. Воин. Жрец. Маг. Земледелец. Или изгой — как я. Десять золотых — это год жизни в Водохранилище. Это рискованный заказ. Это, возможно, твоя жизнь, спрессованная в горсть блестящего металла.

У меня не было десяти золотых. У меня не было и пяти. Я был вором из гильдии «Чёрный павлин», и моя жизнь стоила ровно столько, сколько я мог украсть за ночь.

Мой день начинался с заката. Я просыпался, когда солнце садилось, и первые тени ложились на воду. Город на воде оживал ночью — рынки открывались, лодки сновали между домами, воздух наполнялся запахами жареного мяса, специй, пота и дешёвого вина. Это был мой мир. Я знал его наизусть — каждую щель, каждую трещину, каждый потайной ход.

Запрос пришёл вечером. Марек, один из связных гильдии, вошёл в мою комнату без стука. Он двигался тихо, почти не касаясь пола, и оставил на столе монету. Медную. С гербом гильдии — чёрным павлином с алыми глазами.

Я взял монету. Она была холодной. На одной стороне — павлин. На другой — время встречи. Полночь. Старый дуб на северной окраине.

В гильдии «Чёрный павлин» мы выполняли всё. Кражи. Убийства. Похищения. Подставы. Заказчик платил — мы работали. Мы не задавали вопросов. Это было правило, которое позволяло нам выживать. Тот, кто задавал лишние вопросы, очень быстро переставал задавать любые вопросы вообще. Он становился частью дна Водохранилища — тихо, без следа.

Я не знал, кто заказчик. Я не знал, что именно нужно украсть. Я знал только время и место. Этого было достаточно.

Ночь накрыла город. Луна висела над водой — бледная, как старая монета, которую слишком долго держали в кармане. Звёзды были мелкими и холодными, как искры в золе. Я шёл через скалистые горы к храму Салихат, и ветер нёс с собой запах соли и водорослей.

Храм был высечен в скале. Часть — природные пещеры, часть — каменные блоки, покрытые мхом. Башни уходили в небо, как пальцы, тянущиеся к богам. Я знал режим охраны. Стража ходила по стенам каждые два с половиной часа. Монахи меняли свечи каждые четыре часа. И только в час молитвы Лильет — глубокой ночью — в храме не было движения. Все молились. Даже призраки замирали.

Я купил карту храма у служки за пять серебряных. Он взял деньги дрожащими руками и исчез в темноте.

В ту ночь за свитком пришёл не только я.

Комната Архива была огромной. Окна под потолком, закованные в решётки. Лунный свет пробивался через них, окрашивая всё в серо-пепельные тона. Тысячи стеллажей уходили вверх, как деревья в каменном лесу. На них висели амулеты и печати — они шипели и искрились, если к ним приближались с дурными намерениями. Под потолком парили хрустальные кристаллы на серебряных цепях. Они следили. Освещали. Отражали каждое движение.

И призраки. Умершие, что дали клятву служить Салихат после смерти. Они скользили между стеллажами бесшумно, их лица скрывались под капюшонами из серого тумана. Они искали живых.

Я заметил его внизу, в центральном проходе. Тень. Маг. Я не видел лица — только руки, которые плели полог тишины. Он двигался выверенно, ставил антиследящие талисманы на каждом шагу. Профессионал.

Но кристаллы уже зажглись багровым. Свет окрасил всё в красный. Умертвия развернулись и двинулись к магу — синхронно, молча. Он отбивался молниями. Глухо. Без звука. Полог тишины держался.

Я не знал его. Мне было всё равно. Он стал приманкой. Я мысленно поблагодарил богов и нырнул в проход за красной портьерой.

За ней была зала с открытым небом. Ветер гулял свободно. В центре стоял алтарь из чёрного обсидиана. На нём лежали пять свитков. Четыре — на подставках из слоновой кости и золота. Пятый — брошен на голый камень. Словно кто-то оставил его здесь специально. На виду. Ожидая, что его возьмут.

Я прошёл по дорожке из белых камней, мимо статуй героев и ликов богов. Воздух стал тяжёлым. Время — вязким. Я протянул руку к золотому кольцу на свитке.

Чужая рука перехватила мою.

Но я успел коснуться пергамента. Кончиками пальцев.

Свет.

Он был ярким, ослепительным, он выжигал тени и заставлял кристаллы взорваться фейерверком искр. Нас отбросило в стороны. Я ударился спиной о колонну. Боль пронзила грудь, выбила воздух из лёгких. На губах — вкус крови.

Рядом на полу лежал парень в плаще мага. Маска из белого закалённого стекла скрывала лицо. Он был без сознания. Дышал прерывисто, как раненый зверь.

Я терял сознание. И понимал: если мы не выберемся — нас казнят. На мне клеймо вора. Я умру первым. Долго. Мучительно.

Я обыскал его. Пальцы, привыкшие к мелкой работе, быстро нашли свиток обратного возвращения. Я разорвал плетение зубами. Вцепился в свиток предсказания. Портал затянул нас в воронку из света и тьмы.

Мы выпали в холодную воду у скалистого берега.

Глава 3: Клятва под пыткой

Я очнулся в комнате, которая пахла рыбой. Не свежей — застарелой, вьевшейся в каждую щель. Дерево стен было старым, почерневшим. В камине горел огонь, но дым шёл в комнату, а не в трубу. Глаза слезились. Где-то за стенами шумело море — глухо, тяжело, как будто кто-то бил в большой барабан.

Я лежал на полу. Руки и ноги не слушались. Я мог шевелить только глазами и кончиками пальцев. Тело было чужим — тяжёлым, как мешок с песком.

За стеной, тонкой дощатой перегородкой, говорили двое. Голоса были приглушёнными, но я слышал каждое слово. Я затаил дыхание и прислушался.

— Он первый коснулся свитка, — скрипел старик. — Теперь только он сможет открыть его. Салихат сделала свой выбор.

— Я понимаю, учитель. — Голос был молодой. Дрожащий. — Но свиток брата... я хотел узнать, за что его казнили без суда и следствия. Он был героем, а его имя предали поруганию.

Тишина. Дрова трещали в камине. Ветер выл за окном.

— Ты знаешь, что там написано? — спросил старик.

— Нет. Свиток был пуст. Я коснулся его после Халласа, но ничего не произошло. Он не открылся мне. Словно внутри была только тьма. Бездна.

— Потому что Салихат выбрала его. Не тебя. Не Велиша. Его. Вора. самого недостойного, по меркам людей, но самого достойного, по воле богов.

Я лежал, не двигаясь. Каждое слово входило в меня, как гвоздь в доску. «Велиш — его брат». Вот почему этот маг был так одержим свитком. Он искал правду о своём брате, которого казнили как еретика.

— Что теперь? — спросил Хелвард.

— Теперь только он, — старик, кажется, кивнул в мою сторону. — Только Халлас может прочитать свиток. Но он слаб. Почти мёртв.

— У нас нет времени. Стража ищет нас. Они уже перекрыли все выходы из города.

— Найдут и меня, — старик усмехнулся. — Старого рыбака, укрывающего беглецов. Но я уже стар. Мне нечего терять, кроме последнего долга.

— Он очнулся, — вдруг сказал старик. — Я слышу его дыхание. Воришка притворяется. Я внутренне выругался. Сердце забилося быстрее.

— Открой глаза, Халлас, — голос Хелварда прозвучал надо мной.

Я открыл глаза.

Невидимая сила подняла меня в воздух. Я повис, как тряпичная кукла, не в силах сопротивляться. Передо мной сидел старик. Седой, как пена морская. Длинная борода, в которой запутались водоросли. Лицо в глубоких морщинах — как трещины в скалах. Сухой, жилистый. Но в нём чувствовалась сила. Древняя. Как будто внутри него спал вулкан.

Я узнал его. Архимаг Глеотхайн. Легенда. Герой, сокрушивший армию тысячи демонов у врат столицы. Его имя гремело по всему миру. Его боялись. О нём слагали баллады.

А теперь он сидел в убогой рыбацкой хижине и смотрел на меня своим единственным глазом. В нём отражался холод мирового океана.

— Говори, мальчишка. Кто послал тебя за свитком?

— В гильдию пришёл запрос, — выдавил я. Горло царапало каждый звук. — Я исполнитель. Я не знаю заказчика. Это правило. Анонимность.

— Лжёшь. — В его голосе не было сомнений. — Воры всегда знают, кто платит. Это инстинкт выживания. Или они не живут долго.

Он щёлкнул пальцами. Воздух сжался вокруг меня. Рёбра затрещали. Я захрипел, пытаясь вдохнуть.

— Я правда не знаю! — прохрипел я. — В гильдии всё анонимно. Запрос через третьих лиц. Мы работаем по монетам. Монета и конверт. Никаких имён. Это закон!

Глеотхайн смотрел на меня долго. Его глаз сверлил меня насквозь. Искал ложь. Не нашёл. Он медленно поднялся со стула. Его фигура нависла надо мной, отбрасывая длинную тень на стену.

— Хорошо, — сказал он. И в его голосе появилась мягкость, от которой по коже побежали мурашки. — Ты не знаешь заказчика. Это я понял. Но ты знаешь гильдию. Ты знаешь её структуру, её людей, её тайные ходы. И ты расскажешь мне всё.

Он поднял руку. В его пальцах вспыхнул синий огонь — холодный, потусторонний, пахнущий озоном и вековой пылью.

— У меня нет времени на твои игры, мальчишка. Ты расскажешь мне о «Чёрном павлине», или я выжгу эту информацию из твоего разума. Слои за слоями. Медленно. Ты будешь чувствовать, как твои собственные мысли превращаются в пепел.

Я сглотнул. В горле пересохло. Я знал, что он не шутит. Маги из башни не знали пощады.

Глеотхайн щёлкнул пальцами. Синее пламя сорвалось с его руки и впилося в мою грудь. Я закричал. Не от боли — от холода. Ледяной холод расползлся по венам, сковывая мышцы, вымораживая душу. Он копался в моей голове. Вытаскивал наружу самые тёмные воспоминания. Те, которые я хотел похоронить навсегда.

Я видел лица, которые хотел забыть. Слышал голоса, которые преследовали меня по ночам. Чувствовал запах крови, который не мог смыть с рук.

— Остановитесь! — закричал я. — Пожалуйста!

— Тогда говори, — спокойно сказал Глеотхайн. — Имя главы гильдии. Где находится логово. Кто входит в круг доверенных.

Я пытался бороться. Поставить стену в сознании. Но он был слишком силен. Его магия проникала в самые потаённые уголки, вырывая всё, что он хотел знать. Я чувствовал, как моя воля тает, как песок сквозь пальцы.

— Я скажу! — выкрикнул я, захлёбываясь кашлем. — Я всё скажу! Только остановитесь!

Пламя исчезло. Я рухнул на пол. Хватал воздух ртом. Каждый вдох отдавался болью в груди. Тело дрожало. Зубы стучали. Я смотрел в потолок, чувствуя, как слезы смешиваются с потом на лице.

— Хорошо, — сказал Глеотхайн, садясь напротив меня. — Я слушаю.

Я лежал на холодном полу. Мысли разбегались, как тараканы. Я знал: если скажу всё — меня убьют. Гильдия или этот старик. Я был мёртв в любом случае. Но если я сделаю это правильно... если выторгую себе шанс...

Я медленно приподнялся на локтях. Встретился взглядом с архимагом.

— Я скажу вам всё, — прохрипел я. — Всё, что знаю о «Чёрном павлине». О заказчиках. О тайных ходах. О яйцах демонов, которые гильдия впускает в своих членов. Но у меня есть условие.

Глеотхайн приподнял бровь.

— Ты в том положении, чтобы ставить условия?

— Я в том положении, — я попытался улыбнуться, хотя губы дрожали, — чтобы выбирать, как мне умереть. Быстро или медленно. От метки гильдии или от ваших пыток. Но я выбираю третий путь. Я хочу жить.

Я перевёл взгляд на Хелварда. Он стоял у стены, скрестив руки. Лицо — непроницаемое.

— Ваш ученик, — сказал я. — Он хочет узнать правду о своём брате. Я — единственный ключ к этой правде. Я единственный, кто может открыть свиток. Но я не сделаю этого, пока у меня нет гарантий.

— Каких гарантий? — спросил Глеотхайн.

— Клятва единства, — сказал я, глядя на Хелварда. — Мы связаны судьбой, верно? Так свяжем себя магией. Если я умру от метки гильдии — ты умрёшь со мной. Если я предам вас — я умру. Но если ты предашь меня, если ты позволишь мне умереть... ты умрёшь тоже. Тогда у тебя будет причина защищать меня, а не просто использовать.

Хелвард побледнел. Его руки сжались в кулаки.

— Ты просишь меня умереть с тобой? Вором? Преступником?

— Я прошу тебя не дать мне умереть, — ответил я. — Разница большая. Ты хочешь узнать правду о брате. Я — единственный ключ к ней. Подумай.

Тишина. Камин трещал. Ветер выл за стенами.

— Он прав, — вдруг сказал Глеотхайн. — Если вы связаны судьбой, клятва единства только укрепит связь. Ты будешь знать, когда он в опасности. Сможешь почувствовать его страх, его боль. Это не проклятие — это защита. И это единственный способ заставить этого кота говорить правду.

Хелвард сжал кулаки так, что побелели костяшки.

— Ты хочешь, чтобы я привязал себя к вору? К тому, кто украл судьбу моего брата?

— Нет, — я усмехнулся. — Я хочу, чтобы ты привязал себя к единственному человеку, который может прочесть свиток твоего брата. Твоя гордость не стоит правды.

Хелвард смотрел на меня долго. Потом медленно кивнул.

— Хорошо, — сказал он тихо. — Но если ты предашь меня... если ты солжёшь... я разорву клятву. Даже если это убьёт меня. Я найду способ.

Глеотхайн рассмеялся — сухо, каркаяще.

— О, вы мне нравитесь, — сказал он. — Два дурака, которые готовы умереть друг за друга, но ненавидят друг друга. Богиня Салихат любит такие игры. Они всегда заканчиваются либо трагедией, либо величием.

Он поднял руку. Синий огонь вспыхнул между пальцами.

— Будете стоять или как? Время не ждёт.

Хелвард шагнул ко мне. Его лицо было бледным, как мел. Он протянул руку ладонью вверх.

— Твою, — сказал он коротко.

Я вложил свою ладонь в его. Кожа была горячей. Я чувствовал его пульс — частый, напряженный. Он тоже боялся.

Глеотхайн щелкнул пальцами. Голубое пламя упало на наши руки. Вспышка. Боль. Я зашипел сквозь зубы. Огонь впелся в кожу, выжигая узор.

На моём запястье проявились две змеи. Переплетённые тела. Головы, устремлённые друг к другу. Чешуя переливалась серебром и синью. Я чувствовал, как она пульсирует в такт моему сердцу. На руке Хелварда появился точно такой же узор.

— «Не отвернёт взгляда, не закроет сердца и защитит от смерти, как самого себя, дающий клятву единой судьбы», — произнёс Глеотхайн. — Теперь вы связаны. Смерть одного приведёт к смерти второго. Предательство одного сожжёт сердца обоих.

Он усмехнулся.

— Это клетка. Вы прикованы друг к другу до тех пор, пока не разорвёте проклятие или не умрёте.

Я посмотрел на свою руку. Змеи пульсировали в такт моему сердцу. Я чувствовал их — как второй пульс. И в груди появилось странное ощущение. Чужое. Я чувствовал дыхание Хелварда, хотя он стоял в двух шагах. Чувствовал его страх. Змеи передавали мне его сердцебиение, его эмоции, его боль.

Хелвард смотрел на свою руку. Его лицо исказилось.

— Я чувствую тебя, — сказал он тихо. — Твою боль. Твой страх. Ты боишься не смерти. Ты боишься... что твоя гильдия найдёт тебя. Что она сделает с тобой.

Я сглотнул. Он был прав.

— А ты боишься, что твой брат был не героем, а предателем, — ответил я. — Что его казнь была справедливой. Это то, что ты скрываешь за своей маской.

Мы смотрели друг на друга. Два врага, прикованные друг к другу. Два человека, которые ненавидели друг друга и одновременно слышали биение сердец друг друга.

— Хватит, — Глеотхайн хлопнул в ладоши. — Эмоции оставьте для монстров. У нас есть работа. Халлас, ты говоришь, что не знаешь заказчика. Но ты знаешь, как передали запрос?

Я кивнул.

— Монету, — сказал я. — Мне принесли медную монету с гербом гильдии и временем встречи. Встреча была у старого дуба на северной окраине. Я пришёл, там лежал конверт. Внутри была карта храма, время, подпись. Без имени. Без герба. Только зашифрованный код.

— И ты не задумался? Не задался вопросом, почему такая простая кража требует такой секретности?

— У нас не спрашивают, — пожал я плечами. — Мы делаем работу. Мы не задаём вопросов. Так мы выживаем. Вопросы — это роскошь для тех, у кого есть будущее.

— Или умираем, — Глеотхайн усмехнулся. — Как сейчас.

Он повернулся к камину, достал кочергу, начал ворошить дрова.

— Монета, — сказал он задумчиво. — Это старый способ. Его используют те, кто не хочет оставлять следов. Кто боится, что письмо перехватят. Или кто не хочет, чтобы его заказ связали с его именем.

— Вы знаете, кто это может быть? — спросил Хелвард.

— Знаю, — Глеотхайн повернулся. — Я сам так делал, когда отправлял вас на задания, Хелвард. Твой брат тоже ходил по этим тропам. Он был моим лучшим агентом.

Хелвард побледнел ещё сильнее.

— Вы знали, что он пошёл в храм? Что он хотел узнать свою судьбу?

— Знал, — старик вздохнул. — Я послал его. Я думал, что он готов. И он умер. А теперь я хочу узнать, кто на самом деле убил моего ученика. Не палач. Не королевский указ. А тот, кто заказал его смерть.

Я почувствовал, как магия Глеотхайна ослабевает. Мне удалось освободиться от сковывающего заклятия. Я медленно поднялся, чувствуя, как кровь возвращается в онемевшие ноги. Я осмотрелся. За окном — скалы и тёмное море. Мы были на берегу. Но где именно?

— Вам нужно отправиться на окраины города, в старые акведуки, ведущие к центру, — сказал я. — Там, ориентируясь по отметкам из чёрной гальки, вы найдёте водохранилище, где на лодках построен целый город. Вход в гильдию находится в старой башне, которая стоит на самом глубоком месте.

Я не успел закончить. В воздухе запахло жареным мясом — резким, отвратительным. Хелвард схватился за грудь. Его лицо исказилось от боли. Змеи на запястье вспыхнули багровым.

— Что... — выдохнул он, сгибаясь пополам.

Глеотхайн не стал ждать. Он ткнул меня посохом в грудь — туда, где сидела метка гильдии. Я почувствовал, как дерево прожигает кожу. Из груди, как гной из раны, хлынула чёрная жижа. Она упала на пол с чавкающим звуком.

Я смотрел, как чёрная лужица шевелится. Пульсирует. Пытается собраться в форму. В ней угадывались очертания — крошечные ручки, голова с провалами вместо глаз, маленький рот, который открывался в беззвучном крике.

— Мерзость, — брезгливо произнёс Глеотхайн. — Мелкий демон вместо печати. Гильдия посадила тебе в грудь не просто метку. Они вложили в тебя яйцо. Семя тьмы.

— Что? — мир поплыл.

— Когда ты умрёшь от предательства, или когда они решат тебя убрать, демон выльупится, — пояснил архимаг. — Он сожрёт твою душу, получит твои воспоминания и вернётся в гильдию с отчётом. Ты думал, метка просто убьёт тебя? Нет, мальчик. Ты будешь чувствовать, как твоё тело пожирают изнутри. И твой страх — лучшая пища для него.

— Мы можем его убить? Вытащить?

— Убили, — Глеотхайн ткнул посохом в чёрную лужу. Та пискнула и растворилась. — Но это был только один. В твоей груди их может быть больше. Или хуже — там может быть не семя, а личинка, которая уже вплелась в твои органы.

Хелвард выпрямился, все еще сжимая грудь.

— Я чувствовал, как оно движется, — сказал он хрипло. — Внутри него. Как червь. Как гниль.

Я посмотрел на свою грудь. Чёрная татуировка павлина исчезла. На её месте остался багровый, воспалённый шрам.

— Так вот почему вы ударили меня по голове, — понял я. — Вы знали. Вы почувствовали его, когда я вошёл.

— Я догадывался, — кивнул Глеотхайн. — Метка магов не пахнет мертвечиной. А твоя пахла. Я ждал, когда он созреет, чтобы вытащить. Если бы мы убили его раньше, он мог бы взорваться у тебя в груди.

Он подошёл ко мне. Его пальцы, сухие и холодные, легли на моё лицо.

— Спи, малыш, — прошептал он. — Твоему телу нужно восстановиться.

Мир поплыл. Голоса стали далекими. Я провалился в черноту.

Последнее, что я услышал — голос Хелварда:

— Учитель, их может быть больше. Он ведь даже не знал. Он шёл на смерть, не ведая об этом.

— Потому и не боялся, — ответил старик. — А теперь будет. Страх — лучший корм для демонов. Мы должны успеть очистить его до того, как они выльупятся. Иначе мы потеряем не только его, но и шанс узнать правду.

Глава 4: Маяк и полукровка

Я проснулся без страха. Впервые за долгие годы. Сон был мирным — тёмным, глубоким, без снов. Я открыл глаза глубокой ночью. В комнате было темно. В камине потрескивали угли. Над огнём дымился котелок — пахло травами и чем-то сладким.

Я сел. Легко. Впервые легко. Шрам на груди затянулся — осталась бледная розовая полоса. Я потрогал её. Кожа была целой. Под ней — ровный пульс.

Я встал, прошёлся по комнате. Ноги слушались. Дышать было легко.

— Учитель и старший ученик просили за вами присмотреть, — раздался тихий голос из тени у двери. — Вы можете выйти, но маяк покидать не советую. Ночь опасна.

Я повернулся.

Из темноты выступила девушка. Светлые, почти белые волосы, заплетённые в тугую косу. Глаза — цвета чистого неба. Милые черты лица. Но взгляд — пустой, отчуждённый. Как у человека, который слишком много видел.

— Еда в котле, — она кивнула на очаг. — Меня зовут Роза Фалеке. Я здесь, чтобы помочь.

Она сделала лёгкий поклон. Прядь волос упала, открывая ухо. Оно было заострено кверху — эльфийское. Но не чистое. Слишком короткое для чистокровной эльфийки. Слишком округлое для человека.

Она быстро спрятала ухо обратно за прядь и села за стол, делая вид, что занята снадобьями.

— Полукровка значит, — я усмехнулся, оскалив клыки. — Халлас Чёрный Кот, прошу любить и жаловать.

Роза сморщила нос и демонстративно отвернулась. Но я заметил, как её плечи чуть ослабились.

— Ты не боишься, — сказала она, не оборачиваясь.

— Чего?

— Что я — эльфийка, — она повернулась. В глазах — вызов. — Мои сородичи убивают таких, как ты. Без сожаления. Как вредителей.

— А ты — не твои сородичи, — я пожал плечами. — Ты полукровка. Как и я. Нас не любят ни там, ни здесь. Мы — ничьи. Мы сами по себе.

Роза смотрела на меня долго. Потом уголки её губ дрогнули — чуть-чуть.

— Ты странный, — сказала она. — Обычно вору хитрее. Или злее.

— А я — котяра, — я ухмыльнулся. — Коты не бывают злыми. Мы просто любим свободу. И мы не притворяемся.

Она фыркнула и вернулась к травам.

— Учитель сказал, что ты должен есть. В котле уха и хлеб. Не отравлено. Я не трачу яды на гостей.

Я направился к очагу. Желудок урчал. Я взял миску, налил суп. Наваристый, густой. Пах морем, травами и домашним уютом. Белый хлеб пах сладостью и свежей закваской.

Я схватил ложку и поднёс к губам. Первый глоток обжёг язык. Тёплый, сытный, с дымком. Лучшее, что я ел за последние месяцы. Мои глаза блеснули. Я даже не заметил, как за спиной вылез хвост — длинный, чёрный, с белой кисточкой. Он забился, как у довольного кота.

Из-за спины донёсся сдавленный смешок. Я обернулся. Роза сидела с каменным лицом. Только уголки губ чуть дрогнули.

«Притворяется», — понял я.

Я налил в две миски суп. Отломил кусок хлеба и положил рядом с её миской.

Роза подняла глаза. В них — удивление.

— Учитель сказал, что весь котёл только вам, — сказала она тихо.

— Одному есть вредно, — я пожал плечами и сел напротив. — Я полукровка. Я знаю, каково быть не таким. Так что ешь.

Она смотрела на миску. Потом на меня.

— Почему ты это делаешь? — спросила она. — Ты даже не знаешь меня. Я могла бы тебя отравить.

— А ты знаешь меня? — я усмехнулся. — Но ты принесла мне еду. Ты сказала, что спрячешь меня под полом. Ты дала мне слово. Доверие начинается с малого. С супа. С хлеба.

Она молчала. Потом медленно взяла ложку. Зачерпнула суп. Отправила в рот.

Я видел, как изменилось её лицо. Тень благодарности мелькнула в глазах. Она почти улыбнулась, но сдержалась.

— Вкусно, — сказала она коротко.

— Спасибо, что сварила, — ответил я.

Мы ели молча. Море шумело за окном. Камин трещал. Впервые за долгое время я чувствовал, что я не один.

Роза доела суп, поставила миску.

— Ты странный, Халлас, — сказала она. — Ты мог бы съесть всё сам. Ты голоден. Ты слаб. Но ты поделился. Зачем?

— Я же сказал, — я усмехнулся. — Коты не бывают злыми. Мы просто любим свободу. И иногда — хорошую компанию.

Она покачала головой. Но в её глазах больше не было той ледяной пустоты. Было что-то тёплое. Едва заметное.

Дверь открылась с грохотом. В комнату ворвался холодный ветер. На пороге стояли двое — Хелвард и Глеотхайн. Их плащи были мокрыми. От них пахло озоном, морской солью и чем-то горелым.

— Учитель, вы мудро придумали, — Хелвард снимал с плеча старика тяжёлый плащ. — Сказать всем, что здесь вы проводите новые опыты по изменению климата. Стража разбежалась, как крысы от огня.

— Да, да, мальчик мой, — Глеотхайн достал из сумки длинную трубку. — Молнии как раз начали бить в пляж. Очень вовремя. У нас есть время, пока они не поняли, что это был не эксперимент.

Он щёлкнул пальцами. В трубке зажглась искра. Пахло вишневым табаком.

— Потом отменю грозу. Пусть дрожат и гадают.

Хелвард снял маску. Я увидел его лицо полностью. Острые скулы. Тёмные глаза. Тени под глазами. Он выглядел уставшим. Измождённым. Но когда его взгляд упал на меня и на пустую миску Розы, в глазах мелькнуло удивление.

— Трапезничаем, молодые люди? — Глеотхайн выпустил кольцо дыма. — Налей-ка старику супчика. Не жадничай.

Я усмехнулся. Взял третью миску, наполнил. Поставил перед архимагом. Хлеб, который я собирался доесть, я надломил и протянул ему.

— Я знал, что ты хороший мальчик, — Глеотхайн принял хлеб, обмакнул в суп. Его лицо просветлело. — Роза, ты превзошла себя. Давно я не ел такой ухи. Настоящая магия.

Роза сидела с каменным лицом, но чуть приподняла подбородок.

— Я не для вас старалась, — сказала она сухо. — Для гостя.

— Знаю, знаю, — старик усмехнулся. — Для гостя. Так и должно быть.

Хелвард молча сел напротив меня. Он не взял еду. Он просто смотрел на меня. Изучал.

— Ты поделился с ней, — сказал он тихо. — Я чувствую твою сытость. Но я чувствую и её. Ты отдал часть своей еды. Почему?

— Ты умеешь чувствовать, — ответил я. — Но я не понимаю, зачем тебе эта информация.

— Затем, — Хелвард подался вперёд, — что я хочу понять, кто ты на самом деле. Вор, который украл судьбу моего брата. Или... кто-то другой.

Я встретил его взгляд. Впервые — без злобы. Мы оба были уставшими. Мы оба были связаны.

— Хелвард, — Глеотхайн отвлёкся от супа, — дай мальчику хотя бы поесть. Допросы потом. У нас есть вся ночь.

Хелвард откинулся на спинку стула, но глаз не отвёл.

— Ночь, — повторил он. — А что потом?

— Потом мы идём в город на воде, — сказал Глеотхайн, вытирая губы. — Я нашёл путь. И я нашёл человека.

Он обвёл всех взглядом.

— Там живёт человек, который знает всё о демонах. Он избавит мальчишку от паразитов. И он знает, кто заказал кражу свитка. Он был свидетелем.

Тишина.

— Но есть условие, — добавил архимаг. — Мы должны идти без магии. В городе на воде её чувствуют за милю. Если они учуют меня или Хелварда — нас убьют до того, как мы ступим на первую лодку. Магия там запрещена под страхом смерти.

Хелвард сжал кулаки.

— Без магии? Это безумие.

— Без магии, — подтвердил Глеотхайн. — Просто люди. Простые путники. Ты, я, Роза и наш чёрный кот.

Он усмехнулся и ткнул меня посохом в плечо.

— Ты не против, Халлас?

Я посмотрел на свои руки. На след от клятвы. На шрам на груди.

— Я вор, — сказал я. — Я умею быть невидимым. Даже без магии.

— Вот и отлично, — Глеотхайн поднял свою миску. — Тогда за новый путь. За правду. За брата Хелварда. За свободу Розы. За жизнь Халласа.

Все подняли свои миски — даже Роза.

Глава 5: Город на воде и старый ключ

Утро встретило нас свинцовым небом. Тучи затянули горизонт. Где-то далеко гроыхал гром. Молнии били на горизонте — видимо, Глеотхайн так и не отменил свою грозу.

Мы молча собирались. Мне выдали перчатки из альдера — самого прочного металла. О таком оружии я мог только мечтать. Я надел их. Они зашипели, принимая форму моих рук. Металл обвил запястья, подстроился под пальцы. Когда я сжал кулак, на концах выступили когти — тонкие, острые. Я провёл ими по деревянному столбу. Металл вошёл в дерево, как нож в масло.

— Хорошая вещь, — усмехнулся я.

— Лучшая, — сказал Глеотхайн. — Альдер запоминает хозяина. Никто, кроме тебя, не сможет их надеть. Не потеряй.

Следом мне дали короткий плащ ученика мага. На нём была вышита метка золотых Орлов. Ткань была плотной, почти невесомой. Я накинул его на плечи. Плащ словно стал частью меня, скрывая очертания тела.

— Никто, кроме Архимага, не может приказать мне что-либо сделать, — сказал я, цитируя правило. — А значит, я теперь ваш ученик?

— Временный, — Глеотхайн подмигнул. — Не привыкай.

Роза облачилась в мундир мага-мечника. Тёмно-синий дублет. Длинная юбка с разрезами. На поясе — два клинка. Чёрные, с серебряными прожилками.

— Эльфийская работа, — заметил я.

— Чистокровная эльфийская работа, — поправила Роза. — Мой отец был оружейником. Он сделал их для меня... перед тем, как его убили за то, что он дал оружие полукровке.

Она сказала это без эмоций. Но её пальцы на мгновение сжали рукоять клинка.

Хелвард надел маску из закалённого стекла и тёмный плащ. Его глаза через стекло казались холодными. Но я чувствовал его напряжение через клятву.

Глеотхайн осмотрел нас.

— Ну что, дети, — сказал он. — Пойдём спросим у людей, что делают демоны в нашем городе и кто их кормит.

Он вышел из маяка. Мы двинулись за ним. Гроыхнуло небо. Ветер трепал плащи.

Архимаг остановился на краю обрыва. Волны бились о скалы. Он хлопнул в ладоши. Из воздуха соткался ковёр. Старый, потрёпанный, с выцветшими узорами. Он опустился на землю. Глеотхайн шагнул на него, садясь, как в кресло.

Ковёр поднялся в воздух.

— Что так удивлённо смотришь, котяра? — усмехнулся архимаг. — На прошлом параде я тоже был на ковре. Если хочешь что-то украсть, запомни: без меня он работать не будет.

— А ты попробуй! — я оскалился. — С ним можно столько всего вынести.

Роза фыркнула. Хелвард скрестил руки, но уголки его губ дрогнули под маской.

— Хватит болтать, — сказал он. — Нам ещё лететь до города.

— Лететь? — я поднял бровь.

Глеотхайн хлопнул по ковру. Ковёр расширился, принимая нас всех.

— Садитесь, дети. Сегодня мы летим на восток. За тучи. За горы. В город, где вода говорит, а камни помнят.

Я шагнул на ковёр. Ткань прогнулась под моим весом, но удержала. Я сел. Ветер начал играть с моими волосами.

— А если мы упадём? — спросил я, глядя вниз на бушующее море.

— Не упадёте, — усмехнулся архимаг. — Если вы, конечно, не слишком толстые. Роза, убери свой клинок, а то проткнёшь ковёр.

Ковёр взмыл в воздух, разрезая тучи. Ветер ударил в лицо. Я прикрыл глаза. Когда открыл — маяк остался далеко внизу. Впереди — серые очертания города, висящего над водой.

— Город на воде, — начал Глеотхайн, попыхивая трубкой. — Его настоящее имя — Пустое Море. Но все зовут его просто Водохранилище. Когда-то это был древний акведук, который питал водой целые земли. Потом пришли строители, перекрыли русло, и на месте старого водоёма вырос город. Город, где нет земли.

Он выпустил кольцо дыма.

— По сути, это место преступления и разбоя. Чёрный рынок, где продают всё. И центр гильдии «Чёрный павлин».

Я почувствовал, как в груди похолодело.

— Мы летим в логово зверя, — сказал я.

— Летим, — подтвердил архимаг. — Но зверь не знает, что мы идём.

Хелвард стоял на краю ковра, держась за край. Ветер играл с его плащом.

— А если нас узнают? — спросил я.

— Тебя не узнают, — ответил Глеотхайн. — Ты теперь ученик мага. У тебя плащ и метка Орлов. А лицо... лицо у тебя новое. Ты уже не просто Халлас Чёрный Кот.

Роза сидела на корточках, обхватив колени. Смотрела на горизонт.

— Я тоже не должна привлекать внимание, — сказала она. — Я буду молчать.

— У тебя это хорошо получается, — усмехнулся я.

Она бросила на меня взгляд.

— Я не притворяюсь. Я просто не вижу смысла говорить.

— А я вижу, — я улыбнулся. — Поэтому говорю за двоих.

Хелвард повернулся ко мне.

— В Водохранилище ты будешь говорить только по делу, — сказал он тихо. — Слова там стоят дорого. Иногда — жизнью.

Глеотхайн поднял руку.

— Хватит. Мы почти на месте.

Ковёр начал снижаться. Туман расступился. Внизу открылась панорама.

Огромное водохранилище, окружённое скалами. По воде плавали сотни лодок и плотов, связанных мостками. Между ними стояли дома — разноцветные, кривые, сколоченные из всего, что можно было найти. Весь город держался на честном слове и гнилых сваях. В центре возвышалась башня — серая, мрачная, с чёрным флагом. На флаге — павлин с алыми глазами.

— Добро пожаловать в Водохранилище, — сказал Глеотхайн. — И помните: здесь мы — чужие. Никаких имён. Никаких связей. Никаких краж.

Он посмотрел на меня.

— Особенно ты, кот.

Я надел перчатки. Когти спрятаны.

— Я буду паинькой, — сказал я.

— Вот этого я и боюсь, — вздохнул архимаг.

Ковёр коснулся деревянного причала. Вода плескалась под ногами. Город шумел — крики торговцев, звон монет, скрип уключин. В воздухе пахло рыбой, сыростью, дешёвым пивом и гнилью.

Мы шагнули на настил. Ковёр свернулся и исчез в руке Глеотхайна.

— Веди, — сказал архимаг. — Ты знаешь этот город лучше нас.

Я посмотрел на знакомые улицы. На торговцев. На стражников.

Это был мой дом. И теперь я возвращался в него как предатель.

— Я знаю здесь каждую трещину, — сказал я. — Но я не знаю, кто из них теперь мой враг.

— Тогда будь осторожен, — ответил Хелвард. — Мы рядом.

Роза шагнула вперёд, поправляя клинки.

— Куда сначала? — спросила она.

Я посмотрел на башню с чёрным флагом. Вспомнил холодный голос Матери. Вспомнил, как она сказала: «Ты сделаешь это, Халлас. Или умрёшь».

Я сжал кулаки.

— В таверну «Спящий осётр», — сказал я. — Там есть человек, который знает о демонах. И если он жив... он поможет нам.

Глава 6: Спящий осётр и бухгалтерия гильдии

Мареке сидела в кабинете на верхнем этаже башни. Свечи чадили. Тени плясали на стенах. Перед ней лежали донесения. Каждое — плохое.

В храм проникли двое. Свиток исчез. Один из них — её лучший вор. Чёрный кот Халлас.

— Куда делся чёрный кот? — пробормотала она. — Поднял шум. Задание провалил. И исчез. Ни тела. Ни следа.

Она подошла к окну. Внизу горели огни города. Лодки покачивались на волнах.

— Демон в нём молчит, — сказал тихий голос из тени.

Мареке не обернулась.

— Демон должен был показать, где он, — сказала она. — Если демон молчит, значит, его вырезали. Или он мёртв.

— Или он нашёл способ заглушить его, — ответил голос.

Мареке повернулась. Её жёлтые глаза блеснули.

— Найди его. Живым. Я хочу знать, кто помог ему.

— А если он мёртв?

— Тогда найди его тело. И принеси мне его голову. Я поставлю её у входа в башню, чтобы все видели.

Тень исчезла. Мареке села в кресло. Её хвост медленно перестал бить.

— Халлас, — сказала она тихо. — Ты был моим лучшим. Ты был моим любимцем. Почему ты предал меня?

Она улыбнулась, обнажая острые зубы, и погладила свою грудь.

— Скоро ты поешь, — прошептала она демону. — Скоро.

«Спящий осётр» встретил нас смехом, запахом пива и жареной рыбы. Воздух был густым, как похлёбка. Масляные лампы плясали, отбрасывая тени.

Шум стих, когда мы зашли. Десятки голов повернулись. Хелвард небрежно махнул рукой. Шум включился снова. Магия внушения.

— Что будут заказывать? — перед нами возник гоблин в засаленном фартуке. — Рекомендую жареного палтуса.

— Хорошо, — кивнула Роза, садясь на скамью. — И что-то на усмотрение Рикуса.

Гоблин сделал пометки и нырнул к барной стойке. Он припал к уху здорового человека за стойкой. Полувеликана. Руки толщиной с бревно. Плечи шире дверного проёма. Борода цвета старого меда. Глаза — маленькие, тёмные, цепкие.

Рикус.

Он встал. Судно шатнулось. Подтянул бочку, наполнил три кружки и понёс к столу. Гости сдвигали бочки-столы, освобождая проход.

Рикус молча поставил кружки. Его взгляд упал на меня. Задержался.

— Тебя ищут, — буркнул он и метнул нож.

Лезвие просвистело над головой Розы и припилило к стойке мальчишку в чёрной накидке. Тот вскрикнул.

Рикус подошёл к нему, снял с ножа и поднял за шкуру.

— Выйдешь из таверны, убью, — коротко пояснил он.

Мальчик закивал и шмыгнул в угол. Зал засмеялся.

Рикус вернулся, сел напротив меня.

— В тебе демон, — он ткнул пальцем в грудь. — Слаб и спит. Но он есть.

— Как его вытащить? — спросила Роза.

— Не просто, но и не сложно, — Рикус отпил из кружки. — Умрёт носитель или родитель — и сам выйдет.

— Родитель? — я нахмурился.

— Тот, кто впустил его в тебя, — пояснил Рикус. — Ты не сам заключил договор. Тебя поместили. Убьёшь хозяина — демон потеряет связь и покинет тебя.

— Мареке, — прошептал я.

— Она, — кивнул Рикус. — Она впустила в тебя демона, когда ты вступил в гильдию. Это её способ держать всех на цепи.

— А если я умру?

— Тогда демон сожрёт твою душу, заберёт воспоминания и вернётся к ней, — просто ответил Рикус. — Так что есть два пути: найти способ убить Мареке... или найти способ заставить её разорвать связь.

Он наклонился ближе.

— И я знаю, как это сделать.

Тишина.

— Но сначала, — Рикус достал кусок пожелтевшего пергамента, — ты расскажешь мне, что у тебя в руках. Свиток судьбы. Я хочу знать, что там внутри.

Я вытащил свиток, развернул. Показал чёрное пятно.

— Я не знаю, что там. Только тьма.

Рикус посмотрел на пятно. Брови поползли вверх.

— Это не печать. Это заклинание. Наложили заклинание Пустоты. Кто-то хотел, чтобы ты не прочитал это. Или чтобы прочитал, когда настанет время.

Он протянул руку.

— Дай мне. Я попробую снять. Но за это ты должен кое-что сделать для меня.

— Что? — спросил я.

Рикус усмехнулся.

— Украсть кое-что из башни гильдии.

Все переглянулись.

— Что мы должны украсть? — спросила Роза.

— Да, если это опасно — мы не согласимся, — добавил Хелвард.

— А я пойду, — я вытянул ноги на соседний бочонок. — Мне интересно.

— Ты не знаешь, что он попросит, — сказал Хелвард.

— Знаю, — усмехнулся я. — Но если я хочу избавиться от демона, я должен доверять тем, кто может помочь.

Рикус откинулся на спинку стула.

— Ты чёрный кот, Халлас, — сказал он. — Твоя слава идёт впереди тебя.

— Ты слышал обо мне?

— Кто в Водохранилище не слышал о чёрном коте? — Рикус пожал плечами. — Ты вынес из храма Грантта золотую статую. Ты обчистил дом купца Керрона, не оставив ни следа.

— Я понял, — перебил я. — Что ты хочешь украсть?

Рикус наклонился вперёд.

— Бухгалтерию гильдии.

Я моргнул.

— Бухгалтерию?

— Да, — Рикус понизил голос. — Не драгоценности. Не оружие. Бумаги. Списки сделок, имена заказчиков, планы операций. Мареке ведёт записи обо всём. Если я получу их, я узнаю, кто заказал кражу свитка. И кто впустил демона в твою грудь.

Роза нахмурилась.

— Зачем тебе это?

— Потому что, — Рикус обвёл нас взглядом, — я тоже хочу увидеть гильдию мёртвой. Она погубила слишком многих. Включая мою семью.

Он вытащил маленький ржавый ключ и положил на стол.

— Это ключ к личному кабинету Мареке. Он у меня уже два года. Я ждал того, кто сможет им воспользоваться.

Я взял ключ. Металл был холодным.

— Как я попаду в башню?

— Ты вор, — Рикус усмехнулся. — Придумай что-нибудь.

Я убрал ключ в карман.

— Что насчёт свитка?

— Я сниму, — кивнул Рикус. — Но не здесь. Когда вернёшься с бумагами — я прочитаю свиток. Слово великана.

Хелвард шагнул вперёд.

— Мы пойдём с ним.

— Нет, — Рикус поднял ладонь. — Только кот. В башне слишком много магии. Если вас будет больше одного — они почуют. А один вор может проскользнуть как тень.

— Ты хочешь, чтобы я пошёл в логово гильдии в одиночку? — я приподнял бровь.

— Хочу, — Рикус улыбнулся. — Но я не отправлю тебя без подготовки. Сегодня ночью я проведу тебя через тайный ход к башне. Дальше — ты сам.

Роза сжала рукоять клинка.

— А если он не вернётся?

Рикус посмотрел на неё с грустной улыбкой.

— Тогда мы все умрём, — сказал он просто. — Потому что если кот не вернётся, Мареке узнает, что мы здесь. И нам некуда будет бежать.

«Спящий осётр» отвязал мостики и двинулся в сторону грота — в противоположную от башни сторону. Люди пели и плясали. Рикус басил у штурвала.

— «Чёрт морской не страшен, нет жизни краше, чем пирата доля — бороздить просторы...»

Все делали вид, что в «Спящем осетре» грандиозная попойка. Это был маскировочный шум.

Я сидел на палубе, наблюдая, как тёмная вода расступается перед носом лодки. Роза стояла рядом, притворяясь, что любит светящимися рыбами. Хелвард молчал, вглядываясь в туман.

К гроту с небольшим островным утёсом мы подплыли в середине дня. Солнце едва пробивалось сквозь своды пещеры. Вода здесь была спокойной и тёмной. В глубине угадывались движения больших теней.

— Здесь меж скал есть проход, — Рикус ткнул пальцем в узкую расселину. — Я слишком большой. Но ты пройдёшь. Принеси мне бухгалтерию — и получишь всё, что захочешь.

Я усмехнулся. Подпрыгнул, разминая плечи. Перчатки блеснули серебром.

— Эх, разомнись, — сказал я. — Я же кот. Куда я денусь.

Я шагнул к скале, вонзил когти альдера в камень. Металл вошёл в породу, как нож в хлеб. Я подтянулся, перехватился другой рукой, и через мгновение уже висел над расселиной.

— Там дальше туннель, — крикнул я. — Ребёнок пролезет. Или действительно кот.

Рикус одобрительно хмыкнул.

— Ты не подведи меня, мальчик.

Я помахал с вершины и исчез в темноте расселины.

— Я вернусь до заката. Или не возвращайтесь за мной!

Роза шагнула к скале. Хелвард остановил её.

— Дай ему шанс, — сказал он. — Он должен сделать это сам.

Роза сжала губы, но кивнула.

Глава 7: Тайный ход и лисья улыбка

Туннель был узким и влажным. Я двигался на четвереньках. Каменные стены сжимали плечи. В темноте пахло сыростью, плесенью и чем-то железистым. Мои глаза привыкли к полумраку быстро. Я различал выступы и трещины.

Я полз, стараясь не шуметь. Перчатки мягко цеплялись за камни. Хвост прижат к спине.

Через несколько минут туннель расширился. Пещера с тремя ходами. Светящийся мох на стенах давал призрачное сияние.

— Хорошо, — пробормотал я, вспоминая карту Рикуса. — Первый ведёт к кухне. Второй к складам. Третий — к подвалам башни. Мне нужен третий.

Я двинулся вперёд, прислушиваясь. Где-то сверху, через толщу камня, слышались голоса, смех, звон посуды. Башня жила своей жизнью. Я нашёл деревянную лестницу и начал подниматься.

Наверху меня встретил длинный коридор. Факелы на стенах. Стены из грубого камня. Пол выложен потемневшей плиткой. Я узнал интерьер. Я был здесь раньше — когда впервые привели к Мареке.

Я двинулся к лестнице, держась теней. Крался по коридорам, прячась в нишах. Миновал два поста. Стражники сонные. Нашёл узкую лестницу. Пятый этаж. Кабинет Мареке.

Дверь была массивной, из чёрного дерева, с инкрустированным павлином. Дверь не была заперта.

— Странно, — прошептал я. — Очень странно. Слишком легко.

Я толкнул дверь. Она открылась беззвучно. За ней — просторная комната. Бумаги, карты, книги. На столе горела свеча. Я шагнул внутрь. Глаза быстро пробежались по стопкам. Свитки, книги учёта, письма.

Я начал проверять стол. Ящик за ящиком. Искал бухгалтерские книги.

— Что-то тут не так, — пробормотал я.

За спиной раздался голос. Спокойный. Холодный.

— Ты долго шёл, Халлас. Я уже начала думать, что ты не придёшь.

Я медленно обернулся. Сердце ухнуло в пятки.

В дверях стояла Мареке. Её рыжие уши прижаты к голове. Жёлтые глаза блестели в полумраке.

— Я же говорила, — она улыбнулась, обнажая острые зубы, — что ты не сможешь спрятаться от меня.

Я медленно обернулся, встречаясь с ней взглядом. Сердце колотилось. Но лицо оставалось спокойным. Я позволил себе улыбнуться — той самой наглой улыбкой, которая всегда выводила её из себя.

— Мареке, — сказал я, разводя руки. — Я знал, что ты меня встретишь.

— Я ждала тебя, Халлас, — её голос был мягким, но в нём чувствовался холод. — Ты исчез. Ты провалил задание. Ты оставил гильдию. Я хочу знать — почему.

Я вздохнул, делая вид, что собираюсь с мыслями. Медленно опустился на стул напротив её стола, как будто мы собирались на дружескую беседу.

— Я не предал гильдию, — сказал я. — Я пошёл за магами.

Мареке прищурилась. Хвост перестал бить.

— Магами?

— Да, — я кивнул. — Когда я был в храме, я понял, что за свитком пришли не только я. Был ещё один. Маг из башни Архимага. Я решил проследить за ним. Думал, если он что-то знает о свитке, я смогу его перехватить.

— И что же?

— Он был сильнее, чем я думал, — я развёл руками. — Он поймал меня. Они поймали меня. Архимаг и его ученик.

— И они привели тебя сюда? — Мареке шагнула ближе. Её когти царапнули столешницу. — В наше логово?

— Они хотели узнать, кто заказал кражу, — продолжал я. — Они думали, что я знаю. Я притворился послушником, согласился на всё. Они поверили мне, провели через город. Но я привёл их сюда, чтобы ты могла с ними разобраться.

Мареке смотрела на меня долго. Изучала. Её глаза впивались в меня, ища ложь. Я старался не моргать.

— Ты хочешь сказать, что привел врагов в мой дом? — тихо спросила она.

— Я привёл их, чтобы мы могли их уничтожить, — поправил я. — Они думают, что я их человек. Они ждут меня у скал. Если ты позволишь, я вернусь к ним и скажу, что узнал, где ты прячешь бухгалтерию. Они войдут в ловушку — и мы убьём их всех.

Мареке молчала. Её уши дрогнули.

— А моя метка? — спросила она. — Твой демон спит. Я чувствую это.

Я позволил себе паузу.

— Они попытались вырезать его, — сказал я, и в голосе послышалась дрожь. — Архимаг хотел вытащить демона. Но я... я не дал им. Я сказал, что если они убьют демона, ты сразу узнаешь. И тогда ты убьёшь меня. А они хотели использовать меня как свидетеля.

Мареке нахмурилась.

— Ты спас демона?

— Я спас себя, — я пожал плечами. — Я знаю, что без метки я тебе не нужен. А я хочу быть тебе нужен. Я хочу быть твоим лучшим вором снова.

Тишина. Мареке обошла стол и села напротив.

— Хорошая история, — сказала она. — Но я проверю её. Ты скажешь мне, где сейчас эти маги. Если ты врёшь — твой демон проснётся и сожрёт тебя изнутри. Здесь и сейчас.

Я встал, выпрямился, посмотрел ей прямо в глаза.

— У скалы, — сказал я. — «Спящий осетр». Они ждут меня там. Я скажу им, что нашел путь в кабинет, приведу их к чёрному ходу, и мы устроим засаду.

Я позволил себе наглую улыбку.

— Они маги, Мареке. Но они не знают Водохранилище так, как знаем мы.

Мареке смотрела на меня долго. Потом её губы изогнулись в холодной улыбке.

— Хорошо, кот. Я даю тебе шанс. Ты приведёшь их в ловушку. И если они умрут — я поверю тебе. И сниму с тебя демона.

Она протянула руку и погладила меня по голове.

— Но если ты врёшь, я буду кормить твоего демона сама. Я буду кормить его твоим страхом.

Я почувствовал, как внутри что-то перевернулось. Старый инстинкт. Я знал: иногда быть слабым — это лучший способ выжить.

Я опустил глаза, чуть склонил голову набок и позволил себе издать тихий, вибрирующий звук из самой глубины груди.

Мурлыканье.

Оно шло из самого сердца. Из того забытого уголка души, где я всё ещё был маленьким и незащищённым. Это был звук, который никто не мог подделать.

Мареке замерла. Её уши дрогнули. В жёлтых глазах мелькнуло что-то тёплое.

— Ты... — она запнулась.

— Я всегда был твоим, — тихо сказал я, продолжая мурлыкать. — Я просто хотел, чтобы ты знала: я не ушёл. Я никогда не уйду. Ты — моя семья.

Я сделал шаг вперёд, смотря вниз, как провинившийся, но любимый котёнок.

— Я знаю, что подвёл тебя. Но я хочу исправиться. Позволь мне это сделать.
Мареке молчала. Её хвост медленно опустился.

— Ты мурлычешь, — сказала она тихо. — Как тогда... когда я впервые привела тебя в гильдию. Ты был таким маленьким. Испуганным. Голодным.

Я поднял глаза. В них блеснула влага.

— Ты спасла меня тогда, — сказал я. — Ты дала мне дом. Я никогда не забуду это. Я хочу вернуть тебе свой долг.

Мареке шагнула ко мне и протянула руку. Её пальцы, с острыми когтями, коснулись моей щеки — мягко, почти нежно.

— Ты всегда умел убеждать, кот, — прошептала она. — Иди. Приведи их. И если ты не врёшь... я сниму с тебя демона. Ты будешь свободен.

Она убрала руку и отступила. Её глаза снова стали холодными.

— Но если ты врёшь... я сломаю тебя. Медленно. Ты будешь мурлыкать, умоляя о смерти. И я не дам тебе её.

Я кивнул, опуская голову.

— Я не подведу тебя, — сказал я тихо.

Я повернулся и вышел из кабинета. Когда дверь закрылась, я выдохнул.

«Я сделал это. Я выиграл время».

Я двинулся по коридору. Сердце колотилось. Но внутри что-то изменилось. Мурлыканье оставило странное, болезненное тепло в груди.

Я был котом. Хитрым, ловким, выживающим. Но теперь я играл по-крупному. И ставкой была моя жизнь.

Глава 8: Клятва и удар молнии

Хелвард стоял на палубе «Спящего осетра», вглядываясь в темноту грота. Его маска скрывала лицо. Тело было напряжено, как струна. Роза сидела рядом на бочке, начищая клинки.

— Он в башне, — сказал Хелвард. — Я чувствую его. Он там, наверху.

Роза подняла голову.

— Откуда ты знаешь?

— Клятва, — коротко ответил Хелвард. — Я чувствую его пульс, его дыхание, его... страх.

Он замолчал, прикрыв глаза. И в этот момент его пронзило.

Это было похоже на удар молнии. Он почувствовал, как Халлас стоит перед Мареке. Как его сердце колотится. Как он пытается казаться спокойным. А потом — тихое, вибрирующее мурлыканье. Оно проникло в сознание Хелварда, как тёплая волна.

— Боги, — прошептал Хелвард, открывая глаза. — Он мурлычет.

Роза нахмурилась.

— Что?

— Он мурлычет, — Хелвард открыл глаза. В них было изумление. — Он успокаивает её. Он врёт ей. И она... она верит ему.

Он провёл рукой по маске.

— Мареке отправит засаду, — сказал он. — Она думает, что мы ждём Халласа у тайного хода. Мы должны встретить его до того, как она поймёт, что её обманули.

Роза встала, убирая клинки.

— Как мы его найдём?

— Я чувствую его, — Хелвард положил руку на грудь. — Змеи горят. Он уже в туннеле. Идёт к нам. Но он не один.

— Сзади идёт кто-то ещё. Тень. Мареке послала за ним слежку.

Роза вытащила короткий клинок.

— Тогда мы встретим его раньше, чем тень.

— Нет, — Хелвард поднял руку. — Мы должны подождать. Если мы встретим их в туннеле, тень увидит нас и поймёт, что мы не там, где должна быть засада. Мы должны дать ему выйти к нам. А потом... потом мы убьём тень.

Роза сжала клинок, но кивнула.

— Ты уверен, что он идёт?

— Он идёт, — Хелвард посмотрел в темноту. — Я чувствую его каждое движение. Он боится. Но он не останавливается.

Он сделал паузу и добавил тише:

— Может быть, он не такой плохой вор, как я думал.

Халлас выбрался из расселины. Каменные стены отпустили его плечи. Свежий воздух ударил в лицо. Он сделал глубокий вдох, готовясь спрыгнуть на утёс.

Но в этот момент над ним вспыхнул ослепительный свет.

Хелвард парил в воздухе. Его плащ развевался. Пальцы светились голубой магией. Он опустил руку на утёс. В его глазах за маской Халлас увидел понимание, смешанное с тревогой.

— Ты бесполезен, — сказал Хелвард громко.

Халлас моргнул.

— Что?

— Ты бесполезен, — повторил Хелвард. Его рука взметнулась вверх. Из пальцев вырвалась молния — яркая, оглушающая.

Она ударила Халласа в грудь.

Мир перевернулся. Тело пронзила боль. Воздух выбило из лёгких, сменяя огнём. Ноги подкосились. Он упал на холодные камни. Сознание уплывало в тёплую темноту.

Но в последний момент он понял: удар был не смертельным. Хелвард рассчитал силу. Халлас был жив. Он просто... притворялся.

Над ним стоял Хелвард, глядя в расселину, где мелькнула тень.

— Мареке скоро узнает, что её кот мёртв, — тихо сказал он. — Лежи тихо. Не двигайся.

В расселине мелькнула тень. Она увидела, как Халлас падает, как разряд пронзает его тело. И исчезла.

Хелвард выждал несколько мгновений. Затем опустился на колени и приложил пальцы к шее Халласа.

— Живой, — сказал он с облегчением. — Вставай. Тень ушла.

Халлас открыл глаза, кашляя.

— Ты... мог бы предупредить, — прохрипел он.

— Если бы я предупредил, ты бы не сыграл так убедительно, — ответил Хелвард, протягивая руку. — Вставай. У нас мало времени.

Халлас ухватился за его руку и поднялся.

— Она поверила? — спросил он.

— Она побежала к Мареке, — сказал Хелвард. — Через полчаса Мареке узнает, что её лучший вор мёртв. И устроит охоту.

Халлас усмехнулся.

— Не знаю, убил ли ты меня, но ты точно спас мне жизнь.

Хелвард смотрел на него долго. В голосе послышалось что-то необычное.

— Не благодари. Это был стратегический ход.

— Конечно, — Халлас улыбнулся. — Я не сомневался.

Роза уже спускалась с утёса, клинки обнажены.

— Нам нужно уходить, — сказала она.

— Не отправит, — ответил Хелвард. — Она будет искать, кто предал её.

Внезапно горизонт окрасился малиновым. Закат разлился по небу, заливая грот кровавым светом. Вода засветилась багряным. Халлас поднял голову.

Над скалами, в лучах заходящего солнца, парили корабли. Магические. С парусами, светящимися золотым светом. На носу первого корабля стоял старик в синей мантии с высоким посохом. Его длинная седая борода развевалась на ветру.

Глеотхайн.

За ним — ещё три корабля, полные магов, воинов и сияющей магии.

— Архимаг пришёл, — прошептала Роза.

Халлас перевёл взгляд с кораблей на башню, где чёрный павлин всё ещё реял на стене. Он понял: это не просто битва за свиток. Это война. Война за будущее всего мира.

— Он пришёл с флотом, — сказал Халлас.

Хелвард снял маску и посмотрел на небо. Его лицо было бледным, но в глазах горела гордость.

— Учитель всегда умел делать грандиозные заявления, — сказал он с улыбкой.

Халлас взглянул на него.

— Учитель?

— Да, — Хелвард кивнул. — Я и мой брат Велиш были подобраны им с улицы. Он увидел в нас потенциал. Он дал нам имя, дом, знания. Он стал нам отцом.

Он сделал паузу.

— Роза пришла к нему уже взрослой. Но он принял и её. Всех нас — брошенных, потерянных. Он дал нам цель.

Халлас смотрел на него, чувствуя, как внутри что-то меняется. Эти двое были такими же, как он. Брошенные. Потерянные. Те, кто искал свой путь.

— Тогда, — сказал Халлас, глядя на башню, — у нас есть ещё одна причина не дать ей победить.

Малиновый закат разорвал грот. Корабли Глеотхайна опускались на воду, рассекая волны. Паруса горели золотым светом.

Глеотхайн стоял на носу флагмана. Его голос, усиленный магией, разнёсся над водой:

— Водохранилище! Вы укрываете еретиков и демонов! Именем башни и пяти богов я приказываю вам сдаться!

С башни донёсся холодный смех. На балкон вышла Мареке. Её рыжий хвост нервно бил.

— Архимаг Глеотхайн! — крикнула она. — Ты пришёл в мой дом с войной? Забыл, что сам когда-то был таким же, как мы?

— Я был вором, — ответил Глеотхайн. — Но я нашёл свет. А ты нашла тьму и поселила её в душах детей.

Мареке оскалилась.

— Тогда приди и заberi их, старик.

Глеотхайн поднял посох. С неба ударила молния — не одна, а сотня. Они ударили в воду вокруг башни, поднимая столбы пара. Корабли двинулись вперёд. Маги начали атаку.

Город взорвался хаосом. Торговцы бросали лавки. Люди бежали к лодкам. Где-то загорелся мост. Крики смешались с плеском воды и звоном стали.

В этом хаосе трое двигались к башне.

Халлас, Хелвард и Роза скользили между лодками, используя панику как прикрытие. Халлас вёл их по узким проулкам, зная каждую щель.

— Архимаг дал нам время, — сказал он. — Мы должны успеть до того, как Мареке поймёт, что это отвлечение.

Они добрались до подножия башни. Она казалась почти пустой. Халлас достал ключ, вставил в потайную дверь. Замок щелкнул.

— Я иду один, — сказал Халлас. — Это моя игра.

Хелвард кивнул.

— Мы прикроем тебя снаружи. Если через час ты не выйдешь... мы войдём. С боем.

— Договорились, — Халлас улыбнулся. — Я кот. Я всегда возвращаюсь.

Он исчез в темноте прохода.

Башня гудела отдаленными звуками битвы. Халлас бежал по винтовой лестнице. Кабинет Мареке был на пятом этаже. Он ворвался внутрь, начал обыскивать стол. Ящики, папки, свитки.

Он нашёл её в нижнем ящике, запертом на магический замок. Альдеровые перчатки среза-ли замок. Халлас вытащил тяжёлую книгу в кожаном переплёте. Открыл. Списки сделок, имена, даты, суммы.

— Есть, — прошептал он.

За спиной раздался ледяной голос.

— Ты должен был быть мёртв.

Халлас обернулся. В дверях стояла Мареке. Её уши прижаты. Хвост бил, как плеть. В жёлтых глазах — ярость.

— Ты обманул меня, — сказала она. — Ты привёл сюда магов. Ты украл мою бухгалтерию. Ты предал меня.

Халлас спрятал книгу за спину и оскалился.

— Ты сама научила меня врать, Мареке. Ты — мой учитель.

— Я дала тебе дом! — её голос сорвался на крик. — Я дала тебе семью!

— Ты дала мне демона! — рявкнул Халлас. — Ты посадила в меня паразита, чтобы я не мог уйти! Но я ушёл.

Мареке зарычала. Её когти вытянулись. Она прыгнула.

Халлас увернулся. Когти рванули воздух рядом с лицом. Он выхватил кинжал. Но Мареке была быстрее. Она ударила его ногой в грудь. Он отлетел к стене, ударившись головой. В глазах потемнело.

— Ты умрёшь, кот, — прошипела она. — Я вытащу твоего демона и скормлю его тебе. Кусок за куском.

Но в этот момент стеклянное окно взорвалось.

В комнату влетел Хелвард. Его руки светились голубой магией. Следом — Роза, с клинками.

— Мы прикрываем тебя, — сказал Хелвард. — Бери бухгалтерию и уходи.

Халлас поднялся, чувствуя, как кровь стекает по виску.

— А вы?

— Мы догоним, — сказала Роза.

— Мы будем драться, — Хелвард улыбнулся. — За брата. За учителя. За нас.

Халлас кивнул. Он выскочил в разбитое окно, цепляясь когтями за стену, и начал спускаться.

Он бежал, прыгал, перелетал с балкона на балкон. Внизу полыхал город. Флот архимага высаживался на берег.

Он добежал до воды, где ждала лодка. Запрыгнул, оттолкнулся, поплыл к кораблю Глеотхайна.

На палубе его встретил архимаг.

— Принёс? — спросил он.

Халлас вытащил книгу и протянул ему.

— Вот. Теперьними с меня демона. Ты обещал.

Глеотхайн взял книгу, открыл. Его лицо стало серьёзным.

— Ты сделал это, мальчик. Теперь мы узнаем правду.

Он поднял руку. В небе ударила молния — финальная, прощальная.

Город горел. Башня пылала. Мареке была мертва. А в руках архимага лежал ключ ко всем тайнам.

— Это конец, — сказал Глеотхайн, глядя на руины.

Халлас посмотрел на горящий город, на дым, поднимающийся к небу, и покачал головой.

— Это только начало.

Глава 9: Глубина и свет

Халлас уже почти добрался до корабля, когда земля под башней содрогнулась от чудовищного толчка.

Взрыв.

Он был глухим, тягучим. Из-под основания башни вырвался чёрный дым — густой, пульсирующий. А следом за ним полезло оно.

Существо было огромным — аморфная, бурлящая масса из щупалец, зубов и горящих глаз. Оно росло на глазах, поднимаясь над руинами башни. Его голос, похожий на скрежет тысяч камней, разнёсся над водой.

Русалки поднялись из глубин. Их глаза горели яростью и голодом. Они начали таранить лодки, хватать людей за ноги и утягивать в тёмную воду. Морские черти, дремавшие на дне, пробудились и набросились на корабли флота.

— Отступаем! — закричал Глеотхайн. — Это ловушка! Она привязала чудовище к башне! Мы не победим его здесь!

Но было поздно.

Одна из русалок схватила Халласа за ногу. Ледяные пальцы сжались вокруг лодыжки. Его рвануло вниз, в тёмную воду.

— Хелвард! — успел крикнуть он, прежде чем вода сомкнулась над головой.

Вода поглотила свет и звук. Он падал в глубину. Вокруг кружились русалки. Их лица улыбались. Они тянули его вниз, в холодную тьму, где на дне ворочалась огромная тень.

Морской чёрт.

Его фиолетовые прожилки пульсировали в темноте. Халлас понял — он снова тонет. Как в том видении. Но теперь это было реальностью.

«Ты украл мою бухгалтерию, — услышал он голос Мареке в воде. — Ты украл мою семью. Теперь ты утонешь».

Халлас сжал кулаки. Лёгкие горели. Холод сковывал тело. Чернота сжимала разум.

Но он не сдавался. Инстинкт выживания заставил его действовать.

Он ударил русалку когтями альдера. Она взвизгнула, отпуская ногу. Второй удар — в морского черта. Тот оскалился, его глаза уставились на него.

Халлас греб к поверхности. Силы покидали его. Темнота застилала глаза.

И в этот момент молния разрезала воду.

Свет ударил с неба. Удар Хелварда. Тело пронзила боль, но свет разогнал тьму. Русалки отпрянули, шипя.

Сильная рука схватила его за ворот плаща и рванула вверх.

Он вылетел из воды, хватая воздух ртом, кашляя. Над ним стоял Хелвард, стоя по колено в воде на обломке мачты. Его лицо было бледным, но глаза горели яростью.

— Дыши! — крикнул он. — Дыши, кот!

Халлас закашлялся, извергая воду. Рядом плескались русалки. Роза уже взлетела над водой с клинками.

— На корабль! — крикнул Глеотхайн. — Быстрее! Мы уходим!

Хелвард потащил Халласа к лодке. Они поднялись на борт, падая на мокрые доски. Халлас лежал, глядя в серое небо, и дышал. Дышал. Дышал.

— Ты спас меня, — прошептал он.

Хелвард стоял над ним, мокрый и злой. Но в глазах была теплота.

— Я спас нас, — ответил он. — Теперь ты мой должник. Навечно.

Халлас улыбнулся, закрывая глаза.

— Я всегда был твоим должником.

Глава 10: Жертва архимага и молитва великана

Халлас лежал на палубе, хватая воздух. Вода стекала с волос и одежды, смешиваясь с кровью из раны на виске. Он слышал крики, плеск воды, рёв чудовища — но всё это доносилось как сквозь толщу воды.

Глеотхайн стоял на носу корабля, глядя на чудовище. Его лицо было мрачным, но спокойным.

— Водохранилище нельзя бросать, — сказал он тихо. — Город над ним. Если чудовище вырвется, оно уничтожит всё.

Он поднял посох. В его руке вспыхнул свет — золотой, как солнце.

— Я призываю кару небес! — голос архимага разнёсся над водой. — Именем пяти богов! Очисти этот мир от тьмы!

Небо раскололось. Молнии — сотни — начали бить в чудовище, разрывая его плоть. Существо завывало.

Глеотхайн не остановился. Его фигура начала светиться.

Роза подхватила Халласа под руку.

— Мы должны уходить! — крикнула она.

Хелвард взмахнул рукой, создавая магический щит.

— Учитель! Мы уходим!

Глеотхайн не обернулся.

— Бегите, дети! Я вас догоню!

Хелвард сжал зубы, но повернулся. Вместе с Розой они потащили Халласа к краю корабля, где ждала лодка.

— Вставай, кот! — рявкнул Хелвард. — Ты должен двигаться!

Халлас открыл глаза. Всё плыло. Но он увидел лицо Хелварда.

— Я... иду, — прошептал он.

Они спрыгнули в лодку. Роза оттолкнулась веслом. Лодка понеслась по взбаламученной воде.

Сзади грохотало. Халлас обернулся. Глеотхайн стоял на палубе горящего корабля. Его фигура была похожа на маленького, но яростного бога. Чудовище корчилось в муках, его плоть осыпалась пеплом.

— Он убьёт его, — прошептал Халлас.

— Но какой ценой, — ответил Хелвард, глядя на рушащийся грот.

Халлас посмотрел вверх. Над сводами грота виднелся город. Дома начали трещать. Стены покрывались трещинами.

— Город рухнет, — понял он.

— Весь город погибнет, — закончила Роза. — Архимаг знает это. Но он делает выбор.

Лодка выскользнула из грота, выносясь на открытую воду. Сзади грохот стал оглушительным. Вершина грота обрушилась в воду.

Они оказались снаружи. Грот рухнул. Своды, которые веками держали город, сложились.

— Боги, — прошептал Халлас.

Где-то в глубине, под тоннами камня и воды, остался Глеотхайн. И чудовище. И всё, что было в Водохранилище.

Тишина.

— Он выживет, — сказал Хелвард. — Он всегда выживает.

— Мы должны вернуться, — сказала Роза.

— Нет, — ответил Хелвард. — Мы должны найти свиток. Завершить то, что начали.

Он посмотрел на Халласа.

— Ты с нами?

Халлас перевёл дыхание. Посмотрел на руины, на мёртвую воду, на небо, которое начало очищаться.

— Я с вами, — сказал он. — Куда бы это ни вело.

Лодка поплыла к закату.

Корабль Глеотхайна медленно отходил от руин. Сзади дымились обломки грота. Скалы торчали вверх, как клыки мёртвого дракона.

На палубе было тихо. Халлас сидел на бочке, накрытый одеялом. Рядом — Хелвард и Роза. Рикус сидел напротив, разложив бухгалтерские книги.

Он перелистывал страницы. Его лицо становилось мрачнее. Потом он остановился.

— Вот, — сказал он. — Нашёл.

Все подошли ближе.

— Что там? — спросила Роза.

Рикус поднял глаза. В них была боль и ярость.

— Запись о продаже двух детей-великанов, — сказал он тихо. — Это была моя семья. Мои братья, которых я считал погибшими. Я оплакивал их двадцать лет.

Хелвард нахмурился.

— Это значит, что они живы?

— Или были живы, — Рикус провёл пальцем по строчке. — Их продали в рабство в южные шахты. Двадцать лет назад. Я искал их всю жизнь... а они были здесь. В этой книге.

Халлас смотрел на него. Слезы блестели в глазах великана.

— Теперь я знаю, где их искать, — сказал Рикус, закрывая книгу. — Спасибо тебе, кот. Он встал.

— А теперь я выполню своё обещание.

Рикус достал маленький старый ножик. Лезвие было затупленным, но на нём поблескивал свет.

— Я вытащу из тебя плод демонов, — сказал он.

Халлас почувствовал холод.

— Что ты собираешься делать?

— Помолимся, малыш, — Рикус сделал знак рукой. — Я не маг, Халлас. Я жрец. Я служу Лильет. Демон не может выжить, если его вырвать с корнем через святую молитву.

Он снял фартук. Под ним оказались голубые, расшитые серебром одеяния.

— Ты был жрецом? — спросил Халлас.

— Был, — Рикус кивнул. — Пока гильдия не сожгла мой храм. С тех пор я ждал дня, когда смогу отомстить.

Он подошёл к Халласу, коснулся его лба и запел псалмы. Его голос — низкий, мощный — разнёсся над палубой. Вокруг загорелся золотистый свет.

— Во имя Лильет, хранительницы покоя, — пел Рикус. — Очисти этот сосуд от тьмы. Разбей цепи, что держат душу.

Халлас почувствовал, как в груди заворочалось что-то холодное. Демон проснулся. Он забился, закричал в сознании, пытаясь вырваться.

— Держись, — прошептал Рикус. — Это больно, но это нужно.

Он резко ткнул ножом в грудь Халласа.

Халлас не почувствовал боли. Только холод. Из груди потянулась чёрная дымка. Она выходила медленно, пульсируя, и растворялась в золотистом свете.

Рикус продолжал петь. Дымка становилась бледнее, пока не исчезла совсем.

Халлас рухнул на палубу. Тело налилось тяжестью. Но внутри... внутри было пусто. Впервые за долгие годы он не чувствовал того чужого, тёмного присутствия.

— Всё, — сказал Рикус, опуская нож. — Ты свободен, кот. Ты чист.

Халлас смотрел в небо. Слезы текли по щекам.
— Спасибо, — прошептал он.
Рикус улыбнулся.
— Теперь мы все свободны.

Глава 11: Возвращение к жизни

Глеотхайн падал.

Вода вокруг была чистой — прозрачной, как хрусталь. В ней плавали золотые искры, словно звёзды. Он опускался на дно медленно, позволив старому телу расслабиться. Посох выскользнул из руки, но он не попытался его поймать.

— Нет, — прошептал он. — Нет, не надо.

Он закрыл глаза. Уставшая душа наконец почувствовала покой. Такой глубокий, тёплый, давно забытый.

Ему снилось, что он снова молод, что руки не дрожат, что рядом те, кого он потерял.

— Ты заслужил отдых, — раздался голос.

Глеотхайн открыл глаза. Перед ним стояла женщина. Её одежды были сотканы из тумана и лунного света. Глаза — бездонные, как вечность.

Лильет.

— Моя госпожа, — прошептал он. — Я устал. Я так устал.

Лильет протянула руки и взяла его, как ребёнка. Её прикосновение было нежным, как первый снег.

— Я знаю, мой маг, — сказала она. — Я видела каждый твой подвиг. Ты заслужил покой.

Она погладила его по голове.

— Но ещё не время, — добавила она. — Твоя работа не окончена. Ты нужен им. Тем, кто идёт за тобой.

— Нет, — простонал Глеотхайн. — Пожалуйста. Я отдал всё.

— Знаю, — Лильет улыбнулась. — Но ты нужен им. Без тебя они потеряют путь.

Она подняла его над головой. Вода вокруг начала светиться. Тёплый свет окутал его, и Глеотхайн почувствовал, как тело наливается силой.

— Возвращайся, мой маг, — прошептала Лильет. — Возвращайся.

Она отпустила его.

Глеотхайн рванул вверх. Вода расступилась перед ним. Он пробил поверхность, вылетая из воды, и упал на мокрые доски палубы.

Над ним склонились лица. Халлас. Хелвард. Роза. Рикус.

— Боги, — прошептал Халлас. — Он жив.

Глеотхайн смотрел в серое небо. Дождь падал на лицо. И впервые за много лет он улыбнулся.

— Я вернулся, — прошептал он. — Кажется, мне пришло время поработать ещё немного.

Рикус помог ему сесть.

— Что вы видели там, архимаг? — спросил он.

Глеотхайн посмотрел на него. В его глазу всё ещё теплился золотистый свет.

— Лильет, — сказал он. — Она сказала, что я ещё нужен.

Он перевёл взгляд на Халласа.

— И, кажется, я знаю, где мы найдём ответы.

Глеотхайн лежал на палубе, раскинув руки. Тёплые волны покачивали его, как колыбель. Он смотрел в серое небо, чувствуя, как дождь смешивается со слезами.

Он был жив.

Он повернул голову и увидел свой флот. Корабли стояли на воде — обгоревшие, потрепанные, но живые. На палубах стояли люди. Его люди. Они смотрели на него, и в их глазах была надежда.

Глеотхайн медленно поднял руки. Пальцы дрожали, но он сжал их в кулаки.

И ударил молнией в небо.

Свет разорвал тучи. Золотая молния взметнулась вверх. На мгновение весь мир стал ярче.

Крики радости разнеслись над водой.

Глеотхайн улыбнулся.

— Я вернулся, — прошептал он. — И я не уйду, пока не закончу.

Его голос, усиленный магией, разнёсся над водой.

— Мы идём к башне! Мы найдём ответы!

Халлас смотрел на него с палубы.

— Он бессмертный, — сказал он.

Хелвард усмехнулся.

— Почти.

— Он просто упрямый, — добавила Роза.

Глеотхайн поднялся из воды, шагнул на палубу.

— В башню, — сказал он. — Нам нужно многое обсудить.

Глава 12: Башня и советник короля

Башня Глеотхайна встретила нас суетой. Коридоры были заполнены слугами, курьерами и магами. Воздух дрожал от напряжения.

Глеотхайн шёл по главному залу, опираясь на посох. За ним следовали Халлас, Хелвард, Роза и Рикус.

— Что здесь происходит? — спросил Халлас.

— Запросы, — ответил Хелвард. — Весь город требует ответов.

Они вошли в кабинет. На столе лежала стопка свитков и кристаллов. Слуга подбежал к Глеотхайну.

— Ваше превосходительство! Король Гилберт требует объяснений! Он был на связи уже трижды!

Глеотхайн кивнул.

— Соедините меня с ним.

Слуга выбежал. Через мгновение на столе засветился кристалл. Голос короля гремел:

— Архимаг Глеотхайн! Объясни мне, почему я просыпаюсь с известием о том, что ты уничтожил целый город на воде? Почему мои генералы докладывают о скалах, которые торчат из воды, как клыки дракона?

Глеотхайн подошёл к кристаллу.

— Ваше величество, — сказал он. — Я действовал во благо королевства.

— Во благо?! — голос сорвался на крик. — Ты уничтожил город! Ты убил сотни людей! Ты выпустил чудовище!

— Это было гнездо демонов, — Глеотхайн позволил себе паузу. — Гильдия «Чёрный павлин» использовала Водохранилище как центр по торговле демонами. Их глава заключила договор с древним существом. Если бы я не уничтожил его, оно бы вырвалось и уничтожило всё королевство.

Тишина.

— Демоны? — переспросил король. — Ты хочешь сказать, что под моим носом существовала гильдия, которая торговала демонами?

— Да, — кивнул Глеотхайн. — Более того, у нас есть бухгалтерия гильдии. Там указаны имена их заказчиков. Среди них есть люди из вашего ближайшего окружения.

Снова тишина.

— Ты обвиняешь моих людей? — голос короля стал тише.

— Я предлагаю вам доказательства. Пришлите своего доверенного человека. Мы вместе изучим бухгалтерию.

Король долго молчал.

— Я пришлю своего советника. Завтра он будет у тебя. И, Глеотхайн... если это окажется ложью, ты ответишь.

— Я готов ответить, ваше величество, — Глеотхайн поклонился.

Связь прервалась.

Глеотхайн выпрямился.

— Мы сделали первый шаг. Завтра прибудет советник короля. Мы должны подготовиться.

Он перевёл взгляд на Халласа.

На следующее утро башня замерла. Слуги начистили полы. Маги надели парадные мантии. Глеотхайн стоял у входа.

Их гость появился в полдень. Карета остановилась у ворот. Из неё вышел человек. Худой, высокий, как жердь. Седые слипшиеся волосы. Серые холодные глаза. Безупречный чёрный камзол с серебряной отделкой. Длинный плащ.

Эрнест Анцвиг.

Он остановился у входа, окинул взглядом собравшихся и медленно вытер руки носовым платком.

Его левый глаз дернулся. Едва заметно.

— Архимаг, — сказал он. — Я рад видеть вас в добром здравии.

Глеотхайн наклонил голову.

— Советник Анцвиг. Добро пожаловать.

Эрнест шагнул вперёд. Его взгляд упал на Халласа. Он остановился.

— А это кто? — спросил он.

— Мой новый ученик, — ответил Глеотхайн. — Халлас. Он помогает нам в расследовании.

Эрнест смотрел на Халласа долго. Затем медленно обошёл его, рассматривая.

— Странно, — сказал он. — Он пахнет вором. Мне знаком этот запах.

Халлас внутренне напрягся, но не подал виду.

— Я помогаю архимагу, — сказал он. — Никакой кражи. Только поиск правды.

Эрнест усмехнулся. Его глаз снова дернулся.

— Правды, — повторил он. — Как вы все любите это слово. Но правда принадлежит тем, кто готов за неё платить. Чем платишь ты, мальчик?

— Своей жизнью, — ответил Халлас.

Тишина. Эрнест смотрел на него. На губах заиграла тонкая улыбка.

— Интересно, — сказал он. — Очень интересно.

Он повернулся к Глеотхайну.

— Так вы говорите, что нашли бухгалтерию? И в ней есть имена моих людей?

— Да, — Глеотхайн кивнул. — Я покажу вам. Но сначала я хотел бы знать: вы готовы услышать правду, даже если она окажется горькой?

Эрнест вытер руки платком.

— Я всегда готов услышать правду. Вопрос в том, готовы ли вы рассказать её так, чтобы я захотел вам поверить.

Он шагнул вперёд, но остановился у входа.

— У вас здесь грязно, — сказал он брезгливо. — Не на чем сесть?

Глеотхайн сделал приглашающий жест.

— Прошу в мой кабинет. Я приготовил для вас самые удобные кресла.

Эрнест перешагнул порог. Халлас посмотрел на Глеотхайна и тихо сказал:

— Он уже проверил меня.

— Да, — ответил архимаг. — И он уже начал искать твою слабую сторону. Будь осторожен, кот. Этот человек опаснее, чем Мареке.

— Но у него есть одно преимущество, — сказал Хелвард. — Он хочет власти. А значит, им можно управлять.

Роза посмотрела в спину советнику.

— Если его не убить раньше.

Глава 13: Сделка с советником

Кабинет Глеотхайна был просторным. Стены уставлены книгами. На столе горели свечи. В камине потрескивал огонь. Эрнест Анцвиг сидел в кресле, аккуратно вытерев его платком. Его руки лежали на коленях. Пальцы нервно постукивали.

— Итак, — сказал он. — Покажите мне эту знаменитую бухгалтерию.

Глеотхайн кивнул Халласу. Тот подошёл к столу и положил перед советником тяжёлую книгу.

— Вот. Все записи гильдии за последние двадцать лет.

Эрнест медленно открыл книгу. Его глаза пробежали по страницам. Лицо становилось бледнее. Пальцы перестали стучать — замерли.

— Это... — прошептал он. — Это невозможно.

— Что именно? — спросил Глеотхайн.

Эрнест поднял на него глаза. В них был страх.

— Здесь имена моих людей. Моих ближайших советников. Моих родственников. Они... они торговали детьми? Они покупали демонов?

— Да, — Глеотхайн кивнул. — И не только они.

Он перевернул страницу.

— Вот здесь. Запись о продаже двух детей-великанов. Братьев Рикуса, который стоит за вашей спиной.

Эрнест медленно обернулся. Рикус стоял в тени. Его глаза горели холодным огнём.

— Вы знали об этом, советник? — спросил великан тихо.

— Я... — Эрнест запнулся. — Я не знал. Клянусь богами.

— Но вы знали, что ваши люди связаны с гильдией, — сказал Глеотхайн. — Вы знали, что они получают деньги от торговли демонами. Вы закрывали на это глаза, потому что это давало вам власть.

Эрнест резко встал. Кресло упало. Его глаз дернулся с такой силой, что казалось, вот-вот выскочит.

— Вы не можете обвинять меня! — выкрикнул он. — Я не подписывал эти бумаги! Это мои люди, но я не знал! — он запнулся. — Вы собираетесь доложить королю?

— Я должен, — сказал Глеотхайн. — Это мой долг.

Эрнест замер. Затем на его лице появилась тонкая улыбка.

— Долг, — повторил он. — Но ведь у вас есть и другие долги, не так ли, архимаг?

Он повернулся к Халласу и указал на него пальцем.

— Этот мальчик. Он не ученик. Он вор. Я чувствую это. И я знаю, что он тот самый чёрный кот. Тот, кто украл свиток из храма Салихат.

Халлас напрягся. Глеотхайн остался невозмутимым.

— Вы не можете доказать это, — сказал архимаг.

— Я могу, — Эрнест усмехнулся. — В моём кармане лежит письмо от настоятеля храма. Они ищут вора с клеймом на груди. Я могу показать это письмо королю, и тогда вы оба будете обвинены в ереси.

Тишина.

— Что вы хотите? — спросил Глеотхайн.

Эрнест улыбнулся.

— Я хочу сделку. Я забираю бухгалтерию. Я уничтожаю имена своих людей. Я говорю королю, что гильдия уничтожена. Всё кончено. Никаких расследований.

— А взамен?

— А взамен, — Эрнест обвёл взглядом комнату, — я забываю о том, что видел здесь вора. О том, что в башне архимага прячутся еретики. И я не говорю королю, что именно вы уничтожили Водохранилище, потому что скрывали преступника.

Он откинулся на спинку кресла.

— Выбор за вами, архимаг.

Глеотхайн молчал. Его лицо было спокойным.

— Мы согласны, — сказал он.

— Учитель! — вырвалось у Хелварда.

— Молчи, — Глеотхайн поднял руку. — Мы согласны.

Эрнест улыбнулся и протянул руку к книге. Он взял её, завернул в платок и встал.

— Я буду следить за вами, архимаг. И если я узнаю, что вы пытались сохранить копии или идёте против меня... я убью всех, кого вы любите.

Он поклонился и вышел. Дверь закрылась.

Когда шаги стихли, Глеотхайн медленно опустился в кресло.

— Мы позволили ему выиграть, — сказала Роза.

— Мы позволили ему думать, что он выиграл, — ответил Глеотхайн. — У меня есть копии. Я сделал их до того, как он вошёл.

Халлас выдохнул.

— Зачем вы отдали оригинал?

— Затем, что теперь он думает, что в безопасности. Он не будет искать копии. Мы дали ему ложное чувство победы. Это будет его слабостью.

Он посмотрел на команду.

— Теперь у нас есть время. Мы должны прочесть свиток.

Он поднялся и направился к книжному шкафу.

— Идемте. Нам нужно место, где никто не сможет нас подслушать.

Эрнест уже взялся за дверную ручку, когда остановился и обернулся. Его глаза нашли Халласа.

— Чёрный кот, — сказал он тихо. — Знаешь, почему коты всегда возвращаются? Потому что у них девять жизней. Но у тебя, — он сделал паузу, — их осталось, кажется, только семь.

Он вытер руки платком.

— Я буду за тобой следить, мальчик. И если ты сделаешь хоть один неверный шаг... я приду за тобой. И тогда ты узнаешь, что значит быть настоящим котом.

Он вышел. Дверь закрылась с тяжёлым стуком.

Халлас стоял неподвижно. Его хвост нервно дернулся.

— Он опасен, — сказал он.

— Я знаю, — ответил Глеотхайн.

Архимаг подошёл к шкафу. Провёл рукой по корешкам. Один из томов отошёл, открывая тайную нишу.

— Вы отдали ему оригинал, — сказал Хелвард.

— Я отдал ему книгу, — улыбнулся Глеотхайн. — Но не всю.

Он вытащил из ниши папки и положил на стол.

— Копии. Все записи. Я начал делать их до того, как он переступил порог.

Роза подошла ближе.

— Но зачем? Если у него есть оригинал, он может уничтожить его.

— Он уничтожит его, — кивнул Глеотхайн. — И будет думать, что всё кончено. Но мы будем знать правду. И мы сможем использовать её в нужный момент.

Халлас посмотрел на архимага с уважением.

— Вы всегда так делаете?

— Всегда, — ответил Глеотхайн. — Это единственный способ выжить в мире, где каждый хочет тебя обмануть.

Тишина повисла в комнате. Хелвард подошёл к окну.

— Он не остановится, — сказал он. — Он использовал нас, чтобы получить бухгалтерию. Теперь он уничтожит её и продолжит свои дела. Но он будет бояться, что мы сохранили копии. И он попытается нас убить.

— Поэтому у нас есть время, — сказал Глеотхайн. — Он думает, что мы слабы. Но у нас есть козырь. И мы должны использовать его.

Он повернулся к Халласу.

— Нам нужно прочитать свиток. Сейчас.

Глава 14: Свиток судьбы и древняя кровь

Глеотхайн провёл их в самую нижнюю часть башни — древнюю библиотеку. Манускрипты здесь были написаны ещё до основания королевства. Воздух пах вековой пылью и пергаментом. Здесь было тихо и холодно.

— Это место, — сказал архимаг. — Самое безопасное в башне. Стены пропитаны древними заклинаниями защиты. Здесь я могу читать свиток без страха.

Ступени вели вниз, в сырой полумрак. Каменные стены покрывал мох, светящийся тусклым светом. Библиотека была круглой, как колодец. В центре стоял массивный стол из чёрного дерева. На него Халлас положил свиток.

Он всё ещё был тёплым. Пульсировал в такт сердцу. Когда Халлас развернул его, пожелтевший пергамент казался хрупким, как крыло бабочки.

Чёрное пятно исчезло. Вместо него золотыми буквами горели слова:

«Лишь тот, в чьих венах течёт истинная королевская кровь, сможет снять древнее проклятие. Кровь, а не корона, определит судьбу трона. Тьма придёт с севера, и только свет крови сможет её развеять».

Тишина.

Халлас поднял глаза.

— Что это значит?

— Это значит, — медленно сказал Глеотхайн, — что мы должны найти человека с королевской кровью. Не того, кто носит корону. А того, в ком течёт кровь настоящих правителей.

— Но король Гилберт... — начал Хелвард.

— Он носит корону, — перебил его Глеотхайн. — Но в его жилах течёт кровь узурпатора. Настоящая королевская кровь была уничтожена много веков назад. Или... скрыта. Спрятана так глубоко, что даже те, кто её носит, не знают об этом.

Он перевёл взгляд на Халласа.

— Ты был первым, кто коснулся свитка. Но ты не первый, кто пытался его открыть.

— Велиш, — сказал Халлас.

Хелвард вздрогнул.

— Да, — сказал он. — Велиш коснулся свитка в храме Салихат. Он взял его в руки, развернул... и увидел то же самое. Тьму. Свиток не открылся ему.

Глеотхайн опустился на каменную скамью. Его фигура показалась сгорбленной.

— Я помню тот день, — сказал он. — Велиш пришёл ко мне. Он был бледен, как мертвец. Он сказал, что видел во сне пророчество, что боги говорили с ним. Он сказал, что должен узнать свою судьбу. Что в его жилах течёт что-то древнее.

Глеотхайн замолчал. Его глаз смотрел в пустоту.

— Я не поверил ему, — продолжал он. — Я сказал, что это просто сны. Я отправил его в храм Салихат, чтобы он получил своё пророчество и успокоился. Я думал, что это утихомирит его.

Он поднял голову. В его глазу блеснула влага.

— Я отправил его на смерть.

Хелвард шагнул вперёд.

— Учитель, вы не могли знать...

— Я мог, — перебил его Глеотхайн. — Я видел Империю Нетерас. Я видел, как она пала. Я знал, что пророчества — это оружие. И я дал его в руки своему ученику.

Он закрыл глаз. Слеза скатилась по щеке.

— Велиш прикоснулся к свитку, и он не открылся ему. Салихат отвернулась от него. Он пришёл ко мне с пустыми руками. И я успокоил его. Я сказал, что это ничего не значит. Но я знал, что это ложь.

Он открыл глаз и посмотрел на Халласа.

— Салихат не говорит со всеми. Она говорит с теми, кто ей нужен. И если она молчала для Велиша, значит, в нём не было того, что она искала. Но она заговорила с тобой.

Халлас почувствовал холод.

— Вы думаете, что я могу быть носителем королевской крови?

— Я думаю, что Салихат выбрала тебя, — ответил Глеотхайн. — И я думаю, что Велиш заплатил за то, что прикоснулся к свитку, не будучи избранным.

Глеотхайн поднялся и подошёл к столу. Его пальцы коснулись края свитка.

— Империя Нетерас, — сказал он. — Я был молод, когда она пала. Я был вором, как ты, Халлас. Я крал еду, чтобы выжить. Я видел, как солдаты императора сжигали людей за то, что те читали книги. Я видел, как они убивали детей.

Он повернулся к ним. Его глаз горел.

— Император Нетерас тоже искал королевскую кровь. Он думал, что она даст ему бессмертие. Он убил тысячи людей, пытаясь найти того, в ком течёт кровь древних правителей. И когда он нашёл их... он выпил их кровь.

Тишина.

— Он умер, — сказал Глеотхайн. — Кровь отравила его. Пророчество было проклятием, а не благословением. И теперь... теперь оно снова здесь.

Он посмотрел на Халласа.

— Ты можешь быть тем, кого ищет тьма. Или ты можешь быть тем, кто сможет остановить её. Но для этого мы должны узнать правду. Мы должны найти всех, кто носит знаки богов.

Роза шагнула вперёд.

— Велиш знал, что умрёт? — спросила она.

Глеотхайн покачал головой.

— Я не знаю. Но он пошёл в храм, зная, что может не вернуться. Он пошёл, потому что верил, что его судьба важнее его жизни. И он ошибся.

Хелвард стоял неподвижно. Его лицо было каменным. Но Халлас чувствовал через клятву, как внутри него всё разрывается.

— Я найду того, кто убил его, — сказал Хелвард. — Я найду того, кто заказал его казнь. И я убью его.

Глеотхайн посмотрел на него с печалью.

— Ты не найдёшь их, если мы не будем действовать вместе. Мы должны собрать героев. Мы должны узнать правду о королевской крови. И только тогда мы сможем остановить тьму, которая надвигается с севера.

Он повернулся к свитку и провёл рукой над ним. Золотые буквы начали мерцать и исчезать, сворачиваясь обратно в чёрное пятно.

— Мы должны идти в Гальтер, — сказал он. — Там, в Белой башне, мы найдём первого из героев. И, возможно, мы узнаем больше о королевской крови.

Халлас почувствовал, как внутри закипает тревожное предчувствие.

— А что насчёт Велиша? — спросил он. — Что насчёт его памяти?

Глеотхайн посмотрел на него. В его глазу зажглась искра надежды.

— Мы не забудем его, — сказал он. — Мы сделаем так, чтобы его смерть не была напрасной.

Глава 15: Казнь героя

Велиш стоял в центре зала Святого Суда. Его руки были скованы тяжелыми цепями.

Перед ним на возвышении сидели архиепископы Святой Империи Дальхок. Их лица скрывались под капюшонами. Только глаза — холодные, оценивающие — сверкали из-под ткани. Рядом сидел епископ Дарин Магерш, Серый кардинал. Его пальцы были сложены в пирамиду. Лицо — непроницаемое.

В центре, на самом высоком троне, сидела Святая Ашера Факот. Её серебряные волосы струились по плечам. Глаза — светло-голубые — смотрели на Велиша с сочувствием. Она знала, что происходит, но не могла остановить это.

— Велиш, сын башни, ученик архимага Глеотхайна, — голос епископа Дарина разнёсся по залу. — Ты обвиняешься в ереси, в святотатстве, в попытке похитить священный свиток судьбы, в подделке знака избранного и в пособничестве тёмным силам. Что ты можешь сказать в свою защиту?

Велиш поднял голову. Его лицо было бледным, но глаза горели.

— Я не подделывал знак, — сказал он. — Я не крал свиток. Я пришёл за правдой. Я пришёл узнать, кто я на самом деле.

— И что ты узнал? — спросил Дарин с насмешкой.

Велиш помедлил. Он вспомнил тот миг, когда его пальцы коснулись пергамента.

«Лишь тот, в чьих венах течёт истинная королевская кровь...»

— Я узнал, что мир не так прост, как вы хотите его видеть, — сказал он. — Я узнал, что боги говорят не только с теми, кто носит рясы и сидит на тронах. Они говорят с теми, кто ищет правду.

— И ты считаешь себя избранным? — голос Дарина стал резче.

— Нет, — ответил Велиш. — Я не избранный. Я просто прочитал пророчество. И я знаю, что оно не лжёт. Я знаю, что существует кровь древних правителей, и что она должна быть найдена, чтобы остановить тьму.

Тишина. Архиепископы переглянулись. Дарин медленно поднялся.

— Ты признаешь, что читал священный свиток без благословения церкви? — спросил он.

— Я признаю, — сказал Велиш. — Я признаю, что коснулся свитка и прочитал его. И я готов ответить за это перед богами.

Дарин усмехнулся.

— Ты будешь отвечать не перед богами, мальчик. Ты будешь отвечать перед нами.

Он поднял руку. Из-за колонн выступили паладины в серебряных доспехах. Они схватили Велиша за руки и потащили к дверям.

— Подождите! — раздался голос Святой Ашеры. — Он имеет право на последнее слово.

Дарин повернулся к ней.

— Святая, вы знаете правила. Он признал свою вину.

— Он признал, что читал свиток, — ответила Ашера. — Он не признал, что крал его. Мы должны провести расследование.

— Расследование было проведено, — сказал Дарин. — Паладины нашли поддельный знак на его запястье. Мы нашли свидетелей. Этого достаточно.

Ашера сжала руки. Её лицо побледнело. Она знала, что это ложь. Но у неё не было власти остановить его.

— Хорошо, — сказала она. — Пусть будет так.

Велиш посмотрел на неё. В его глазах мелькнула благодарность.

— Спасибо, Святая, — прошептал он, прежде чем паладины потащили его из зала.

Площадь перед храмом была залита солнцем. Велиша вывели на деревянный эшафот. Его руки приковали к столбу. Палач стоял рядом — огромный мужчина в чёрной маске с топором.

Вокруг собралась толпа. Люди кричали, выкрикивая проклятия. Они бросали камни и гнилые овощи.

— Еретик! — кричали они. — Предатель!

Велиш смотрел на них. Он видел не их лица, а их глаза. Глаза, полные страха и ненависти. Глаза, которые верили в ложь, потому что правда была слишком страшной.

Он смотрел в небо. Облака плыли медленно. Солнце грело его лицо.

Он думал о Хелварде. О своём младшем брате, который всегда верил в него. Он думал о Глеотхайне. О своём учителе, который дал ему дом.

Он думал о пророчестве. О словах, которые горели золотом в его сознании.

Он не знал, принадлежала ли эта кровь ему. Но он знал одно: он сказал правду. И эта правда стоила ему жизни.

Палач поднял топор. Велиш закрыл глаза.

— Прости меня, брат, — прошептал он. — Прости, что не смог закончить начатое.

Топор опустился.

Мир перевернулся. Велиш увидел, как его тело падает. Как кровь заливает доски. Как толпа взрывается криками.

Он почувствовал, как его душа отделяется от тела. Как поднимается вверх, к свету.

Он уходил, оставляя за собой крики, боль и ложь.

Но он знал, что его смерть не будет напрасной. Кто-то найдёт правду. Кто-то продолжит то, что он начал.

В этом была его надежда.

Над площадью медленно оседала тишина. Толпа расходилась. Палач убирал топор.

В дальнем углу площади, скрытая в тени колонны, стояла фигура. Её лица было не видно. Только бледные руки с длинными пальцами, сжимающие золотую монету.

— Теперь, — прошептал голос. Женский. Холодный. — Теперь никто не узнает правды.

Фигура повернулась и растворилась в темноте.

Глава 16: Черный рыцарь

Тьма.

Она была абсолютной. Велиш не видел ничего — ни стен, ни потолка, ни собственных рук. Тьма давила на глаза, на кожу, проникала в лёгкие.

Первое, что он сделал — схватился за шею.

Пальцы дрожали. Кожа была целой. Гладкой. Не было ни шрама, ни рубца. Он провёл рукой по шее, по ключицам, по груди. Везде кожа была нетронутой.

Но он помнил.

Он помнил, как топор опустился. Как лезвие вошло в плоть. Как мир взорвался болью. Он помнил, как его душа отделилась от тела. Как поднималась вверх, к свету. Он помнил объятия смерти — холодные, но успокаивающие.

А потом — пустота.

А теперь — тьма.

— Где я? — прошептал он. Голос эхом разнёсся в тишине.

Ответа не было. Только его дыхание и стук сердца.

Он попытался встать. Ноги дрожали, но держали. Он сделал шаг, вытянув руки. Коснулся холодной стены. Камень. Он провёл пальцами по поверхности и нашел углубления — вырезанные руны, которые пульсировали слабым теплом.

— Кто здесь? — спросил он. — Отвечайте!

Тишина.

И тогда он увидел их. В углу, где тень была гуще, зажглись два золотых глаза. Они не светили, а поглощали свет.

Велиш замер.

— Кто ты? — прошептал он.

Из угла выступила фигура. Она была соткана из тьмы — чёрной, густой. Но в ней чувствовалась форма. Руки, ноги, плечи. Лицо, скрытое тенью.

— Я тот, кто дал тебе второй шанс, — сказала фигура. Её голос был похож на шелест сухих листьев.

Велиш отступил. Спина ударилась о стену.

— Я умер, — сказал он. — Я чувствовал, как топор вошёл в мою шею.

— Ты был мёртв, — подтвердила фигура. — Ты умер на плахе. Ты умер, потому что сказал правду, которую никто не хотел слышать.

Фигура шагнула ближе.

— Но смерть — не конец. Не для тех, кто нужен.

Велиш смотрел на неё. Руки дрожали. В нём поднимался гнев.

— Кто ты? — повторил он. — Зачем ты вернул меня?

Золотые глаза прищурились.

— Я слуга Королевы Демонов. Я пришёл, чтобы предложить тебе выбор. Ты можешь остаться здесь и ждать, пока тьма снова поглотит тебя. Или ты можешь пойти со мной.

Она протянула руку. Чёрную, как ночь.

— Пойти с тобой? — спросил Велиш. — Куда?

— К Королеве. К той, кто видит правду. К той, кто не отвернулась от тебя, когда другие предали. К той, кто даст тебе новую жизнь, новую цель.

Велиш молчал. Он смотрел на протянутую руку.

Он вспомнил лицо Дарина. Холодное, насмешливое. Вспомнил, как паладины потащили его из зала. Как толпа кричала «еретик». Как они радовались его смерти.

Он вспомнил, как Святая Ашера смотрела на него. В её глазах была боль, но она не сказала ни слова.

И он вспомнил, как Глеотхайн сказал ему: «Ты можешь быть тем, кого ищет тьма. Или ты можешь быть тем, кто сможет остановить её».

Он был и тем, и другим.

Велиш посмотрел на протянутую руку. В его сердце поднялась волна гнева.

Ему нечего было терять.

— Я пойду с тобой, — сказал он.

Фигура улыбнулась. Велиш не видел улыбки, но чувствовал её.

— Тогда иди за мной.

Она шагнула в стену. Та расступилась. Тьма заколыхалась, открывая проход.

Велиш шагнул в проход. Тьма сомкнулась за его спиной.

Он шёл по длинному коридору. Стены были вырезаны из живого льда. Они светились голубоватым светом. Где-то далеко он слышал голоса — женские, холодные, поющие на незнакомом языке.

Когда они вышли из коридора, Велиш замер.

Он стоял на краю огромного ледяного зала. Потолок уходил вверх, теряясь во тьме. Стены украшали ледяные скульптуры — фигуры людей и зверей. В центре горел костер. Пламя было чёрным, как смоль. Оно не давало тепла, а только поглощало свет.

На троне из черного льда сидела она.

Королева Демонов.

Её кожа была черной, как обсидиан. Глаза — золотыми. Она была одета в меха и лёд. На голове сияла корона из замерзшего пламени.

Рува Вайте.

— Велиш, — сказала она. Её голос был похож на звон колоколов. — Я ждала тебя.

Он шагнул вперёд. Ноги дрожали, но он не остановился. Он подошёл к трону и опустился на одно колено.

— Ты знаешь, кто я? — спросил он.

— Я знаю, кем ты был, — ответила она. — Герой юга. Ученик архимага. Брат воина. Я знаю, как они предали тебя. Как они оболгали тебя. Как они убили тебя.

Она встала с трона и подошла к нему.

— Я знаю, что ты читал пророчество, — сказала она. — Я знаю, что ты хотел найти правду. И я знаю, что они не дали тебе этой правды.

Она остановилась перед ним. Её пальцы коснулись его подбородка и подняли голову.

— Я дам тебе правду. Я дам тебе силу. Я дам тебе новую жизнь. Но ты должен дать мне клятву.

Велиш смотрел в её глаза. Он видел в них не зло, а боль. Боль, которая была старше, чем любое королевство.

— Какую клятву? — спросил он.

Рува улыбнулась.

— Клятву верности. Ты станешь моим рыцарем. Ты будешь защищать мой народ. Ты будешь сражаться против тех, кто предал тебя. Против тех, кто уничтожил мою семью. Против тех, кто называет нас демонами. Ты станешь Чёрным Рыцарем.

Она наклонилась ближе.

— Ты будешь тем, кто покажет им, что правда не умирает. Что она возвращается. И что она требует крови.

Велиш молчал. В нём поднималась волна ярости.

Он поднялся на ноги.

— Я клянусь, — сказал он. Голос разнёсся по залу. — Я клянусь верностью тебе, Рува Вайте, Королева Демонов. Я клянусь защищать твой народ. Я клянусь сражаться против тех, кто предал меня. Я клянусь, что моё имя — Чёрный Рыцарь — станет проклятием для юга.

Рува улыбнулась. В её улыбке была печаль и надежда.

— Тогда встань, Чёрный Рыцарь. Встань и прими свою новую жизнь.

Велиш выпрямился. Тьма, которая была его проводником, коснулась его плеч. Он почувствовал, как его старая жизнь умирает, и как рождается новая.

Он открыл глаза. Они горели чёрным огнём.

— Я готов, — сказал он.

Рува кивнула.

— Тогда идём, Чёрный Рыцарь. У нас есть работа.

Она повернулась и пошла к выходу. Велиш последовал за ней. Его шаги были твёрдыми, как сталь.

Он оставлял позади свою старую жизнь. Свои сомнения. Свои страхи. Свою веру в то, что добро всегда побеждает.

Он оставлял позади Глеотхайна и Хелварда. Башню и пророчество.

Он становился тем, кем всегда должен был быть.

Чёрным Рыцарем.

Тем, кто принесёт тьму на юг.

Тем, кто покажет им, что правда не умирает.

Часть 2 . Танец в золотой клетке.

Глава 1 : Герои.

Я никогда не думал, что ступлю на мраморный пол королевского дворца, держа в руках не воровской отмычку, а собственную судьбу. Вор, полукровка, бывший член гильдии «Черный павлин» — я должен был стоять на эшафоте, чувствуя под ногами скользкие от утренней росы доски. Вместо этого я вдыхал запах ладана, который жрецы жгли в медных курильницах у входа, и дорогих духов придворных дам — приторная смесь розы, лаванды и чего-то еще, сладкого до тошноты. Мир, который я знал, был жесток и прогнил насквозь. Но этот мир — мир золоченых потолков и шелковых драпировок — порой преподносил сюрпризы даже тем, кто давно перестал в них верить.

Мои сапоги, грубые и начищенные лишь до приличного блеска, оставляли на белоснежных плитах едва заметные грязные следы. Я специально не вытирал их. Пусть видят. Пусть знают, откуда я родом. Отсюда, с высоты дворцового величия, моя прошлая жизнь казалась сном — темным, вязким, пахнущим сырыми подворотнями и страхом. Но я знал: сны возвращаются, стоит лишь закрыть глаза. Особенно те, от которых ты бежал.

Глеотхайн шел впереди. Его фигура, сутулая от вековой мудрости, казалась высеченной из того же серого гранита, что и древние статуи в нишах — основатели династии, застывшие с мечами и скипетрами. Посох архимага глухо ударял о мрамор. Каждый удар, подобно колоколу, заставлял расступаться нарядную толпу. В шелесте шелков и звоне драгоценностей слышалось благоговейное «ах», которое было адресовано не мне — вору из тени — а его ученику. За архимагом мы двигались единым клином: Хелвард в своей неизменной маске из закаленного стекла, за которой угадывалось ледяное спокойствие и скрытая боль; Роза, чьи пальцы, казалось, сжимали невидимые рукояти клинков даже в этом мире шелка и праздника; Рикус, занимавший половину зала одним своим присутствием, словно каменная глыба, принесенная сюда ветром перемен; и я — Халлас Черный Кот, ученик архимага, герой столицы, освободитель от демонов.

Ну, может быть, не совсем герой. Скорее — везучий дурак, который в самый последний момент ухватился за единственный шанс остаться в живых. Но толпа не знала правды. Они видели только триумф, сияющий нимб победы над эпохой тьмы, и их глаза горели тем ликованием, которое дарят только чужие подвиги.

Король Гилберт Брейтен стоял на возвышении. Его румяное лицо, обрамленное седой, светилось гордостью. Он был правителем недалеким, возможно, даже простодушным, но честным до мозга костей. Он искренне верил в знамена, под которыми его отцы воевали, и в справедливость, которую они несли. Я видел, как он сжимает руку жены — королевы Мерель, женщины с глазами цвета темной яшмы, которая смотрела на нас не с восторгом, а с внимательным, оценивающим интересом. Она была умнее мужа. Намного умнее.

— Архимаг Глеотхайн! — провозгласил король, и его голос, усиливаемый акустикой зала, разнесся по шумной толпе, словно гром. — Вы и ваши ученики спасли наше королевство! Вы сокрушили гнездо демонов, десятилетиями отравлявшее нашу столицу! Именем Армана, я объявляю вас героями!

Зал взорвался. Крики, свист, топот ног, звон бокалов и аплодисменты слились в единый гул, от которого закладывало уши. Я стоял, чувствуя, как этот гул оmyвает меня с головой, и улыбался той самой наглой, ленивой улыбкой, которую я отточил за годы жизни на грани. Она была моим щитом, маской, за которой я мог спрятать дрожь в коленях и неуверенность.

— Это не мы, — шепнул Хелвард, и его голос, искаженный маской, казался доносившимся из-под воды. — Это все Глеотхайн. Он все подстроил. Каждый шаг, каждое слово, каждый вздох этой толпы.

— Знаю, — ответил я, широко улыбаясь застывшей в рукоплесканиях придворной даме. — Но я все равно наслаждаюсь моментом. В конце концов, сколько у нас еще будет таких праздников?

Король поднял руку, и шум стих, как по волшебству. Он спустился с возвышения и подошел к нам. В его глазах блеснули слезы, а голос дрогнул, когда он заговорил:

— Сегодня мы не просто празднуем победу. Сегодня мы отмечаем рождение новой эпохи. Эпохи, в которой тьма больше не будет править нашим миром!

Он положил свою тяжелую, теплую руку на плечо Глеотхайна. Архимаг почтительно склонил голову, но я заметил, как его пальцы на мгновение сжали посох сильнее обычного. Этот жест не был уважением. Это была маскировка.

— Вы останетесь на бал, — сказал король, улыбаясь нам. — Вы должны отдохнуть. Вы заслужили это.

— Мы примем вашу щедрость, ваше величество, — ответил Глеотхайн, и его голос был ровным, как гладь горного озера, скрывающая под собой бездну.

Музыка заиграла вновь — легкая, танцевальная, заставляющая сердца биться быстрее. Пары выплывали в центр зала, кружась в водовороте цветов и сверкающих камней. Я же чувствовал себя чужим, пришельцем из мира теней. Мое место было на крышах, в темных переулках, где ветер шепчет о кражах и опасностях, а не среди этих шелков, где даже воздух казался приторным от лести.

Я отошел к колонне, держась в тени, и принялся наблюдать. Это была старая привычка — изучать пространство, искать выходы, запоминать лица. Придворные делились на группы: старые аристократы, чьи рода древнее самого королевства, держались особняком, поглядывая на нас с плохо скрываемым презрением. Новое дворянство — купцы, разбогатевшие на торговле с Гальтером, — толпилось вокруг короля, ловя каждое его слово. А где-то в стороне, у высоких стрельчатых окон, стояли те, кто пришел сюда не ради праздника, а ради информации: шпионы, информаторы, посредники. Я знал этот тип. Когда-то я сам был одним из них.

Но судьба, как всегда, решила подшутить надо мной в самый неподходящий момент. Она любила такие иронии: поставить вора в центр бала, а беглеца — лицом к лицу с его прошлым.

— Господин Халлас, — раздался рядом голос, мягкий, как бархат, и с легкой, дразнящей насмешкой.

Я обернулся. Передо мной стояла девушка. Совсем юная, едва ли старше шестнадцати, но в ее взгляде уже читалась та острая, пытливая зрелость, которая бывает только у тех, кто рано познал цену словам и взглядам. Ее черные волосы были собраны в аккуратный, безупречный узел, открывая тонкую шею и аристократический профиль. Платье из темно-синего бархата облегло ее хрупкую фигуру, словно вторая кожа, а сапфировые глаза смотрели на меня с живым, почти кошачьим любопытством. Она держала в руках веер из слоновой кости, и ее пальцы — тонкие, унизанные кольцами — то раскрывали, то складывали его с легким щелчком. Я заметил, как она нервничает: движения были чуть быстрее, чем требовал этикет, а на щеках проступал румянец, который она пыталась скрыть, наклоняя голову.

— Лавия Гесингер, — представилась она, приседая в легком реверансе, от которого ткань ее платья мягко заструилась. — Внучка графа Гесингера.

Я внутренне напрягся, как струна. Гесингер. Старый род, владеющий рудниками альдера, дарящими королевству несметные богатства. Род, окутанный темными слухами, суровыми традициями и историей, в которой каждый камень пропитан кровью. Я слышал о них. О графе, который, как говорили, мог одним взглядом заставить человека признаться в самом сокровенном.

— Очень приятно, — сказал я, и мой голос прозвучал на удивление небрежно, словно я каждый день беседовал с внучками графов. — Халлас. Просто Халлас.

Девушка улыбнулась. В ее улыбке было что-то озорное, почти дерзкое, словно она знала тайну, которую не спешила раскрывать. Она сложила веер и легонько хлопнула им по своей ладони — жест нетерпения, выдавший ее с головой.

— Просто Халлас? — переспросила она, и в голосе ее зазвенел смех. — Тот самый, кто уничтожил гильдию «Черный павлин»? Тот самый, кто спас Водохранилище, рискуя своей шкурой? — Она наклонила голову набок, изучая меня, и в этом жесте было столько грации и вызова, что я почувствовал, как у меня пересохло в горле. — Вы слишком скромны для героя.

— Я не герой, — ответил я, и это была чистая, неподдельная правда. — Я просто оказался в нужном месте в нужное время. И выжил, в отличие от некоторых.

— Ах, вы так говорите, — она рассмеялась, и ее смех был подобен звону маленьких, хрустальных колокольчиков, разбивающих тишину зала. — Мой дедушка утверждает, что удача — это не случайность. Это результат подготовки. И он редко ошибается. — Она кивнула куда-то в сторону, и я проследил за ее взглядом.

Граф Фальтер Гесингер стоял у мраморной колонны, опираясь на тяжелую трость с резной головой в виде волка. Его черная шерсть с обильной сединой была аккуратно причесана, янтарные глаза горели холодным, оценивающим огнем. Одно ухо, разорванное надвое — старая рана, полученная, возможно, в той битве, которая сделала его тем, кем он был — не скрывалось ни под мехом, ни под временем. Он смотрел на меня тяжелым, пронизывающим взглядом, и я чувствовал, как каждый его взгляд сдирает с меня слои лжи, одну за другой, как шелуху. Рядом с ним, в тени колонны, стоял человек, которого я сначала не заметил. Он был одет во все черное, и его лицо — бледное, с острыми чертами — казалось почти невидимым на фоне темной ткани. Слуга. Или не слуга. Я знал этот тип. Тень. Убийца.

— Он выглядит очень... дружелюбно, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал ровно и беспечно. — Как старый кот, который готов выпустить когти в любой момент. Даже на балу.

Лавия снова рассмеялась, и в этом смехе не было ни капли притворства.

— Не бойтесь его. Он только кажется суровым. На самом деле он просто волнуется за меня. Я его единственная внучка, а здесь, на балу, так много опасных молодых людей, готовых украсть не только сердце, но и состояние.

Она протянула руку и коснулась моего локтя. Ее пальцы были теплыми, мягкими, и от этого прикосновения по моей спине пробежал холодок, не имеющий ничего общего с испугом.

— Потанцуем? — спросила она, и в ее глазах заплясали озорные искорки.

Я замер. Танец? Я, вор, прятанный по крышам и подворотням, чувствующий себя как рыба в воде только в темноте? Это было выше моих сил. Я умел красть, убивать, выживать. Я мог проскользнуть незамеченным мимо сотни стражников. Но танцевать? Это было за пределами моего понимания.

— Я не умею танцевать, — честно признался я, чувствуя, как мои щеки начинают гореть под ее насмешливым, но не злым взглядом.

— Это неважно, — улыбнулась Лавия, с силой потянув меня за собой в центр зала, где кружились пары. — Просто делайте, что я говорю. И не наступайте мне на ноги. Это единственное правило.

И я сделал.

Мы всплыли в водоворот танца. Музыка ускорилась, заиграла ярче. Лавия встала напротив меня, положила одну руку мне на плечо, а другую взяла в свою. Я чувствовал себя неуклюжим, как рыба, выброшенная на берег, как марионетка с оборванными нитями. Мои ноги двигались неправильно, руки дрожали, и я то и дело наступал ей на туфли из тонкой кожи. Я чувствовал, как пот выступает на лбу, как воротник камзола становится тесным. Я слышал, как кто-то из придворных прыснул в кулак, и кровь прилила к лицу.

Но она не обращала на это ни малейшего внимания. Она смеялась, кружилась, и ее глаза сияли.

— Вы удивительно неуклюжий, — сказала она, когда я в очередной раз споткнулся, едва не увлекая ее за собой на пол. — Для того, кто способен бегать по крышам и красть бесценные артефакты, это невероятно.

— Крыши и танцы — это принципиально разные вещи, — буркнул я, сосредоточенно глядя себе под ноги. — На крышах я знаю, куда ступать. Здесь я чувствую себя слепым котенком.

— Тогда доверьтесь мне, — прошептала она, сжимая мою руку. — Я поведу.

И она повела. Ее тело было легким, словно пушинка, и я чувствовал, как ее энергия, ее уверенность передаются мне, проникая сквозь страх и неуклюжесть. Я начал двигаться свободнее, шаг стал увереннее, и через несколько минут мы уже кружились в танце, как настоящие партнеры. Музыка захватила меня, и я забыл о том, что я вор, что я чужой в этом блестящем мире, что вокруг нас сотни глаз, готовых осудить каждый мой жест. Я просто танцевал, и в этом движении была свобода.

Лавия улыбалась, и ее пальцы, лежавшие на моем плече, слегка сжались. Я чувствовал, как ее дыхание касается моей щеки, как ее сердце бьется в такт с моим. На мгновение мне показалось, что весь зал исчез, остались только мы — два существа из разных миров, соединенные музыкой и танцем.

И в этот момент я почувствовал на себе тяжелый, ледяной взгляд, пронзивший меня до самых костей. Граф Гесингер стоял у своей колонны, скрестив руки на груди, и его янтарные глаза горели холодным, оценивающим светом. Он смотрел на меня, на свою внучку, на наши сплетенные руки, и его лицо оставалось каменным, непроницаемым, как лик статуи древнего бога. Но я чувствовал, что он видит меня насквозь. Он видел вора. Он видел полукровку. Он видел того, кто, по его мнению, не достоин даже дышать в одном зале с его внучкой, не то что держать ее за руку.

Лавия, почувствовав мое внезапное напряжение, слегка наклонилась ко мне, и ее дыхание коснулось моего уха:

— Не обращайтесь внимания, — прошептала она. — Он всегда такой. Он просто не доверяет чужакам, как все старики.

— Он прав, — ответил я, и мой голос, неожиданно для меня самого, прозвучал глухо, почти хрипло. — Я действительно чужак в этом мире. Я не принадлежу ни к знати, ни к тем, кто пьет с ними вино.

— Теперь вы герой, — сказала она, и в ее голосе была странная, уверенная твердость. — И вы здесь. Это уже начало. Все остальное — просто детали.

Танец закончился. Мы остановились в центре зала, и я почувствовал, как все взгляды устремлены на нас. Кто-то улыбался, кто-то шептался, чьи-то глаза метали молнии осуждения. Но я не обращал на них внимания. Я смотрел на Лавию, и в ее сапфировых глазах я видел отражение того, чего у меня никогда не было. Надежды. Возможности. Будущего.

— Спасибо, — сказал я тихо, чувствуя, как слова застревают в горле. — За танец. За то, что не дали мне упасть на глазах у всей этой знати.

— Всегда пожалуйста, — улыбнулась она, и ее улыбка была похожа на луч света, прорезающий сумрак. — Если захотите повторить — я буду здесь. Или в том месте, где меня можно будет найти. Вы умный человек, Халлас. Вы найдете меня.

Она развернулась и ушла, оставляя меня одного, стоящего в самом центре зала, под сотнями любопытных взглядов. Я смотрел ей вслед, чувствуя, как мои руки все еще дрожат, как в груди пульсирует странное, новое чувство. Музыка играла, пары кружились, а я стоял и чувствовал себя как никогда живым — как будто только что родился заново.

Но я знал, что эта ночь — лишь начало. И что тьма, которую мы победили вчера, была лишь тенью, предвестником того, что надвигалось с севера. Ветер перемен уже дул, принося с собой запах грядущей бури.

И когда я повернулся, чтобы найти своих спутников, я снова встретился взглядом с графом Гесингером. Он стоял там же, где и прежде, его руки были скрещены на груди, а янтарные глаза горели холодным, предупреждающим огнем. Он не произнес ни слова, но я отчетливо понял его послание, высеченное в самом воздухе:

«Осторожно, кот. Ты играешь с огнем. И этот огонь может сжечь тебя дотла».

Глава 2: Кровь, что текла в жилах императоров

Ночной воздух столицы обрушился на меня, как ледяной поток горной реки, вырывающийся из ущелья. Он был свеж, почти обжигающе чист после душной, пропитанной ладаном и лестью атмосферы дворца. В нем чувствовались запахи влажного камня, уличной грязи и далеких полей — запахи настоящей жизни. Мы покинули дворец через боковой, неприметный проход, скрытый от глаз праздной публики, и там уже ждала карета архимага. Простая, без гербов, почти сливающаяся с тенями городских экипажей. Глеотхайн первым забрался внутрь, с трудом опираясь на свой неизменный посох, и я заметил, как его плечи, обычно гордые и прямые, слегка ссутулились, когда он опустился на жесткое сиденье. Праздник, даже триумфальный, высасывал из него силы, оставляя лишь пустоту и ту глубокую усталость, которую не скрыть ни за какой маской.

Хелвард сел напротив, его движения были скупы и точны, как у хорошо отлаженного механизма. Маска из закаленного стекла, тускло поблескивая, отражала огни ночного города, проплывающие за окном, и я не мог прочесть ни единой эмоции на его скрытом лице. Роза заняла место рядом со мной, и я чувствовал, как она напряжена, как ее пальцы то и дело касаются рукояти клинка — старая, вьевавшаяся в кровь привычка проверять оружие. Рикус, как всегда, молчал. Его массивная фигура занимала почти половину кареты, и даже воздух вокруг него, казалось, сгущался, становясь тяжелым от его присутствия. Когда он дышал, стекла едва заметно дребезжали.

— Ты впечатлил Гесингера, — сказала Роза, когда карета, покачиваясь на булыжниках, тронулась с места. Она говорила без насмешки, но в ее голосе слышалась настороженность. — Он смотрел на тебя так, будто ты уже украл его внучку прямо из-под его носа.

— Я не крал никого, — ответил я, откидываясь на мягкую, но уже продавленную подушку сиденья, и прикрыл глаза, чувствуя, как усталость начинает забирать свое. — Я просто танцевал. Это была случайность.

— Случайность, которая может стать проблемой размером с это королевство, — заметил Хелвард, и его голос, искаженный стеклом маски, прозвучал ледяным предупреждением. — Гесингер — старый и опасный зверь. Он пережил три войны, двух королей и смену целых династий. Если он решит, что ты представляешь угрозу для его планов, он уничтожит тебя. Медленно, аккуратно и так, что никто не свяжет его смерть с его именем.

— Его планы — выдать Лавию замуж за какого-нибудь знатного идиота с толстым кошельком и пустой головой, — усмехнулся я, хотя внутри меня поселился холод. — Я не вхожу в их число. У меня нет ни титула, ни земель, ни даже приличной одежды, кроме той, что на мне.

— Но ты привлек его внимание, — тихо сказал Глеотхайн. Его голос звучал устало и мудро, как шум старого дуба на ветру. — А внимание — это оружие. Обоюдоострое. Им можно пользоваться, направляя его в нужную сторону. Но можно и получить удар в спину, когда ты его меньше всего ждешь. Особенно если это внимание старого кота, который привык охотиться в одиночку.

Я вздохнул, чувствуя, как усталость, копившаяся дни и ночи, наваливается на меня, как тяжелое одеяло, лишая сил. Битва в Водохранилище, где я смотрел в глаза демону, возвращение в столицу, прием у короля, бал, танец с Лавией... Это был вихрь, в котором я едва успевал дышать. Я чувствовал себя выжатым досуха, как лимон, из которого выжали каждую каплю сока.

— Что дальше? — спросил я, переводя разговор на более важные, насущные темы. — Мы нашли пророчество. Мы знаем, что нужны герои. Но с чего мы начнем? Где искать тех, кто носит знаки?

Глеотхайн не ответил сразу. Он смотрел в темное окно, на проплывающие мимо огни Амерты, и его лицо было непроницаемо, как каменная маска древнего бога. Тени от фонарей падали на его морщины, делая их глубже, и я видел, как он размышляет, взвешивая каждое слово.

— Сначала, — сказал он медленно, и голос его звучал тихо, почти задумчиво, — я должен кое-что проверить. Это займет совсем немного времени. Вы отдохнете в башне, наберетесь сил. А завтра, когда первые лучи солнца коснутся шпилей, мы обсудим план.

Я хотел спросить, что именно он собирается проверять, но что-то в его голосе, в его усталой, дрогнувшей интонации остановило меня. Это был не просто приказ архимага, привыкшего к повиновению. Это была просьба старого человека, который боялся того, что может найти. Боялся правды, спрятанной в глубине веков.

Мы замолчали. Карета продолжала свой мерный ход, поскрипывая и покачиваясь на выщербленных булыжниках мостовой. Я смотрел на огни города, проплывающие за мутным стеклом, и думал о том, что ждет нас впереди. О героях, которых мы должны найти. О тьме, которая уже сгущается на горизонте. И о сапфировых глазах, которые, как мне казалось, я видел даже в темноте за окном.

Башня встретила нас привычной тишиной. Обычно здесь было шумно илюдно — младшие маги бегали по коридорам, слуги сустились с подносами, кристаллы на стенах светились всеми оттенками магии, создавая вечный, неумолчный гул. Но сейчас, глубокой ночью, все спали. Только наши шаги, тяжелые и уставшие, отдавались гулким эхом в пустых, каменных коридорах, и свечи в настенных канделябрах отбрасывали длинные, пляшущие тени на стены, превращая башню в лабиринт из света и тьмы.

— Идите в свои комнаты, — сказал Глеотхайн, когда мы остановились в главном зале, у подножия винтовой лестницы. Его голос эхом прокатился под высокими сводами. — Отдыхайте. Завтра нас ждет тяжелый день. Нелегкий, возможно, решающий.

Я кивнул и направился к лестнице, ведущей на верхние этажи, где мне выделили скромную комнату. Но остановился, когда услышал голос архимага, остановивший меня, как приказ:

— Халлас, задержись на минуту.

Я обернулся. Глеотхайн стоял у входа в свою лабораторию, и его лицо, освещенное тусклым, мерцающим светом магических кристаллов, было серьезным, почти мрачным.

— Я должен взять у тебя кровь, — сказал он, и в его голосе не было просьбы. — Для проверки. Чтобы убедиться, что демон полностью уничтожен и не оставил в тебе свою метку.

— Я чувствую себя прекрасно, — ответил я, слегка насторожившись. — Рикус вытащил его. Я видел, как он сгорел в священном огне.

— Я знаю, — кивнул Глеотхайн, но его взгляд оставался серьезным. — Но я хочу быть уверен до конца. Демоны — хитрые твари. Они умеют прятаться, оставлять следы, которые не видны даже самым искушенным жрецам. Это просто предосторожность, Халлас. Старая привычка проверять все, что может быть проверено.

Я пожал плечами. Звучало логично. Архимаг всегда был перестраховщиком, и это качество, возможно, спасло ему жизнь не раз. Я подошел к нему и протянул руку ладонью вверх, обнажив запястье.

— Делайте, что нужно.

Глеотхайн взял мою руку своими пальцами. Они были холодными и сухими, как кора старого, столетнего дуба, и от них исходила едва заметная, тревожная вибрация. Он достал из складок мантии тонкую, почти невесомую серебряную иглу — она казалась прозрачной в тусклом, мерцающем свете — и быстро, почти безболезненно, уколол мой палец. Капля крови выступила на поверхности, алая и пульсирующая, как живой рубин, и он аккуратно собрал ее в маленький стеклянный флакон с темным, древним налетом на донышке.

— Все, — сказал он, отпуская мою руку. — Иди отдыхай.

Я кивнул, чувствуя легкое головокружение, которое накатило внезапной волной. Не от потери крови — она была ничтожна — а от той всепоглощающей усталости, что навалилась на меня, как тяжелое шерстяное одеяло, не давая вздохнуть.

— Спокойной ночи, архимаг.

— Спокойной ночи, Халлас.

Я поднялся наверх, но на повороте лестницы остановился на мгновение. Я чувствовал, как его взгляд — тяжелый, изучающий, полный скрытой тревоги — провожает меня до самого поворота, пока я не скрылся в темноте верхнего коридора.

Глеотхайн стоял в своей лаборатории, держа в руке стеклянный флакон с кровью Халласа. Свет магических кристаллов, пульсируя глубоким синим светом, отражался от стекла, и капля крови внутри казалась рубином, застывшим в глубине времени. Он поставил флакон в специальное, замысловатое устройство — сложную конструкцию из серебра, кварца и древних рун, вырезанных на черном мраморе. Это был артефакт, который он создал много лет назад, еще во времена расцвета Империи Нетерас. Тогда он искал королевскую кровь для своих целей. Сейчас он боялся ее найти.

Устройство загудело низким, вибрирующим звуком, проникающим в самую суть костей. Серебряные нити, тонкие, как паутина, оплели флакон, и свет заструился по вырезанным рунам, создавая причудливый, мерцающий узор. Глеотхайн смотрел на него, затаив дыхание, его единственный глаз не мигая впивался в каждый всполох цвета.

Результат появился через несколько мучительно долгих мгновений. Внутри флакона засветился тусклый, серый свет — блеклый, как утренние сумерки. Отрицательный.

Глеотхайн выдохнул, и его плечи дрогнули от облегчения. Он не знал, чего ожидал — облегчения или разочарования. Но он понимал, что это лишь первая проверка, и она ничего не решает.

Он открыл шкаф, где хранились другие флаконы, аккуратно расставленные на полках, словно драгоценные реликвии. Они были помечены именами: Хелвард, Роза, Рикус. И один, самый старый, с выцветшей от времени пометкой «Велиш». Он взял флакон с кровью Хелварда. Это была еще одна предосторожность. Он должен был знать правду. Должен был убедиться в том, во что боялся поверить.

Устройство загудело снова, и Глеотхайн затаил дыхание. Серебряные нити оплели новый флакон, и свет потек по рунам. Он смотрел, как внутри, в глубине темной жидкости, начинает разгораться золотистое сияние. Яркое, пульсирующее, как сердце древнего, умирающего дракона, как последний всплеск жизни перед вечной тьмой.

Он замер. Его рука, сжимающая флакон, дрогнула.

— Это невозможно... — прошептал он, и голос его сорвался, превратившись в хриплый шепот. — Этого не может быть...

Он взял флакон с кровью Велиша. Дрожащими пальцами повторил ту же процедуру. И снова — тот же золотой свет, яркий, ослепительный, пульсирующий в такт с его собственным сердцем. Положительный.

Он опустился на стул, стоящий у лабораторного стола, чувствуя, как земля, казавшаяся такой твердой и надежной, уходит из-под его ног. Кровь текла в жилах Хелварда и Велиша. Та самая кровь, которую искал безумный император Нетераса, та самая кровь, что могла разрушить мир или спасти его.

Глеотхайн смотрел на флаконы, на золотое сияние, все еще мерцающее в их глубине, и чувствовал, как в его старой душе поднимается волна ледяного, всепоглощающего страха. Если кто-то узнает правду — Святая Ашера, Дарин Магерш, или, что хуже, сама Королева Демонов — Хелварда убьют. Так же, как когда-то убили Велиша. Только хуже, страшнее. Без суда, без права голоса, без малейшей возможности оправдаться. Его просто сотрут, словно его никогда и не было.

Глеотхайн медленно поднялся. Его руки дрожали, но он знал, что должен это сделать. У него не было выбора.

Он взял флакон с кровью Халласа — отрицательный результат, серый и тусклый, как пепел. Затем флаконы Хелварда и Велиша — положительные, золотые и пульсирующие, живые. Он подошел к камину. Огонь, тлеющий в глубине, вспыхнул ярче, когда он поднес к нему флаконы, словно пламя узнавало ту древнюю, запретную магию, что была в них заключена. Стекло треснуло под воздействием жара, кровь зашипела, превращаясь в пепел и едкий, сизый дым, который поднимался вверх и растворялся в ночи.

Глеотхайн смотрел, как исчезают доказательства. Как тайна, которую он носил в себе так долго, сгорает в огне, как ложь становится единственной правдой. Он чувствовал себя предателем. И в то же время — спасителем.

— Я клянусь, — прошептал он, обращаясь к пустой комнате, к теням прошлого, к богам, которые, возможно, смотрели на него с осуждением. — Я буду молчать. Я буду защищать их. Я не позволю им повторить судьбу Велиша. Никогда.

Он затушил камин и повернулся к столу. Устройство было пустым, его серебряные нити угасли, и артефакт остывал, издавая едва слышное шипение. Никто не узнает. Никто не должен знать.

Глеотхайн стоял в своей лаборатории, среди книг и древних артефактов, и чувствовал, как груз этой тайны, тяжелый, как все мироздание, ложится на его сгорбленные плечи. Это была еще одна ноша, которую он должен был нести. Еще одна цена, которую он должен был заплатить за свои прошлые грехи.

Он знал, что это не конец. Что правда выйдет наружу рано или поздно, как вода пробивает скалу. Но когда это случится, он должен быть готов. Он должен быть сильным. Сильнее, чем когда-либо.

Он смотрел на пепел в камине, на остатки золотого света, который все еще мерцал в темноте, словно призрак угасшей надежды.

— Прости меня, Хелвард, — прошептал он, и голос его был полон боли и сожаления. — Прости меня, Велиш. Но я должен был это сделать. Я должен был защитить вас. Ценой любой лжи.

Он повернулся и вышел из лаборатории, оставляя позади тайну, которая могла изменить мир. Которая уже изменила его.

На следующее утро я проснулся с чувством странной, почти забытой легкости. Сон был глубоким, лишенным сновидений — темным и спокойным, как омут. Я чувствовал себя отдохнувшим, почти счастливым. Это было непривычно до дрожи. Я привык просыпаться в липком страхе, с колотящимся сердцем, с мыслью о том, что моя бывшая гильдия найдет меня и убьет, перерезав горло во сне. Теперь этой угрозы не было. Впервые за много лет я мог дышать свободно.

Я спустился в главный зал, где уже собрались остальные. Хелвард стоял у высокого, стрельчатого окна, вглядываясь в серое утро города, его руки были скрещены на груди, и в его позе чувствовалась скрытая, глубокая тревога. Роза сидела за столом, начищая свои клинки с механической, почти медитативной тщательностью. Рикус, как всегда, стоял в углу, его огромная фигура казалась неотъемлемой частью самой башни, ее грубой, каменной души.

Глеотхайн вошел, когда мы уже начали завтрак. Он выглядел уставшим, как будто не спал всю ночь, но его единственный глаз горел холодной, стальной решимостью.

— Сегодня мы начинаем наш путь, — сказал он, садясь во главе длинного дубового стола. — Мы должны найти пятерых избранных героев, чтобы собрать их под одним знаменем.

— И с чего мы начнем? — спросил Хелвард, отрывая взгляд от окна. В его голосе слышалась та же стальная решимость, что и у архимага.

— С востока, — ответил Глеотхайн, разворачивая на столе старую, выцветшую карту. — В Белой башне Терра, что стоит в городе Мельбус. Там учится тот, кто носит знак Лильет. Его зовут Гертеймах.

— Мальчик, который видит мертвых? — переспросила Роза, поднимая бровь. — Я слышала о нем. Он считается странным даже для своих. Некоторые говорят, что он проклят.

— Он и есть странный, — кивнул Глеотхайн, и в его голосе не было сомнения. — Но он избранный. Он нужен нам, чтобы видеть то, что другие не замечают.

Я смотрел на архимага, и в его усталых глазах я чувствовал что-то, что он тщательно скрывал. Что-то изменилось в нем с прошлой ночи. Я не знал, что именно, но я знал, что это важно.

— Мы отправляемся сегодня, — сказал он, поднимаясь из-за стола. — Соберитесь. Путь будет долгим и трудным.

Я кивнул, чувствуя, как внутри меня закипает знакомое, пьянящее волнение. Новое приключение. Новая игра, в которой ставки — жизнь и смерть. И я был готов в нее играть.

Но я не знал, что этот путь приведет нас к правде, которая изменит все. Которая уже начала менять нас.

Глава 3: Следы в пыли веков

Мы выехали из столицы на рассвете, когда первые лучи солнца, еще робкие и прохладные, только начинали золотить шпили и купола Амерты. Город просыпался неохотно, как древний зверь: торговцы открывали ставни лавок, слышался звон первых подков о булыжник, стража, уставшая за ночь, менялась на постах, где-то вдалеке кричали петухи, возвещая новый день. Мы покидали его как герои, под приветственные крики проснувшихся горожан, но я чувствовал себя беглецом. Вором, который в очередной раз уносит ноги от правосудия.

Королевский караван, который Глеотхайн предусмотрительно попросил у короля, вез нас на восток. Пять карет, обитых темным деревом и железом, дюжина всадников в латных доспехах с гербом Армана, сверкающим начищенной сталью, и мы — в центре, как драгоценности в шкатулке, которые везут в неизвестность, подальше от любопытных глаз.

— Я ненавижу кареты, — пробормотал Рикус, сидя на полу, потому что просто не помещался на сиденье. Его массивные плечи касались стен, и каждое движение великана заставляло карету опасно скрипеть. — В них слишком мало места. И слишком много тряски. Эти дороги созданы для гномов, а не для людей моего роста.

— Ты мог бы идти пешком, — ответил Хелвард, не поднимая глаз от старой, потрепанной книги, которую он читал с самого отъезда. Его голос был равнодушен, но в нем чувствовалась легкая, едва заметная насмешка. — Твои ноги созданы для земли, а не для мягких подушек, Рикус.

— Я мог бы, — согласился великан, и его усы дернулись в улыбке. — Но тогда бы я не видел лица Халласа, когда мы проезжали мимо дома Гесингера.

Я вздрогнул и уставился на него, чувствуя, как кровь приливает к щекам.

— Ты заметил? — спросил я, стараясь, чтобы голос звучал безразлично.

— Я все замечаю, кот, — усмехнулся Рикус, и в его смехе слышалась глубокая, добродушная мудрость. — Ты смотрел на ворота так, будто надеялся увидеть там черные волосы и сапфировые глаза. Будто они могли выбежать к тебе, чтобы помахать рукой на прощание.

— Я просто... — я запнулся, чувствуя, как щеки начинают гореть. — Я смотрел на архитектуру. У них очень интересный балкон. Резной. И водосточные трубы. Красивые.

Роза фыркнула, не поднимая головы от клинка, который она начищала до зеркального блеска. Лезвие металось в ее руках, отражая свет утреннего солнца.

— Балкон, — повторила она с ледяной иронией. — Конечно. У тебя профессиональный интерес к их водосточным трубам, Халлас. Ты же вор, в конце концов. Ты изучаешь архитектуру, чтобы знать, куда лучше залезть.

— Вы все невыносимы, — буркнул я и демонстративно отвернулся к окну, пряча смущение за стеклом.

За мутным стеклом проплывали поля, сжатые осенним солнцем, покрытые золотистой стерней. Вдалеке, на фоне темного леса, двигались крошечные фигурки крестьян, и они казались такими маленькими и беззащитными в этом бескрайнем, суровом просторе. Я смотрел на них и думал о том, как легко рушится мир, когда ты даже не замечаешь этого. Они не знали о пророчестве, о демонах, о черной тьме, которая собиралась на севере. Они жили своей жизнью — заботились о детях, сеяли и собирали урожай, молились своим богам и надеялись на лучшее, как люди делали испокон веков. И от этого их беззаботная жизнь казалась мне почти святой, недостижимой.

Глеотхайн сидел напротив меня, и его глаза были закрыты. Он казался спящим, но я знал, что он не спит. Он никогда не спал в дороге. Это была старая, въевшаяся привычка: всегда быть настороже, всегда готовым к удару. Вчерашняя ночь оставила на нем свой след — я видел

это по тому, как он сжимал свой посох, как его пальцы, покрытые старческой пигментацией, едва заметно дрожали, когда он думал, что никто не смотрит.

Что он скрывал? Что за тайна сжигала его изнутри?

Я хотел спросить, но что-то внутри, какой-то древний инстинкт самосохранения останавливал меня. Может быть, страх узнать правду. Может быть, интуиция, которая всегда помогала мне выживать.

Карета покачивалась и скрипела на ухабах проселочных дорог, а я смотрел на проплывающий пейзаж, чувствуя, как прошлое и будущее переплетаются в этом бесконечном, ускользающем настоящем. Золотая осень умирала, и земля готовилась к долгой, холодной зиме — как и мы, как весь этот мир, стоящий на пороге великой битвы.

Дорога до Мельбуса заняла пять долгих, изнурительных дней. Мы останавливались только раз, в небольшом, затерянном среди холмов городе на самой границе Армана, где Глеотхайн встретился с местным магистром и долго о чем-то говорил на древнем языке, которого я не понимал — низкие, гортанные звуки, полные скрытого смысла. Остальное время мы провели в пути, ночевали на постоянных дворах с продавленными кроватями, ели простую, грубую пищу и почти не разговаривали, погруженные в свои мысли.

Я чувствовал, как наша разношерстная команда постепенно становится единым организмом. Хелвард больше не смотрел на меня с тем ледяным презрением, что было в его глазах сначала. Роза иногда улыбалась моим неуклюжим шуткам, и в этих улыбках было тепло. Рикус даже предложил мне кусок своего черствого хлеба однажды вечером, что было знаком великого доверия для человека, который не доверял никому, кроме своего оружия.

Но я не мог избавиться от смутного, тревожного чувства, что мы движемся к чему-то, что изменит нас всех. Что-то древнее, что-то скрытое в пыли веков. Я чувствовал это в каждом взгляде Глеотхайна, в каждом его тяжелом, многозначительном молчании.

Наконец, на шестой день, когда солнце уже клонилось к закату, мы прибыли в Мельбус.

Город встретил нас мягким, золотистым светом осеннего заката. Он был не похож на шумную, пеструю Амерту — здесь не было величественных дворцов и оглушительных рынков. Мельбус был городом ремесленников и ученых, городом, где воздух пах хлебом, свежеструганным деревом и старой, пожелтевшей бумагой. Узкие, мощенные булыжником улочки вились между аккуратными домами с черепичными крышами, и на каждом углу стояли фонтаны с чистой, ключевой водой, журчащей в каменных чашах.

Белая башня Терра возвышалась в самом центре, сияя белым, почти ослепительным мармором, который, казалось, впитывал солнечный свет и излучал его обратно, превращаясь в путеводную звезду в сумерках. Она была не такой мрачной и угрюмой, как башня Глеотхайна. Она была светлой, почти воздушной, с большими, стрельчатыми окнами и балконами, где в изящных горшках росли яркие, благоухающие цветы.

— Как здесь красиво, — прошептала Роза, когда мы вышли из карет. Ее глаза, обычно холодные и настороженные, на мгновение потеплели.

— Это обманчиво, — тихо ответил Глеотхайн, и в его голосе послышалась древняя, горькая мудрость. — В красоте всегда прячется опасность, Роза. Никогда не забывай этого. Чем ярче свет, тем глубже тени.

Магистр башни, Альшер, встретил нас у входа. Он был высоким, стройным стариком с длинной, белоснежной бородой и удивительно добрыми, ясными голубыми глазами. Его белая мантия с зеленой, искусной вышивкой была такой же чистой и сияющей, как сама башня, и он улыбался, глядя на нас, как будто ждал этого визита всю свою жизнь.

— Архимаг Глеотхайн, — сказал он, низко кланяясь. — Вы почтили нас своим присутствием. Мы ждали вас. Дни и ночи мы всматривались в горизонт, зная, что вы придете.

— Ты знал, что мы придем? — спросил Глеотхайн, и его голос был ровным, но я уловил в нем напряжение.

— Я знал, что придет день, когда правда начнет открываться, — ответил Альшер, и его голос звучал мягко, но твердо. — И я знал, что ты будешь тем, кто ее найдет. Так было предопределено.

Он перевел взгляд на нас — на Хелварда, на Розу, на Рикуса, на меня. И когда его взгляд остановился на мне, в его глазах мелькнула искра узнавания, почти испуганная.

— Ты — Халлас Черный Кот, — сказал он, и его голос дрогнул. — Тот, кто украл свиток судьбы из самого сердца храма.

— Я не крал его, — ответил я, чувствуя, как внутри включается привычная защита. — Я взял его. Это две совершенно разные вещи. Я его спас.

Альшер рассмеялся, и его смех был похож на звон маленьких, серебряных колокольчиков, разбивающих тишину.

— Ты мне нравишься, — сказал он, и в его глазах заплясали веселые искорки. — У тебя есть характер и острый язык. Ты будешь нужен нам. Ты будешь тем, кто откроет двери.

Он повернулся и повел нас внутрь башни, в ее светлые, просторные залы.

Гертеймах оказался совсем мальчишкой. Ему было не больше пятнадцати лет — худой, с вечно взъерошенными, темными, как вороново крыло, волосами и глубокими, черными кругами под глазами, как у человека, который не спал уже много ночей. Он сидел в своей комнате, заваленной книгами и странными, загадочными артефактами, и смотрел на нас сонными, но поразительно внимательными глазами. В углу комнаты горела свеча — бледно-голубая, почти не дающая тепла, но отбрасывающая странные, дрожащие тени на стены. Рядом с кроватью стоял кубок с недопитым отваром, от которого пахло полынью и еще чем-то горьким, травяным. На столе лежали раскрытые книги с пожелтевшими страницами, испещренными пометками, и я заметил, что некоторые из них были написаны на языке, которого я не знал — древнем, забытом.

— Я знал, что вы придете, — сказал он, и его голос был тихим, почти шепотом, похожим на шорох сухих листьев. — Я видел это во сне. Вы пришли за мной, чтобы я отправился с вами на север и победил тьму.

Мы переглянулись. Хелвард шагнул вперед, и его маска блеснула в свете свечей.

— Ты видишь сны? — спросил он, и в его голосе слышалась настороженность.

— Я вижу много чего, — ответил Гертеймах, и в его голосе послышалась усталость, совершенно не вязавшаяся с его юным возрастом. — Я вижу мертвых. Они приходят ко мне по ночам, когда луна прячется за тучами, и говорят со мной. Они не дают мне спать. Они шепчут мне на ухо, что я избранный. Что я должен идти.

Он поднял левую руку и медленно закатал рукав. На его предплечье, на бледной, почти прозрачной коже, пульсировала бледно-голубая свеча — знак Лильет, богини покоя и последнего пути. Она светила слабым, но отчетливым, живым светом, и я чувствовал, как от нее исходит холод, проникающий в самые кости, заставляющий кожу покрываться мурашками.

— Я не хотел этого, — сказал он, и в его голосе послышалась мольба, похожая на крик раненой птицы. — Я просто хотел учиться. Хотел быть обычным. Но они не оставляют меня в покое. Ни днем, ни ночью.

— Ты не можешь быть обычным, — сказал Глеотхайн, и его голос был мягким, но твердым, как древний камень. — Ты избранный. Ты должен принять свою судьбу, Гертеймах. Как мы все приняли свою.

— Я боюсь, — прошептал мальчик, и в этом шепоте слышались слезы.

— Мы все боимся, — ответил я, подходя ближе и опускаясь перед ним на корточки, чтобы быть на одном уровне. — Но мы идем вперед. Потому что если мы не пойдем, если мы останемся в страхе, кто-то другой заплатит за это. Те, кто слабее нас. Те, кто не может сражаться.

Гертеймах посмотрел на меня, и в его глазах, глубоких и темных, мелькнула искра надежды, как проблеск света в крошечной тьме.

— Ты тоже боишься? — спросил он, и в его голосе появилась детская, трогательная любознательность.

— Каждый день, — честно ответил я, чувствуя, как правда обжигает горло. — Но я все равно иду. Потому что нет другого выбора.

Он кивнул, и я увидел, как его плечи, сгорбленные под тяжестью видений, медленно расправляются, как в его хрупком теле рождается новая, тихая решимость.

— Я пойду с вами, — сказал он, и голос его стал тверже. — Я сделаю то, что должен. Что бы ни случилось.

Альшер улыбнулся, и в его глазах, добрых и ясных, блеснули слезы.

— Ты станешь великим, — сказал он, и голос его дрогнул от гордости. — Я знаю это. Боги не ошибаются.

Мы покинули башню через час, взяв с собой Гертеймаха. Он шел рядом со мной, его глаза, настороженные и пытливые, смотрели вперед, и я чувствовал, как в его хрупкой, почти прозрачной фигуре скрывается сила, которую он сам еще не до конца осознавал.

— Куда теперь? — спросил он, оглядываясь на уходящую башню.

— Мы идем за следующим, — ответил Глеотхайн, и его голос был тверд. — В Вавилт, в сердце Святой Империи. Там ждет та, кто видит судьбы.

Я смотрел на запад, где солнце, кроваво-красное, опускалось за горизонт, окрашивая небо в золотисто-багряные, прощальные тона. Впереди ждал новый путь, новые испытания. И я знал, что мы готовы встретить их, какие бы они ни были.

Ночью мы остановились в небольшой деревне на самой границе с Дальхоком. Гостиница была простой, почти бедной, но это было лучше, чем снова спать в тряской карете. Я вышел на улицу, чтобы подышать свежим, чистым воздухом, и увидел Глеотхайна. Он стоял у старого, корявого дуба, его фигура, сгорбленная и древняя, казалась такой же старой, как само небо, усеянное звездами.

— Ты не спишь, — сказал я, подходя ближе. Мои шаги хрустели по сухой листве.

— Я редко сплю, — ответил он, не оборачиваясь. — Старость лишает тебя сна. Оставляет только воспоминания и сожаления.

— Или совесть.

Он повернулся ко мне, и в его единственном глазу, глубоком и темном, мелькнула странная, почти испуганная искра.

— Ты думаешь, что у меня есть тайны, Халлас.

— Я знаю, что у тебя есть тайны, — ответил я, глядя ему прямо в глаза. — Ты не говоришь нам всего. Ты что-то скрываешь. Я чувствую это. Мы все чувствуем.

Глеотхайн долго молчал, глядя на звезды, мерцающие в бесконечной глубине неба. Потом он вздохнул, и этот вздох был похож на стон старого, больного дуба, у которого сгнили корни.

— Ты прав, — сказал он, и голос его был тих. — Я скрываю многое. Но я делаю это не потому, что хочу вам навредить, Халлас. Я делаю это потому, что знание может быть опасным. Иногда незнание — это единственная защита. Единственный щит от той правды, что может раздавить нас всех.

— Я всегда выбираю знание, — сказал я, и в моем голосе была твердость, которой я сам не ожидал. — Даже если оно может меня убить. Или изменить меня.

Он посмотрел на меня долгим, изучающим взглядом, и я увидел в нем что-то, чего не видел раньше. Глубокое, усталое уважение.

— Ты изменился, Халлас, — сказал он. — Ты уже не тот вор, который украл свиток в храме. Ты не тот, кто бежит от своей тени.

— Я не вор, — ответил я, чувствуя, как слова сами срываются с губ. — Я просто человек, который пытается выжить.

— Ты больше, чем просто человек, — сказал он, и в его голосе зазвучала странная, древняя нотка. — Ты — ключ. Ты открываешь двери для других. Ты — тот, кто ведет их к свету.

Я не знал, что ответить. Его слова осели в моей душе, как семена, брошенные в сухую, каменистую землю. Им нужно было время, чтобы прорасти.

— Иди спать, Халлас, — сказал он, отворачиваясь к звездам. — Завтра будет тяжелый день.

Я кивнул и пошел обратно в гостиницу, оставляя архимага одного со звездами и тайнами, которые он носил в своей старой, усталой душе. Ветер шумел в ветвях дуба, и мне казалось, что он шепчет мне что-то важное, но слова уносились в ночь, оставаясь неразгаданными.

Глава 4: Сны о сапфирах и когти старого кота

Вавилът — приграничный город Святой Империи Дальхок — показался на горизонте на третий день пути. Он лежал в долине, окруженный невысокими, но крутыми холмами, и издалека напоминал белоснежную жемчужину, оброненную в траву. Город был обнесен стеной из светлого, почти белого камня, и над ней возвышались многочисленные храмы с колоннами, арками и куполами, покрытыми позолотой, которая тускло мерцала в свете утреннего солнца.

Когда мы приблизились, я почувствовал, как что-то изменилось в воздухе. Он стал суше, чище, словно вымытый утренним дождем. И тише. Даже птицы здесь пели иначе — не переливчато и громко, как в лесах Армана, а сдержанно, почти робко, словно боялись нарушить тишину.

— Здесь все иначе, — заметил Хелвард, и в его голосе слышалось напряжение. — Я чувствую это. Сама магия здесь другая.

— Это земля Святой Империи, — ответил Глеотхайн. — Здесь боги говорят громче. Здесь их воля — закон.

Ворота Вавильта были открыты, но у входа стояла стража — не обычные солдаты, а жрецы в белых одеяниях с золотой вышивкой. Они не носили оружия, только длинные посохи из светлого дерева, увенчанные символами пяти богов. Но в их глазах была та особая, спокойная уверенность, которая бывает у людей, знающих, что за ними стоит сила, с которой мало кто осмелится спорить.

Один из них, высокий старик с длинной седой бородой, поднял руку, приказывая нам остановиться.

— Именем Святой Ашеры, — сказал он, и его голос был ровным, но в нем чувствовалась власть. — Назовите себя и цель вашего визита.

— Архимаг Глеотхайн, — ответил Глеотхайн, выступая вперед. — Мы идем с миром. Ищем ту, что носит знак Салихат.

Старик посмотрел на него долгим, изучающим взглядом, затем перевел взгляд на нас — на Хелварда в маске, на Розу с клинками на поясе, на Рикуса, возвышающегося над всеми, как башня, на Гертеймаха, который смотрел на храмы широко раскрытыми глазами, и на меня. Его взгляд задержался на моих перчатках из альдера, на клыках, которые я не мог скрыть, и я увидел, как в его глазах мелькнула тень — не презрение, нет, а скорее настороженность.

— С миром, говоришь, — повторил он, и в его голосе послышалось сомнение. — Именем Святой, входите. Но помните: Вавилът — город чистоты. Здесь не место для скверны.

Он сделал знак рукой, и стража расступилась.

Мы вошли в город, и я сразу почувствовал, как изменилась атмосфера. Улицы были вымощены светлым камнем, настолько чистым, что он отражал небо, и по ним было почти больно смотреть. Дома стояли ровными рядами, одинаковые, как солдаты на плацу — белые стены, черепичные крыши, небольшие окна с деревянными ставнями. На каждом доме висел символ одного из богов, и я заметил, что чаще всего встречаются знаки Лильет и Хитхел — свеча и колос.

Люди на улицах были одеты просто, но опрятно: длинные туники из льна, сандалии на босу ногу, волосы у женщин покрыты платками. Они не смотрели на нас с открытой враждебностью, но и не приветствовали. Они просто смотрели — молча, внимательно, оценивающе. Я чувствовал их взгляды на своей спине, как сотни маленьких иголок.

На углу одной из улиц мы увидели процессию. Жрецы в белых одеяниях несли статую Лильет — женщину с закрытыми глазами и свечой в руке. Перед ними шли дети, разбрасывающие лепестки белых цветов, и пели гимн — тихий, тягучий, на древнем языке, который я не понимал, но который заставлял волосы на руках вставать дыбом. Люди на улице падали

на колени, когда процессия проходила мимо, и склоняли головы. Я заметил, что некоторые из них шептали молитвы, раскачиваясь из стороны в сторону, и их глаза были закрыты, а лица — бледны, как у людей, которые забыли, что такое смех.

— Они молятся так, будто просят о помощи, — тихо сказала Роза, и в ее голосе было что-то похожее на жалость. — Или боятся.

— Они боятся, — ответил Глеотхайн, и его голос был мрачен. — Здесь вера — не утешение. Это долг. Каждый день они должны доказывать свою преданность, иначе их постигнет кара. Так учит Дарин Магерш.

Мы прошли мимо рынка — небольшого, тихого, без той шумной суеты, что царила на рынках Амерты. Торговцы стояли у своих прилавков молча, и их товары — овощи, фрукты, простая утварь — были разложены аккуратными рядами. Никто не кричал, не зазывал покупателей. Покупатели подходили, молча выбирали, молча платили и уходили. Я видел, как женщина в простом платье долго пересчитывала медные монеты, прежде чем отдать их за пучок зелени, и на ее лице была не жадность, а страх — страх ошибиться, потратить лишнее.

— Здесь все считают каждую монету, — сказал я, и мой голос прозвучал громче, чем я хотел. Несколько человек обернулись на меня, и я увидел в их глазах не любопытство, а осуждение. Я замолчал.

Мы остановились на постоялом дворе — единственном в городе, как сказал Глеотхайн. Это было простое, но чистое здание с белыми стенами и небольшим внутренним двором, где росли кусты белых роз. Хозяйка — худая женщина с усталым лицом и покрытой платком головой — встретила нас молча, проводила в комнаты и удалилась, не сказав ни слова. Я заметил, что она старалась не смотреть на Рикуса, на его огромную фигуру, и на меня, на мои кlyчки и перчатки. Она просто отвела взгляд и ушла.

Вечером я вышел на улицу, чтобы подышать свежим воздухом. Город засыпал рано — окна гасли одно за другим, и вскоре улицы погрузились в темноту, нарушаемую лишь редкими фонарями у храмов. Я шел по пустым улицам, чувствуя, как тишина давит на плечи, как что-то тяжелое, невидимое. Даже мои шаги, обычно бесшумные, здесь казались оглушительно громкими.

Я завернул за угол и увидел небольшую площадь, в центре которой стоял фонтан. Вода в нем была темной, как чернила, и не двигалась — ни ряби, ни брызг. А у фонтана стояла девушка. Я узнал ее сразу — Сириль. Она была одна, и в слабом свете далекого фонаря ее лицо казалось почти прозрачным. Она смотрела на воду, и в ее глазах было что-то, что я не мог прочесть — не страх, не печаль, а что-то более глубокое, более древнее.

Я хотел подойти, но что-то остановило меня. Я просто стоял и смотрел, как она медленно подняла руку и провела пальцами по поверхности воды. И в тот момент я увидел, как по ее запястью пробежал слабый, серебристый свет — тонкая паутина, которая пульсировала, как живая.

Она почувствовала мой взгляд и обернулась. Наши глаза встретились, и я увидел, как в ее взгляде мелькнуло что-то похожее на узнавание. Она не испугалась, не отвела глаз. Просто смотрела — и в этом взгляде было столько всего, что я не мог понять, что именно.

А потом она улыбнулась. Едва заметно, уголками губ. И ушла, растворилась в темноте, как будто ее никогда и не было.

Я стоял еще долго, глядя на темную воду, и думал о том, что этот город — Вавилт — был не просто приграничным поселением. Это был мир, в котором я никогда не смогу жить. Мир, где вера была не утешением, а долгом, где каждый шаг, каждое слово, каждый вздох были подчинены правилам, которые я не мог понять.

И я знал, что нам нужно уходить отсюда как можно скорее.

Глава 5: Два клинка и одна честь

Поместье Парье находилось в восточной части Амерты, где каменные, серые стены города постепенно переходили в мягкие, холмистые предместья, покрытые густыми, вековыми дубовыми рощами. Это была не крепость и не дворец — скорее укрепленная усадьба, которая служила домом для одной из самых древних и влиятельных семей в королевстве, семьями-столпами, на которых держалась вся аграрная мощь Армана.

Земли Парье кормили столицу. Их бескрайние поля, золотящиеся под осенним солнцем, простирались до самого горизонта, а огромные, каменные амбары ломились от зерна, которое шло на столы и знати, и простолюдинов. Сальет Парье, глава рода, был грузным, добродушным зверолодом-медведем с густой, рыжеватой шерстью и ясными, добрыми глазами, в которых всегда плясали озорные искорки. Его жена, Вильет, была статной, мускулистой медведицей, которая носила кольчугу и боевой топор так же естественно, как другие женщины носили шелковые платья.

Мы въехали во внутренний двор поместья, вымощенный крупным, серым булыжником, и нас встретили не чопорные слуги, а сама семья во главе с Сальетом, который стоял в центре, широко улыбаясь, с распростертыми объятиями.

— Архимаг Глеотхайн! — прогремел Сальет, и его голос, глубокий и мощный, разнесся по всему двору. — Какой сюрприз! Вы почтили наш скромный дом своим присутствием! Мы и не надеялись увидеть вас так скоро!

— Сальет, — Глеотхайн слегка поклонился, и в его поклоне чувствовалась усталая, древняя вежливость. — Ты, как всегда, преувеличиваешь. Твой дом — не скромный. Он один из самых важных во всем королевстве.

— О, ты умеешь говорить, старый друг, — рассмеялся Сальет, и его смех был подобен раскатам далекого грома, сотрясающим воздух. — Проходите, проходите! Мы приготовили угощение! И, надеюсь, вы не против поговорить о делах?

Глеотхайн кивнул, и мы двинулись за ним в главный зал — просторный, светлый, домашнему уютный, с высокими деревянными балками на потолке и огромным камином, в котором весело потрескивал огонь. На стенах висели трофеи: рога оленей, старые, заржавевшие мечи и щиты предков, а на полу лежали толстые, домотканые ковры, приглушающие шаги. Из кухни, расположенной где-то в глубине дома, доносился умопомрачительный аромат жареного мяса, свежего хлеба и трав.

Сальма Парье, старшая дочь, подошла к нам с тяжелым, деревянным подносом, на котором стояли глиняные кубки с душистым медовым напитком. Она была точной копией отца: огненно-рыжая, с густой, блестящей шерстью и зелеными, озорными глазами, которые с любопытством разглядывали каждого из нас.

— Вы те самые герои, которые уничтожили «Черный павлин»? — спросила она, чуть наклонив голову и окидывая нас внимательным взглядом. — Вы выглядите не так впечатляюще, как я себе представляла. Ну, кроме этого великана.

Рикус усмехнулся, и его огромные усы дрогнули в улыбке.

— Я запомню твои слова, рыжая, — сказал он, и в его голосе появилась та редкая, теплая нотка, которую я слышал у него очень редко.

— Рыжая? Я — Сальма! — возмутилась девушка, но в ее глазах уже заплясали веселые искорки.

— Я запомню, — повторил Рикус, и в этом обещании звучала странная, почти отеческая нежность.

Мы сели за длинный, массивный дубовый стол, и начался неспешный, обстоятельный разговор. Глеотхайн обсуждал с Сальетом политику — налоги, поставки зерна, отношения с

королем и его советниками. Вильет, более серьезная и практичная, говорила о защите границ и о том, как демоны с севера становятся все более дерзкими, все чаще совершая вылазки в приграничные земли. Я слушал вполуха, рассматривая людей, сидящих за столом, и отмечая каждую деталь.

Тельма Парье стояла у высокого, стрельчатого окна, скрестив руки на груди. Она была серьезной, собранной, с холодными серыми глазами, которые, казалось, видели мир насквозь и не доверяли ничему. На ее левом плече, чуть выше ключицы, виднелся волчий клык — знак Стальгмира, который проявился после той битвы, где она спасла свой отряд ценой собственной крови, когда ее клинок сломался, и она дралась голыми руками.

Она была героем. Я чувствовал это каждой клеткой своего существа. Но она не смотрела на меня с восхищением или хотя бы любопытством. Она смотрела на меня с вызовом, как на врага, которого нужно оценить.

— Ты — Халлас, — сказала она, подходя ближе. Ее голос был низким и ровным, как звук натянутой струны. — Тот самый вор, который стал героем. Которого сам архимаг взял под свое крыло.

— Я просто человек, который пытается выжить, — ответил я, чувствуя, как ее ледяной взгляд проникает сквозь мою маску безразличия.

— Ты не выглядишь как герой, — сказала она, и в ее голосе появилась странная, почти хищная интонация. — Ты слишком... гибкий. Слишком быстрый. Ты двигаешься, как вор.

— Я и не герой, — ответил я, встречая ее взгляд. — Я просто открываю двери. Остальные проходят через них.

— Тебе нужны герои, — сказала она, и это был не вопрос, а утверждение. — Ты пришел за мной?

— Да, — честно ответил я, не отводя глаз. — Ты — избранная. Ты носишь знак Стальгмира. Ты нужна нам.

Она усмехнулась, и в этой усмешке было что-то холодное, почти презрительное.

— Я не верю в пророчества, — сказала она, и ее голос стал жестче. — Я верю в то, что могу видеть своими глазами. А я вижу, что ты — вор. И я не знаю, можно ли тебе доверять. Даже если архимаг стоит за твоей спиной.

— Ты можешь проверить меня, — сказал я, и в моем голосе зазвенела сталь, которой я сам не ожидал. — Я не боюсь проверки. Я всегда был готов ко всему.

Она смотрела на меня долго, изучающе, как охотник, оценивающий добычу. Затем, не сказав ни слова, повернулась и ушла к окну, давая понять, что разговор окончен.

Мы не успели продолжить — в этот момент в зал вошла Роза.

Она была спокойна, собрана, как всегда, но в ее глазах горел холодный, ледяной огонь, который я видел только перед боем. Она смотрела на Тельму, и я чувствовал, как между ними возникает напряжение, почти осязаемое, как статическое электричество перед грозой.

— Ты — Тельма Парье? — спросила Роза, и ее голос звучал ровно, но в нем чувствовалась сталь.

— Да, — ответила Тельма, и ее голос был таким же холодным. — А ты кто?

— Роза Фалеке. Воин архимага.

Тельма окинула ее взглядом — оценивающим, холодным, почти презрительным. Она смотрела на ее тонкие руки, на ее изящные, почти эльфийские черты.

— Ты выглядишь как та, кто не умеет драться по-настоящему, — сказала она, и в ее голосе звучала насмешка. — Слишком худая. Слишком изящная. Ты, наверное, думаешь, что техника заменит тебе силу?

— А ты выглядишь как та, кто слишком много говорит, — ответила Роза, и в ее голосе зазвенела сталь. — Вместо того чтобы доказывать свою правоту делом.

Тишина повисла в зале, такая плотная, что можно было разрезать ножом. Сальет перестал говорить и повернулся к дочери, его добродушное лицо стало серьезным.

— Тельма, — сказал он, и в его голосе послышалось предупреждение, как рык старого медведя. — Не начинай. Это не место для подобных разговоров.

— Я не начинаю, — ответила Тельма, не сводя глаз с Розы. — Я просто хочу проверить, на что способна та, кто называет себя воином.

Роза замерла. Ее лицо, обычно спокойное и бесстрастное, стало белым, как мел, и я увидел, как ее пальцы сжались на рукояти клинка с такой силой, что побелели суставы.

— Полукровка, — тихо повторила она, и в этом слове было столько ледяной ярости, что даже я почувствовал холод. — Ты хочешь проверить, на что я способна?

— Да, — ответила Тельма, и в ее голосе была насмешка, острая, как лезвие. — Ты, наверное, думаешь, что ты особенная. Что ты лучше всех, потому что у тебя есть эльфийские уши и острый язычок. Но я вижу тебя насквозь, Роза Фалеке. Ты — беглянка из рода Фольш, полукровка, которую не приняли ни эльфы, ни люди.

— Я не думаю, что я особенная, — ответила Роза, и ее голос стал ледяным, как арктический ветер. — Я знаю, что я сильная. И я готова доказать это в любой момент.

— Тельма! — рявкнул Сальет, поднимаясь из-за стола. — Прекрати немедленно!

— Нет, — ответила Тельма, и в ее голосе была непоколебимая решимость. — Я хочу увидеть, на что способна та, кто называет себя воином. Она боится честного боя?

— Я не боюсь, — ответила Роза, и в ее глазах зажглось пламя. — Я принимаю твой вызов, Тельма Парье. Здесь и сейчас.

Сальет встал из-за стола, и его лицо покраснело от гнева, глаза сверкнули.

— Вы не будете драться в моем доме! — рявкнул он так, что стекла в окнах задрожали. — Это не место для бессмысленных дуэлей!

— Мы будем драться во дворе, — сказала Тельма, и ее голос был холоден и тверд. — Это будет честный бой, без магии и без грязи. Я хочу увидеть ее технику. Ее мастерство. И я хочу знать, достойна ли она называться воином.

— Хватит! — рявкнул Сальет, топнув ногой так, что пол загудел. — Это глупость! Ты ведешь себя как ребенок!

— Пусть дерутся, — сказал вдруг Глеотхайн. Его голос, тихий и ровный, перекрыл шум и гнев Сальета. — Мы все равно хотим увидеть, на что способна твоя дочь. И заодно — моя ученица. Это будет полезно для всех нас.

Сальет посмотрел на архимага, и его лицо исказилось от смешанных чувств.

— Ты хочешь, чтобы они дрались, Глеотхайн?

— Я хочу увидеть их мастерство, — ответил Глеотхайн, и его голос был спокоен, как вода в глубоком колодце. — И если они хотят что-то доказать друг другу, пусть сделают это честно. С мечом в руке.

Тишина повисла в зале, тяжелая и звенящая. Затем Сальет тяжело вздохнул, и его плечи опустились.

— Хорошо, — сказал он, и в его голосе звучала усталая покорность судьбе. — Без смертельных ударов. Это бой на честь. Без магии, без подлости.

Они вышли во двор, и я последовал за ними, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее от напряжения. Роза стояла напротив Тельмы, и ее лицо было бледным и спокойным, как у статуи. Тельма тоже была спокойна, но в ее серых глазах горел холодный, хищный огонь.

— Ты готова? — спросила Тельма, медленно вынимая меч из ножен.

— Всегда, — ответила Роза, обнажая свои клинки.

Они начали бой.

Тельма атаковала первой, как настоящий медведь. Ее меч, тяжелый и широкий, был быстр и смертоносен — она вкладывала в каждый удар всю свою мощь, стремясь подавить

противника превосходством силы. Роза уклонялась и парировала, но я видел, как она напряжена, как каждое движение дается ей с трудом.

Тельма нанесла сильный, рубящий удар, который должен был сбить Розу с ног. Но Роза отступила в сторону с грацией танцора и мгновенно контратаковала. Ее клинок сверкнул на солнце, как молния, и Тельма отшатнулась, едва избежав глубокой раны на плече.

Они кружили друг вокруг друга по утоптанной земле двора, поднимая облачка пыли. Тельма наносила мощные, сокрушительные удары, но Роза была быстрее, гибче. Она двигалась, как тень, как дикая кошка, и ее клинки мелькали в воздухе, оставляя серебряные, смертоносные следы.

Взрослые — Сальет, Вильет, Глеотхайн и остальные — стояли в стороне, но я заметил, что они не смотрели на бой. Они обсуждали что-то свое, будто ничего не происходило. Вильет говорила о поставках зерна в соседние провинции, Сальет жаловался на нелепые налоги и королевских чиновников. Они делали вид, что не видят дуэли, разворачивающейся в центре их собственного двора.

Слуги и младшие дети, которых было много, бегали по двору, играя в догонялки, кто-то смеялся, кто-то кричал. Никто не обращал внимания на бой, который мог закончиться кровью.

— Ты веришь, что она победит? — спросил меня Хелвард, стоящий рядом. Его голос был едва слышен.

— Я верю, что она сделает все, чтобы победить, — ответил я, не отрывая взгляда от схватки. — Это самое главное.

— Ты прав, — сказал Хелвард, и в его голосе послышалась странная, почти уважительная нотка. — В этом есть настоящая сила.

Тельма атаковала снова, с яростным рыком. Ее удар был мощным, почти смертельным, но Роза, словно предвидев его, ушла в сторону и нанесла ответный, стремительный удар. Ее клинок прошел в опасной близости от горла Тельмы, оставляя на коже тонкую, почти невидимую царапину, из которой выступила алая капля крови.

Тельма отступила на шаг, и в ее глазах мелькнуло удивление, смешанное с уважением.

— Ты хорошо дерешься, — сказала она, тяжело дыша. — Но я все равно сильнее.

— Сила — не самое главное в бою, — ответила Роза, и ее голос был ровен. — Главное — техника и умение читать противника.

Они снова схлестнулись, и на этот раз бой был еще яростнее. Тельма нанесла удар, который должен был сбить Розу с ног и прижать к земле, но Роза снова ушла в сторону, и ее клинки сверкнули в ответном движении. Удар был быстрым, точным, и Тельма, не успевшая среагировать, почувствовала, как лезвие коснулось ее запястья — достаточно сильно, чтобы выбить меч из ослабевших пальцев.

Она упала на одно колено. Ее меч вылетел из рук и со звоном упал на землю.

Роза стояла над ней, и ее клинок был направлен прямо на горло Тельмы. Ее дыхание было ровным, лицо спокойным.

— Ты проиграла, — сказала она, и в ее голосе не было ни торжества, ни злорадства. — Ты сильна, Тельма, но ты слишком агрессивна. Ты не думаешь, когда атакуешь. Ты просто бьешь.

Тельма подняла голову, и в ее глазах, обычно холодных и непроницаемых, появилось уважение.

— Ты права, — сказала она, и ее голос звучал хрипло. — Ты — настоящий воин, Роза Фалеке. Я признаю твою победу.

Роза убрала клинок, и ее движение было плавным, без единого лишнего жеста. Она протянула Тельме руку, и в этом жесте было больше красноречия, чем в любых словах.

— Ты тоже сильна, — сказала она. — Я хотела бы сразиться с тобой снова, когда ты отдохнешь и соберешься с силами. Это было честно.

Тельма улыбнулась, и в этой улыбке, впервые за все время, не было вызова. Только искренность.

— Я бы хотела этого, Роза. Настоящий бой. Без обид.

Они пожали руки — крепко, как два воина, признающие друг друга. Сальет хлопнул в ладоши, и я услышал, как он сказал Вильет, улыбаясь в бороду:

— Видишь? Моя дочь — лучший воин в королевстве. Даже когда проигрывает, она остается королевой.

— Она проиграла, потому что недооценила противника, — ответила Вильет, но в ее голосе звучала гордость. — Она научится из этого урока.

— Я тоже так думаю, — кивнул Сальет, и в его глазах заплясали озорные искорки.

Я посмотрел на Розу. Она стояла в центре двора, и ее лицо было спокойным, но я видел, как ее грудь вздымается от быстрого, тяжелого дыхания. Она была уставшей, но в ее глазах светилась тихая, глубокая радость.

— Ты хорошо дралась, — сказал я, подходя к ней.

— Я всегда хорошо дерусь, — ответила она, и в ее голосе, несмотря на усталость, слышалась улыбка.

Я улыбнулся в ответ и обнял ее за плечи, чувствуя, как ее тело дрожит от напряжения, проходящего через нее волнами.

— Ты — лучший воин, которого я знаю, — сказал я, и это была чистая правда.

— Ты — лучший друг, которого я знаю, — ответила она, и ее голос дрогнул от неожиданной, теплой нежности.

Мы стояли в центре двора, и я смотрел на закат, который окрашивал небо в багряные и золотые тона. Солнце медленно опускалось за горизонт, и я чувствовал, что мы не зря пришли сюда. Мы нашли не просто героя. Мы нашли воина.

— Теперь нам нужен еще один герой, — сказал я, обводя взглядом горизонт. — Еще один знак.

— Мы найдем его, — ответила Роза, и в ее голосе была уверенность. — Мы найдем всех. До последнего.

И я знал, что она права.

Глава 6: Гость, который пришел сам

Три дня мы провели в поместье Парье, и эти дни стали для нас чем-то вроде передышки — короткой, хрупкой остановки посреди бесконечного, изматывающего пути. Сальет оказался радушным, хлебосольным хозяином, который не позволял нам скучать ни минуты. Его добродушный, раскатистый смех сотрясал стены старого дома, а его рассказы о былых битвах и походах могли заворожить любого. Вильет, его жена, была мудрой и проницательной женщиной, которая, как мне казалось, видела нас насквозь, читая в наших душах, как в раскрытых книгах. Она редко говорила, но каждое ее слово было точным и весомым.

Тельма, после дуэли с Розой, заметно смягчилась. Она больше не смотрела на нас с ледяным вызовом, а скорее с любопытством, как на загадку, которую нужно было разгадать. Она часто подходила к Розе, чтобы обсудить техники боя, и между ними завязывалась та особая связь, которая бывает только у воинов, прошедших через испытание честью. Иногда я видел, как они вдвоем тренировались на рассвете, их клинки сверкали в утреннем тумане, а дыхание вырывалось облачками пара.

Но мы не могли оставаться долго. Тьма, о которой говорило пророчество, уже сгущалась на горизонте, и каждый потерянный день был на вес золота. Время работало против нас.

— Мы должны идти, — сказал Глеотхайн за завтраком на четвертый день. Его голос был ровным, но в нем слышалась та особая, тревожная нотка, которая появлялась, когда он принимал важное решение. — Следующий герой ждет нас в Гальтере, в северных рудниках.

— Кузнец, — кивнул Хелвард, отрывая взгляд от своей книги. — Гасмель. Гном, который работает в северных рудниках уже много лет. Говорят, он может выковать клинок, способный разрубить камень.

— Если он еще жив, — тихо добавила Роза, и в ее голосе послышалась тревога.

В комнате повисла тяжелая, давящая тишина. Мы все знали, что северные рудники Мермаста — это не место, где люди живут долго и счастливо. Рабский труд, холод, пронизывающий до костей, вечный голод, жестокие надзиратели и постоянная угроза демонических набегов. Гасмель мог быть мертв уже много лет — сгнил в сырой земле или был сожран теми тварями, что охраняли шахты.

— Мы должны попытаться, — сказал я, нарушая молчание. — Если он жив, мы найдем его. Если нет... мы найдем того, кто сможет занять его место. У нас нет права сдаваться, не попробовав.

Глеотхайн посмотрел на меня, и в его единственном глазу мелькнула искра одобрения — редкая, почти неуловимая.

— Ты прав, Халлас. Мы должны попытаться. Это наш долг.

Мы начали собираться, когда у ворот поместья раздался странный, нарастающий шум. Крик стражи, звон металла, топот копыт — все смешалось в тревожную, нестройную какофонию.

— Что там происходит? — спросил Сальет, поднимаясь из-за стола с тяжелым, медвежьим вздохом.

— Не знаю, господин, — ответил один из его людей, вбегая в зал. Его лицо было взволнованным. — Но там кто-то есть. Один. Он требует встречи с архимагом. Говорит, что дело срочное и не терпит отлагательств.

Глеотхайн поднялся, и его лицо стало серьезным, почти мрачным.

— Он назвал свое имя?

— Нет, господин. Но он сказал, что вы ждали его. Что он пришел по велению богов.

Мы переглянулись. Я чувствовал, как внутри меня закипает странное, смешанное с тревогой любопытство. Гости, приходящие по велению богов, никогда не приносят простых вестей.

— Я выйду к нему, — сказал Глеотхайн. — Оставайтесь здесь.

Он вышел из зала, но мы, не в силах сдержать любопытства, последовали за ним, толпясь у входа.

Во дворе, на фоне серого, хмурого неба, стоял мужчина. Он был высоким и худым, с темными, глубоко посаженными глазами, в которых отражалась бесконечная, вековая усталость. Его кожа была бледной, как у человека, который много лет не видел солнечного света, а одежда — простой и поношенной, но опрятной. На поясе у него висел меч — старый, но хорошо ухоженный, с рукоятью, украшенной древними, едва различимыми рунами, что мерцали тусклым серебряным светом.

Он смотрел на нас спокойно, без страха, и в его взгляде была та уверенность, которая бывает только у тех, кто знает свое предназначение.

— Ты — Халлас Черный Кот? — спросил он, и его голос, тихий и ровный, прозвучал в тишине двора, как звон далекого колокола.

— Да, — ответил я, чувствуя, как внутри меня все напрягается. — А ты кто?

— Меня зовут Алмерик, — сказал он, и в его голосе послышалась глубокая, древняя печаль. — Я жрец Хитхел, богини урожая и плодородия. И я пришел, потому что вы искали меня. Я чувствовал ваш зов, как чувствуют зов крови.

Тишина повисла в воздухе, такая плотная, что можно было услышать, как капает вода с крыши. Я смотрел на него, чувствуя, как внутри меня что-то щелкает, как замыкается невидимая цепь. Жрец Хитхел. Один из избранных. Тот, кто носит знак богини, дарующей жизнь и плодородие.

— Ты знал, что мы здесь? — спросил Глеотхайн, и его голос был напряженным, как натянутая струна.

— Я знал, что вы придете, — ответил Алмерик, и его голос был мягок, но тверд. — Хитхел показала мне это во сне, когда я молился в ее храме. Она сказала, что я должен идти на восток, в поместье Парье. Что там меня ждут те, кто нуждается в моей помощи. Те, кто собирает героев, чтобы противостоять тьме.

— И ты пришел, — сказал я, чувствуя, как в груди разливается странное, почти теплое чувство.

— Я пришел, — кивнул он. — Я не знаю, что именно вы хотите от меня. Я не воин, не маг, не стратег. Я всего лишь жрец, который умеет молиться и слушать голос своей богини. Но я готов служить. Так велит моя вера.

Он медленно опустился на одно колено и склонил голову, обнажая тонкую, бледную шею.

— Я буду следовать за вами, — сказал он, и в его голосе слышалась глубокая, непоколебимая преданность. — Я буду помогать вам, чем смогу. Молитвой, словом, а если понадобится — и мечом. Хитхел не оставляет своих детей.

Глеотхайн подошел к нему, и его лицо было серьезным, почти торжественным.

— Ты знаешь, что это не будет легким путем? — спросил он, и его голос звучал низко. — Ты знаешь, что нам придется идти на север, в самое сердце тьмы, которая ждет нас там?

— Я знаю, — ответил Алмерик, поднимая голову. В его темных глазах горел тот особый, внутренний свет, который бывает только у истинно верующих. — Я видел это во сне. Я видел тьму, которая приближается, черную и безжалостную. Но я также видел свет, который должен ее остановить. Свет, который зажгли вы.

— И ты веришь, что этот свет — мы? — спросил Хелвард, и в его голосе слышался скептицизм, смешанный с любопытством.

— Я верю, — ответил Алмерик, и его голос не дрогнул. — Хитхел не ошибается. Она никогда не ошибается. Если она привела меня к вам, значит, так должно быть.

Тишина снова повисла в воздухе. Я смотрел на этого человека, на его смирение и его внутреннюю силу, и чувствовал, как в моей душе зарождается глубокое, искреннее уважение. Он был не похож на воинов, которых я встречал. В нем не было агрессии, не было той холодной стали, что была в Розе или Тельме. Но была вера — чистая, как горный источник, и она делала его сильным.

— Встань, — сказал Глеотхайн, и его голос смягчился. — Мы принимаем твою помощь, Алмерик. Мы рады, что ты с нами.

Алмерик поднялся, и его взгляд встретился с моим. В его глазах было спокойствие, уверенность и та глубокая, древняя мудрость, которая не приходит с годами, а даруется свыше.

— Ты — Халлас, — сказал он, и в его голосе было утверждение, а не вопрос. — Тот, кто ведет нас. Кто открывает двери.

— Я просто человек, — ответил я, чувствуя неловкость под его пронизывающим взглядом.

— Нет, — сказал он, и в его голосе зазвучала твердость, которой я не ожидал. — Ты больше, чем просто человек. Ты — ключ. Ты открываешь двери для других, которые сами не могут их найти. Ты — тот, кто ведет нас к свету.

Я смотрел на него, и в его словах я слышал эхо того, что говорил Глеотхайн в ту ночь у дуба. Те же слова, та же уверенность.

— Мы должны идти дальше, — сказал я, чувствуя, как внутри меня, под слоями усталости и сомнений, зарождается новая, незнакомая сила. — Нам нужно найти остальных. Мы не можем останавливаться.

Алмерик кивнул, и в его жесте было столько уверенности, что я почувствовал, как мои собственные сомнения начинают рассеиваться, как туман под лучами утреннего солнца.

— Я готов идти с вами, — сказал он. — Куда бы вы ни направились.

Сальет хлопнул в ладоши, и его лицо, добродушное и румяное, сияло от радости, как у ребенка, получившего долгожданный подарок.

— Вот это я понимаю! — сказал он, и его голос прогремел по двору. — Герои собираются! Один за другим, как звезды на небе! Это будет великое приключение, достойное песен и легенд!

— Это будет опасное приключение, — поправила его Вильет, и в ее голосе слышалась та особая, материнская тревога, которую не скрыть ни за какой маской. — И я надеюсь, что все вы вернетесь живыми. Что бы ни случилось.

— Мы вернемся, — сказал я, и в моем голосе прозвучала уверенность, которой я сам не ожидал. — Мы вернемся все. Я обещаю это.

Но внутри меня, глубоко в душе, шевелилось сомнение. Я не знал, что ждет нас впереди. Я не знал, сможем ли мы справиться с той тьмой, что надвигалась с севера, с той древней, безжалостной силой, что уже поднималась из глубин времен. Но я знал, что мы должны попытаться. Мы должны спасти этот мир.

Мы покинули поместье Парье на следующее утро, когда солнце только начинало подниматься над горизонтом, окрашивая небо в нежные, розовые тона. Алмерик шел рядом со мной, и его присутствие, тихое и спокойное, дарило мне странное, почти забытое чувство умиротворения.

— Ты не боишься смерти? — спросил я его, когда мы выехали на дорогу, выходящую через золотые осенние поля.

— Боюсь, — честно ответил он, и в его голосе не было ни капли притворства. — Я боюсь боли, боюсь неизвестности, боюсь того, что останется после меня. Но я знаю, что Хитхел ведет

меня. И я знаю, что моя смерть, если она наступит, будет иметь смысл. Она будет частью великого замысла.

— А если не будет? Если ты умрешь просто так, случайно, в грязи и крови, и никто не вспомнит твоего имени?

Он улыбнулся, и в этой улыбке была та тихая, глубокая мудрость, которая приходит только к тем, кто прошел через многие испытания.

— Тогда я умру, веря, что она была правильной, — сказал он. — Иногда вера важнее самой правды, Халлас. Иногда она — единственное, что у нас остается.

Я смотрел на него, и я чувствовал, как его слова оседают в моей душе, как зерна, брошенные в плодородную почву. Может быть, он был прав. Может быть, иногда вера действительно важнее холодного, циничного знания.

Мы ехали на север, к новым приключениям, к новым героям, к новой тьме. Я смотрел вперед, на дорогу, уходящую за горизонт, и я знал, что мы не остановимся. Мы продолжим. До самого конца.

Когда мы добрались до развилки, где старая, пыльная дорога разделялась на восток и запад, Глеотхайн остановил карету и вышел наружу. Он стоял у обочины, глядя на два пути, и его лицо было задумчивым и серьезным.

— Мы должны разделиться, — сказал он, когда мы собрались вокруг него. — Халлас, Хелвард, Роза и Алмерик поедут на север, к рудникам Мермаста, чтобы найти Гасмеля. Я, Рикус и Гертеймах отправимся на запад, в Вавильт, к храму Хитхел, чтобы найти Сириль.

— Почему мы должны разделиться? — спросил Хелвард, и в его голосе слышалась тревога. — Это опасно. Мы не знаем, что ждет нас на каждом из этих путей.

— Это необходимо, — ответил Глеотхайн, и его голос был тверд. — Время уходит, и утекает, как песок сквозь пальцы. Мы должны найти всех героев как можно быстрее, пока тьма не набрала полную силу. И если мы будем действовать по отдельности, мы сможем покрыть больше территории и сэкономить драгоценные дни.

— Я не хочу оставлять тебя, — сказал я, чувствуя, как внутри меня закипает тревога, смешанная со странной, ледяной пустотой.

— Ты не оставляешь меня, — ответил Глеотхайн, и в его голосе послышалась мягкость, которой я не слышал раньше. — Ты идешь выполнять свою миссию. Я буду с вами в мыслях, в молитвах и в клятве, что связывает нас. И если все пойдет по плану, мы встретимся в Амерте через две недели.

Он протянул руку и положил ее на мое плечо. Его пальцы, сухие и холодные, дрожали едва заметно.

— Будь осторожен, Халлас. И помни — ты — ключ. Ты открываешь двери для других. Не забывай об этом. Что бы ни случилось.

Я кивнул, чувствуя, как его слова оседают в моей душе, как тяжелые камни на дне темного колодца.

— Я буду осторожен, — сказал я. — Я обещаю.

Мы разделились. Я смотрел, как карета Глеотхайна, медленно покачиваясь, уезжает на запад, исчезая в клубах дорожной пыли, и чувствовал, как в моей душе зарождается странная, тянущая пустота.

— Он будет в порядке, — сказала Роза, кладя руку на мое плечо. Ее пальцы были теплыми. — Он всегда в порядке.

— Я знаю, — ответил я. — Но я все равно волнуюсь. Это как будто часть меня уезжает вместе с ним.

Мы повернули на север, к рудникам, к новым приключениям, к новой тьме. Я смотрел вперед, и я знал, что мы не остановимся.

Мы продолжим. До самого конца.

Глава 7: Огонь с небес и цепи рабства

Северные рудники Мермаста встретили нас серым, безрадостным небом, которое давило на землю своей бесконечной тяжестью, и холодным, пронизывающим ветром, который пробирался под одежду и проникал в самые кости. Здесь, на самой границе с землями Королевы Демонов, даже воздух казался враждебным, пропитанным древней злобой и страданием. Мы оставили лошадей в ближайшем, изуродованном бурями лесу, привязав их к корявым, обожженным молниями деревьям, и двинулись дальше пешком, стараясь ступать бесшумно и не привлекать внимания.

Поселение рабов раскинулось у подножия черных, отвесных скал, как гнойник на теле земли. Жалкие, покосившиеся деревянные бараки, окруженные высоким частоколом с заостренными, окровавленными кольями, стояли тесной кучей. Над ними, как черный палец, указующий в небо, возвышалась шахта — темная, зияющая дыра в скале, из которой доносился глухой, монотонный стук кирок и звон тяжелых, железных цепей. В воздухе, смешиваясь с ледяным ветром, стоял запах угля, пота, старой крови и отчаяния, которое не выветривалось веками.

— Здесь, — прошептал Хелвард, вглядываясь в поселение сквозь щели в ржавом заборе. Его голос был тих и напряжен. — Гасмель должен быть здесь. Но где именно?

— Я вижу его, — сказал я, и мои звериные глаза, привыкшие к темноте, различили фигуру в центре поселения. — Он висит на столбе. В цепях. Они выставили его на всеобщее обозрение.

Роза стиснула зубы, и я услышал, как ее пальцы сжались на рукояти клинка с такой силой, что побелели суставы.

— Как предупреждение, — сказала она, и в ее голосе зазвенела сталь. — Чтобы другие даже не думали о побеге.

— Это наказание за попытку бежать, — сказал Алмерик, и в его голосе, обычно таком спокойном, появилась глубокая, скорбная нота. — Я видел такое раньше. Гномы — упрямый народ. Они не сдаются, даже когда их ломают. И за это их наказывают особенно жестоко.

— Тогда мы сделаем то, что должны, — сказал я, и мой голос стал тверже, чем я ожидал. — Мы вытащим его оттуда. Чего бы это ни стоило.

Мы начали пробираться к поселению, прячась за камнями и редкими, чахлыми кустами, когда с неба донесся странный, нарастающий звук. Глухой, низкий, вибрирующий, как раскат далекого грома. Я поднял голову, и у меня перехватило дыхание.

Из-за туч, черных и тяжелых, как свинец, спустился дракон.

Он был огромен — его широкие, перепончатые крылья заслоняли собой полнеба, а чешуя, багряная и золотая, переливалась в свете угасающего солнца, словно драгоценные камни. Он летел низко, почти касаясь крыльями вершущек скал, и его глаза, огромные, горящие красным, как раскаленные угли, смотрели на землю с хищным, жестоким любопытством.

— Он идет сюда, — прошептала Роза, и в ее голосе слышалась паника, смешанная с изумлением. Она пригнулась к земле, вжимаясь в холодный, влажный мох.

Дракон пролетел над поселением, и я услышал, как внизу началась суматоха. Крики, топот ног, звон цепей, лязг оружия. Надзиратели, люди в черных, промасленных плащах, пытались загнать рабов обратно в бараки, но было уже поздно. Паника охватила всех.

— Мне стало скучно! — прогремел голос дракона, разносясь над горами, как раскат грома. Он звучал странно — в нем слышалась почти детская радость, пугающая в своей беззаботности. — Я так давно не играл! Эти маленькие людишки такие смешные, когда бегают!

Он раскрыл огромную пасть, усеянную рядами острых, как кинжалы, зубов, и из нее вырвался поток ослепительного, обжигающего пламени.

Огонь обрушился на поселок, как апокалиптический ливень. Бараки вспыхнули мгновенно, как спички, превращаясь в пылающие факелы. Рабы кричали, пытались спастись, но огонь был повсюду, пожирая все на своем пути. Шахта задымилась, и из ее темной глубины вырвались густые, черные столбы дыма, застилая небо и превращая день в сумерки.

— Что он делает? — закричал Хелвард, пригибаясь от невыносимого жара. — Он сжигает все! И рабов, и надзирателей, и сами рудники!

— Он играет, — ответил я, чувствуя, как в груди закипает холодная, бессильная ярость. — Он просто развлекается, как ребенок, сжигающий муравейник.

Дракон пролетел прямо над нами, и его огромная тень накрыла нас, как могильная плита. Я увидел его глаза — красные, горящие, полные дикого, нечеловеческого веселья. Он смеялся, и его смех был похож на грохот камнепада, сотрясающий сами скалы.

— Маленькие людишки! — закричал он, и его голос звенел от удовольствия. — Вы такие забавные! Пытаетесь убежать, а я вас сожгу! Смотрите, как вы горите!

Я смотрел на горящий поселок, на кричащих людей, на стены, превращающиеся в пепел, и чувствовал, как внутри меня поднимается волна ледяной, всепоглощающей ярости. Мы не могли позволить этому чудовищу убить всех. Мы должны были остановить его.

Но в этот момент из-за дальних, зубчатых гор появился второй дракон.

Он был крупнее первого, массивнее, с чешуей, отливающей глубоким, вороненым черным и синим, как ночное небо. Его глаза горели холодным золотом, и в его полете было величие, которого не было у первого — величие древней, мудрой силы.

— Каэль! — прогремел его голос, разносясь над горами, и он был подобен льду, разбивающемуся о скалы. — Остановись сейчас же!

Первый дракон, Каэль, обернулся на лету, и в его глазах мелькнуло удивление, смешанное с досадой.

— Факлат? Что ты здесь делаешь? Это моя охота!

— Я наблюдаю за тобой, Каэль, — ответил второй, и в его голосе звучал ледяной, сдерживаемый гнев. — Ты нарушаешь древний договор. Ты не имеешь права вмешиваться в дела смертных. Это не твоя территория.

— Я развлекаюсь! — огрызнулся Каэль, и в его голосе послышалась капризная нотка. — Они такие забавные! Они бегают, кричат, горят! Это весело! Я не видел такого веселья уже сто лет!

— Это жестоко, — ответил Факлат, и в его голосе зазвенела сталь. — Ты забываешь, кто мы такие, Каэль. Мы не боги. Мы не должны играть с жизнями смертных, как с игрушками. Это не наш мир.

— Ты слишком серьезен, как всегда, — усмехнулся Каэль, и в его смехе слышалось презрение. — Ты всегда был таким, Факлат. Но ты не остановишь меня.

Он снова раскрыл пасть, готовясь выпустить новый поток огня на догорающий поселок. Но Факлат был быстрее. Он ринулся вперед, и его массивные когти вцепились в крыло Каэля, разрывая перепонку.

— Я сказал: остановись! — рявкнул Факлат, и его голос прогремел над горами.

Драконы сцепились в воздухе, и их битва была страшной и величественной. Когти рвали чешую, оставляя глубокие борозды, пламя вырывалось из пастей, озаряя небо алым и золотым, и от их тяжелых ударов содрогались скалы, и вниз летели обломки камней.

Мы смотрели на это зрелище, затаив дыхание, и я чувствовал, как внутри меня, среди ужаса и восхищения, зарождается странное, почти священное чувство. Это был момент, когда два мира столкнулись — мир смертных и мир драконов, мир, который мы знали, и мир, о котором мы даже не подозревали.

— Мы должны использовать этот шанс, — сказал я, когда оглушительный рев драконов на мгновение стих. — Пока они заняты друг другом, мы должны вытащить гнома.

— Веди нас, — сказал Хелвард, и в его голосе слышалась стальная решимость.

Я рванул к поселку, не оглядываясь. Горели дома, кричали люди, падали горящие балки, но мы бежали к центру, к черному столбу, где висел Гасмель.

Он был прикован к столбу тяжелыми, ржавыми цепями, вделанными в камень. Его руки были заведены за спину и скованы вместе, голова опущена, седая, грязная борода касалась груди. Одежда превратилась в грязные, изодранные лохмотья, под которыми виднелись старые, зажившие шрамы и свежие, кровоточащие раны. Но я видел, что он жив — его грудь медленно вздымалась, и из горла вырывался хриплый, едва слышный стон. А на его правой руке, на ладони, сквозь грязь и кровь, пульсировал яркий, золотой свет, как маленькое солнце, запертое в темнице.

— Это знак, — прошептал Алмерик, и в его голосе слышалось благоговение. — Знак Дрихмаля, бога кузнецов и мастеров. Он избранный. Истинный избранный.

— Снимите с него цепи! — крикнул я, бросаясь к столбу.

Роза подбежала первой, и ее клинки сверкнули в полусвете. Она ударила по ржавым цепям с такой силой, что искры разлетелись во все стороны, и цепи разлетелись на куски, как сухие ветки. Гасмель, лишившись опоры, рухнул вниз, но я подхватил его, чувствуя, как его истощенное, дрожащее тело бьет крупная дрожь.

— Я... я не могу идти, — прохрипел он, поднимая голову. Его глаза, серые, как горный туман, смотрели на нас с удивлением и недоверием, смешанными со слабой, почти угасшей искрой надежды.

— Мы понесем тебя, — сказал я, чувствуя, как его тело, легкое, как у ребенка, лежит у меня на руках. — Мы не оставим тебя здесь, Гасмель. Мы пришли за тобой.

— Почему? — спросил он, и в его голосе слышалось удивление. — Кто вы такие? Зачем вы рисковали своими жизнями ради старого, сломанного гнома?

— Мы те, кто ищет героев, — ответил Хелвард, и его голос, сквозь маску, звучал ровно и твердо. — Ты — избранный, Гасмель. Ты должен идти с нами. Мир нуждается в тебе.

Гасмель посмотрел на нас, и в его глазах, полных боли и усталости, зажглась та самая искра, которую я видел в глазах каждого, кого мы находили. Искра надежды.

— Я думал, что боги забыли обо мне, — сказал он, и его голос дрогнул. — Я думал, что я умру здесь, в этой грязи, и никто не вспомнит моего имени.

— Боги не забывают, — сказал Алмерик, и его голос звучал мягко, но уверенно. — Они просто ждут правильного момента. Терпение — их главная добродетель.

Мы потащили Гасмеля к выходу из пылающего поселка, пробираясь сквозь дым и огонь. Вокруг нас горели дома, кричали раненые, падали горящие балки, и в воздухе стоял невыносимый жар. А над нами, в небе, все еще сражались драконы, их рев сотрясал воздух, и их тени металась по земле, как призраки древних битв.

Мы бежали, стараясь не оглядываться, и в этот момент я почувствовал, как что-то внутри меня меняется. Что-то важное, глубинное. Мы не просто спасали героя. Мы спасали часть мира. Часть надежды.

Через час, изможденные и обожженные, мы добрались до крепости графа Варша Изельтара. Она стояла между двух высоких, черных утесов, на самой границе между землями Армана и Гальтера, и была похожа на каменного зверя, вцепившегося в скалу когтями. Это была суровая, военная крепость, где стены были сложены из темного, обожженного камня, а в воздухе пахло железом, снегом и старой, застывшей кровью.

Варш встретил нас у массивных, кованых ворот. Он был высоким, жилистым, с хищным, волевым лицом и раскосыми, темными глазами, в которых горел холодный, расчетливый огонь. Его фигура, подтянутая и опасная, как у человека, который привык сражаться каждый день, излучала силу и угрозу.

— Халлас Черный Кот, — сказал он, и его голос, низкий и хриплый, прозвучал в вечерней тишине. — Я слышал о тебе. Ты — тот, кто уничтожил «Черный павлин» и спас столицу от демонов.

— Да, — ответил я, чувствуя, как его взгляд пронзает меня насквозь. — Я тот самый.

— И ты привел ко мне героев, — сказал он, окидывая взглядом нашу уставшую, обожженную группу. — Интересно. Я думал, что герои — это миф, выдумка старых сказителей.

— Мы не миф, — сказала Роза, и в ее голосе зазвенела сталь. — Мы реальны. И мы здесь.

— И вы нуждаетесь в убежище, — сказал он, и в его голосе появилась странная, почти циничная улыбка. — Я могу вам его предоставить. Но я хочу знать, что вы сделаете для меня в ответ.

— Что ты хочешь, Варш? — спросил Хелвард, и в его голосе слышалась настороженность.

— Я хочу знать, — сказал Варш, и его глаза сузились, — что вы будете сражаться на моей стороне, когда тьма придет с севера. Что вы защитите эти земли, которые я клялся охранять. Что вы не оставите нас на растерзание демонам.

— Мы будем сражаться, — ответил я, и мой голос был тверд. — Мы обещаем. Мы сражаемся за всех.

Варш кивнул, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на одобрение. Он махнул рукой, и тяжелые ворота, скрипя, начали открываться.

— Тогда проходите, — сказал он. — Вы в безопасности.

Мы вошли в крепость, и я почувствовал, как за нами закрываются тяжелые, окованные железом двери, отрезая нас от внешнего мира.

Мы поместили Гасмеля в комнате у большого, пылающего камина. Он лежал на грубой, шерстяной постели, укрытый толстыми одеялами, и его дыхание, сначала хриплое и неровное, постепенно становилось ровнее. Алмерик сидел рядом с ним на низкой скамье, и его руки, сложенные в жесте молитвы, светились мягким, золотистым светом, который окутывал тело гнома, словно кокон. Я видел, как силы, по капле, возвращаются к Гасмелю, как уходят из его тела боль и усталость.

— Он будет жить, — сказал Алмерик, когда закончил исцеление, и в его голосе слышалась усталость, смешанная с удовлетворением. — Он слаб, истощен до предела, но он выживет. Ему нужно время и отдых.

— И он будет сражаться, — сказал я, чувствуя, как в груди разливается тепло. — Это самое главное.

Гасмель открыл глаза и посмотрел на меня. В его серых, пронизательных глазах горел тот огонь, которого я не видел раньше — огонь возрождения, огонь надежды.

— Я буду сражаться, — сказал он, и его голос, хотя и слабый, звучал твердо. — Я клянусь Дрихмалем, богом кузнецов. Я помогу вам. Я выкую оружие, которое сломает тьму. Это мой долг.

Я кивнул, чувствуя, как его слова оседают в моей душе.

— Мы нашли еще одного, — сказал я, обводя взглядом своих спутников. — Осталось двое.

Мы стояли у высокого, узкого окна, смотря на север, где за черными горами уже сгустилась тьма. Там, за горами, ждала Королева Демонов и ее армии. Но мы были готовы встретить ее. Мы были сильны. Мы были вместе.

Ночью я вышел на стену крепости. Ветер, холодный и пронизывающий, играл с моими волосами, и звезды, бесчисленные и далекие, сияли над головой, как россыпи алмазов. Я смотрел на них и думал о том, как изменилась моя жизнь. Я больше не был просто вором, скрывающимся от прошлого. Я был тем, кто вел героев. Тем, кто нес надежду.

— Не спится? — раздался тихий голос за моей спиной.

Я обернулся. Роза стояла рядом со мной, ее лицо было бледным в свете звезд, но глаза, обычно холодные и настороженные, сейчас были мягкими и задумчивыми.

— Я думаю о том, что будет дальше, — сказал я, не отводя взгляда от звезд. — Мы нашли четырех героев. Осталось два. И тьма уже здесь, на пороге. Я чувствую ее дыхание.

— Мы справимся, — сказала она, и в ее голосе была та уверенность, которую я так часто искал в себе и не находил.

— Откуда ты знаешь? — спросил я.

Она улыбнулась, и в этой улыбке, редкой и искренней, была вся теплота мира.

— Потому что мы вместе, Халлас. Это все, что имеет значение.

Я смотрел на нее, и я чувствовал, как в моей душе, среди страха и сомнений, зарождается покой.

— Ты права, — сказал я. — Этого достаточно.

Мы стояли на стене и смотрели на звезды, и я знал, что мы не остановимся, пока не закончим то, что начали. До самого конца.

Глава 8: Венец империи

Крепость графа Варша Изельтара стала нашим временным домом на семь долгих, но ценных дней. Этого времени хватило, чтобы Гасмель пришел в себя, набрался сил и снова смог держать в руках кузнечный молот, а мы — чтобы обсудить дальнейшие планы, взвесить каждый шаг и подготовиться к тому, что ждало нас впереди. Гном оказался не только искусным кузнецом, чьи руки помнили древние секретыковки, но и мудрым, терпеливым собеседником, который умел слушать и говорить редко, но метко. Он рассказывал о рудниках, о рабстве, о том, как знак Дрихмалю проявился на его руке, когда он, будучи в цепях, выковал клинок, способный убить демона, используя лишь обломки старого металла и свою веру.

— Я думал, что это проклятие, — сказал он однажды вечером, сидя у камина и глядя на свою светящуюся ладонь. Золотой свет, пульсирующий на его коже, отбрасывал теплые, мерцающие блики на его изможденное, но уже посветлевшее лицо. — Я думал, что боги наказали меня за гордыню, за то, что я считал себя выше других. Я молился, чтобы этот свет погас, чтобы я мог быть просто старым, уставшим гномом, который доживает свой век в тишине.

— Это не проклятие, — ответил Алмерик, и его голос был мягок, как шелест листьев. — Это благословение, Гасмель. Ты избран, чтобы создавать оружие для борьбы с тьмой. Твои руки — инструмент богов.

Гасмель усмехнулся, и в этой усмешке была горечь, смешанная с усталой мудростью.

— Я создавал оружие для своих поработителей, — сказал он, и его голос стал глубже, тяжелее. — Я ковал цепи и кандалы, в которые заковывали моих братьев. Я делал мечи для надзирателей, которые избивали нас плетьюми. А теперь я должен ковать мечи для героев. — Он покачал головой, и в этом жесте была вековая усталость. — Боги любят иронию, Алмерик. Они любят ставить нас на колени, чтобы потом поднять выше, чем мы были.

Мы сидели в главном зале крепости, где горел камин, отбрасывая теплые, янтарные блики на каменные стены, когда в дверь вошел запыхавшийся гонец. Он был весь в дорожной пыли, его лицо покраснело от быстрой езды, а плащ был покрыт грязью и мелкими камешками. В руках он держал запечатанный сургучом свиток с гербом башни Глеотхайна — старый дуб, пронзенный молнией.

— Послание от архимага, — сказал он, прерывисто дыша, передавая свиток Хелварду. — Срочное. Он велел доставить его любой ценой.

Хелвард развернул пергамент, и его лицо, скрытое маской, стало еще более непроницаемым. Он прочитал вслух, и голос его звучал ровно, но я уловил в нем скрытую тревогу:

— «Возвращайтесь в Амерту как можно быстрее. Делегация Святой Империи Дальхок прибыла в столицу. Святая Ашера Факот привезла пророчество, которое может изменить все. Собирайте всех и спешите. Время истекает. Глеотхайн».

Мы переглянулись. В воздухе повисло напряжение, такое плотное, что его можно было резать ножом.

— Что за пророчество? — спросила Роза, и ее пальцы сами собой сжались на рукояти клинка.

— Не знаю, — ответил Хелвард, сворачивая свиток с резким, сухим шелестом. — Но Глеотхайн не стал бы нас вызывать, если бы это не было важнее всего. Он знает цену каждому слову.

— Тогда мы выступаем немедленно, — сказал я, поднимаясь из-за стола. — Гасмель, ты сможешь ехать?

Гном встал, и его фигура, хотя и была еще истощена, держалась прямо, с той особой, гордой осанкой, которая бывает только у тех, кто прошел через ад и выжил.

— Я ковал оружие в цепях, Халлас, — ответил он, и в его голосе зазвенела сталь. — Я смогу проехать в седле хоть до края земли. Боги дали мне вторую жизнь, и я не собираюсь тратить ее на слабость.

— Тогда собирайтесь, — сказал Варш, подходя к нам. Его темные глаза были серьезны. — Я дам вам лучших лошадей из моих конюшен и эскорт до самой границы. Путь будет долгим, но вы должны успеть. Чувствую, что грядут большие события.

Я посмотрел на графа, и в его хищных, пронизательных глазах я увидел странную искру уважения — ту, которую мужчины дарят только тем, кто прошел через огонь.

— Спасибо, — сказал я, и мой голос был искренен. — Я не забуду твоей помощи, Варш.

— Не забывай своего обещания, — ответил он, и его голос стал тверже. — Когда тьма придет, ты будешь сражаться на моей стороне. Это наш уговор.

— Я буду, — пообещал я, и в этом обещании была вся моя решимость.

Мы выехали из крепости на рассвете, когда первые, робкие лучи солнца только начали золотить вершины черных гор. Дорога назад, в Амерту, заняла долгих десять дней. Мы скакали через поля, уже укрытые первым, тонким снегом, через леса, где ветер пел свои холодные песни, через города и деревни, где люди выходили на дорогу, чтобы посмотреть на нас. И везде нас встречали с радостью и надеждой. Весть о том, что герои возвращаются, разнеслась по всему королевству, как лесной пожар.

На пятый день пути мы въехали в Гальтер, и я понял, что мы попали в самый центр праздника, который, казалось, охватил весь город.

Праздник пива.

Город был неузнаваем. Узкие, кривые улочки были украшены гирляндами из засушенных цветов и разноцветных флагов, которые трепетали на ветру. В воздухе, смешиваясь с холодным дыханием осени, стоял плотный, хмельной запах солода, свежесваренного пива и жареного мяса. Люди — ремесленники, торговцы, крестьяне, даже знатные господа в своих лучших одеждах — пели, танцевали на площадях, пили из огромных, деревянных кружек, и их смех, звонкий и беззаботный, разносился по улицам, заглушая даже шум ветра. Праздник пива был самым веселым и шумным праздником во всем королевстве, и он длился целых тринадцать дней, пока цвело сусло в подвалах пивоваров.

— Мы не можем останавливаться, — сказал Хелвард, глядя на праздную толпу. В его голосе слышалась стальная решимость, но я заметил, как он на мгновение задержал взгляд на танцующих детях. — Мы должны спешить.

— Нам нужно хотя бы поесть, — возразила Роза, и в ее голосе была усталость. — И дать лошадям отдых. Они не железные.

Мы остановились на постоялом дворе, где нас встретили с распростертыми объятиями, узнав героев. Я стоял у окна, глядя на людей, которые танцевали на улице под звуки волынок и барабанов. Их лица были счастливыми, беззаботными, словно не было никакой тьмы на горизонте, словно мир был вечен и безопасен. Они не знали о пророчестве, о героях, о войне, которая уже стояла на пороге. Они просто жили своей жизнью, наслаждались моментом, и в этом была их сила.

Я чувствовал себя чужим в этом мире. Я был частью чего-то большего, чего-то, что лежало за пределами их понимания, и я не мог присоединиться к их радости. Это было как смотреть на картину через мутное стекло.

— Ты думаешь о том, что будет дальше, — сказал Алмерик, садясь рядом со мной и протягивая мне кружку с горячим, травяным чаем. Его голос был мягок и спокоен.

— Да, — признался я, принимая кружку. Тепло разлилось по пальцам. — Я думаю о том, что мы можем не успеть. Что тьма настигнет нас раньше, чем мы соберем всех.

— Мы успеем, — ответил он с той тихой, непоколебимой уверенностью, которая была его главной силой. — Хитхел ведет нас. Она не оставит своих детей.

Я хотел ответить, но в этот момент я услышал, как кто-то запел на площади. Голос был чистым, сильным, и он пел о героях, о битвах, о любви — старую, древнюю балладу, которую я слышал в детстве, в те времена, когда мир казался проще. Я смотрел на певца — старого, седого менестреля с потрепанной лютней в руках — и я чувствовал, как в моей душе зарождается странное, почти забытое чувство. Надежда.

Мы отдохнули несколько часов, накормили лошадей и снова продолжили путь. Праздник остался позади, но его эхо, его радость и его надежда все еще звучали в моей душе, как далекая, прекрасная мелодия.

Мы прибыли в Амерту на двенадцатый день, когда солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в кроваво-красные и золотые тона. Город был неузнаваем. Улицы были украшены белыми полотнищами с изображением пяти богов — символами Святой Империи Дальхок. Люди стояли вдоль дорог, и они приветствовали нас криками и аплодисментами, бросая под ноги цветы, которые тут же превращались в кашу под копытами лошадей.

— Они думают, что мы герои, — сказал Гасмель, глядя на толпу. В его голосе слышалось удивление, смешанное с неловкостью.

— Мы и есть герои, — ответила Роза, и в ее голосе зазвенела сталь. — Или, по крайней мере, мы пытаемся ими быть. Это уже немало.

Мы въехали на главную площадь, где уже собралась делегация Святой Империи. Белые шатры с золотыми вышивками были разбиты прямо на мостовой, и вокруг них стояли жрецы в длинных, белых одеяниях. В центре, на возвышении, покрытом белым бархатом, стояла Святая Ашера Факот. Ее серебряные волосы, длинные и блестящие, струились по плечам, и ее глаза, светло-голубые, как ясное небо, смотрели на нас с сочувствием и надеждой. Рядом с ней стоял епископ Дарин Магерш — Серый кардинал, как его называли в народе. Его лицо, бледное и аскетичное, было непроницаемым, как каменная маска, и я чувствовал, как от него исходит холод, пронизывающий до костей.

Глеотхайн стоял рядом с ними, опираясь на свой старый посох. Его лицо было серьезным, почти мрачным. Он кивнул нам, когда мы подошли ближе, и я увидел в его глазах смесь облегчения и тревоги.

— Вы вовремя, — сказал он тихо, так, чтобы слышали только мы. — Святая хочет объявить пророчество. Это будет важно для всех нас.

Мы встали рядом с ним, и я почувствовал, как все взгляды, сотни взглядов, устремлены на нас. Они смотрели на меня — вора, полукровку, беглеца — с надеждой, и это было почти невыносимо.

Святая Ашера подняла руки, и площадь, шумная и многолюдная, затихла в мгновение ока. Ее голос, чистый и звонкий, как колокол, разнесся над толпой:

— Люди Армана, люди Гальтера, люди Святой Империи! Я пришла к вам с вестью, которая изменит этот мир навсегда!

Она сделала паузу, и я чувствовал, как воздух вокруг нас становится тяжелым, почти осязаемым.

— Боги говорили со мной! — продолжала она, и в ее голосе зазвучала сила, которая, казалось, проникала в самую душу каждого слушающего. — Они сказали мне, что тьма приближается. Она идет с севера, с земель Королевы Демонов, и она уничтожит все на своем пути, если мы не остановим ее!

Я смотрел на нее, чувствуя, как ее слова оседают в моем сознании, как камни, падающие в темную воду.

— Но боги также дали нам надежду! — продолжала она, и ее голос стал еще громче. — Они открыли мне пророчество, которое спасет нас! Слушайте, ибо это слово богов!

Она подняла руки, и я почувствовал, как в воздухе, вокруг ее ладоней, загорается золотой свет. Он был ярким, почти ослепительным, и он пульсировал, словно живое сердце.

— «Венец империи на челе наследника спасет мир от войны с демонами!» — объявила она, и ее голос звучал, как гром, сотрясающий небеса. — Империя Нетерас пала, но ее кровь не исчезла! Ее наследник жив! И он должен получить корону, чтобы остановить тьму!

Толпа взорвалась. Крики, плач, молитвы — все смешалось в единый, оглушительный гул. Люди падали на колени, воздевали руки к небу, молились своим богам, плакали от радости и страха. Я смотрел на это, и я чувствовал, как внутри меня поднимается волна ледяного, всепоглощающего ужаса.

— Империя Нетерас, — прошептал я, и мой голос сорвался. — Та самая, которая была проклята. Та, что пала сто лет назад.

— Ты знаешь о ней? — спросила Роза, и ее голос был напряженным.

— Я знаю, что ее император был жестоким, безумным тираном, — ответил я, и слова лились из меня, как вода из прорванной плотины. — Я знаю, что он искал королевскую кровь, чтобы обрести бессмертие. Я знаю, что он уничтожил тысячи людей в своих безумных экспериментах. И я знаю, что империя пала, когда восстали те, кого он поработил. Но ее тень осталась.

Я повернулся к Глеотхайну. Его лицо было каменным.

— Это правда? — спросил я, и мой голос дрожал. — У империи есть наследник? Настоящий, живой наследник?

Глеотхайн стоял неподвижно, его глаза были устремлены вдаль. Он медленно шагнул вперед и поднял руку, призывая толпу к тишине. Гул стих, уступая место напряженному ожиданию.

— Народ Армана! — сказал он, и его голос был громким, как раскат грома. — Святая Ашера говорит правду. Венец империи может спасти мир. Но я должен сказать вам одну важную вещь, которую она не упомянула.

Тишина стала еще тяжелее. Все смотрели на Глеотхайна, и я чувствовал, как напряжение нарастает с каждым его словом.

— У империи Нетерас нет наследников! — объявил он, и его голос был тверд, как сталь.

Толпа замерла. Люди переглядывались, и я слышал шепот, который разносился по площади, как ветер по сухой траве.

— Нет наследников? — переспросила Святая Ашера, и в ее голосе послышалось удивление, смешанное с недоверием. — Но пророчество говорит...

— Пророчество говорит о короне, — перебил ее Глеотхайн, и его голос стал резче. — Но оно не говорит о том, что наследник жив. Империя Нетерас пала более ста лет назад. Ее последний император умер, его семья была уничтожена во время восстания. Нет никого, кто мог бы носить эту корону.

Тишина стала почти осязаемой. Я чувствовал, как все взгляды устремлены на Глеотхайна, и я видел, как Дарин Магерш смотрит на него с холодным, изучающим вниманием, как хищник, заметивший слабинку в обороне добычи.

— Но если наследник мертв, — сказал Дарин, и его голос, тихий и пронзительный, прозвучал как лезвие ножа, — тогда кто спасет мир, как ты думаешь, архимаг?

Глеотхайн повернулся к нему, и в его глазах сверкнула искра вызова.

— Мы спасем, — сказал он, и его голос был тверд. — Не один наследник, а пятеро избранных. Они носят знаки богов. Они — наша надежда.

Он посмотрел на нас, и в его глазах была уверенность, которая передавалась нам, как искра от костра к костру.

— Мы уже нашли четырех из них, — сказал он, и его голос стал громче. — Мы найдем и пятого. И вместе мы остановим тьму. Это не пророчество, это наша клятва.

Толпа взорвалась снова. Крики, аплодисменты, слезы радости. Люди кричали наши имена, поднимали нас на руки, благословляли. Я смотрел на них, и я чувствовал, как в моей душе, среди страха и сомнений, зарождается странное, почти священное чувство.

Мы были героями. Мы были надеждой.

Но я знал, что эта ноша была тяжелее любой ноши, которую я носил раньше. И я знал, что тьма приближается, с каждым часом, с каждым дыханием.

Мы должны были быть готовы. И мы были готовы.

Глава 9: Та, кто видит нити

После того как Глеотхайн объявил о пятерых избранных, площадь еще долго не могла успокоиться. Люди кричали, плакали, молились, падали на колени перед нами, словно перед богами. Но я видел, как Святая Ашера смотрит на архимага с холодным, изучающим взглядом, в котором читалось недоверие, а Дарин Магерш — с прищуром, который не сулил ничего хорошего. Они не верили Глеотхайну. Они чувствовали ложь, как собаки чувствуют страх.

Мы покинули площадь через узкий, боковой проход, чтобы избежать толпы. В коридорах дворца, украшенных старыми гобеленами и темным деревом, было тихо, и наши шаги отдавались гулким эхом. Глеотхайн шел впереди, его посох звонко ударял о мраморные плиты, и я чувствовал, как он напряжен до предела.

— Ты солгал, — сказал я, когда мы остались одни в пустом коридоре, отрезанные от мира тяжелыми дубовыми дверями. — Ты сказал, что у империи нет наследников. Но мы знаем, что это не так. Ты сам сказал мне, в ту ночь, в башне.

Глеотхайн остановился. Он повернулся ко мне, и в его единственном глазу была глубокая, вековая усталость и боль, которую он носил в себе десятилетиями.

— Ты прав, — сказал он тихо, и его голос был похож на шелест сухих листьев. — Я солгал. Но я должен был это сделать. Если бы я сказал правду на этой площади, перед всей этой толпой, перед Святой Ашерой и Дарином, Хелварда бы убили на месте. Так же, как убили Велиша.

Я посмотрел на Хелварда. Он стоял неподвижно, его лицо было скрыто маской, но через клятву я чувствовал его эмоции, как свои собственные — страх, гнев, непонимание, и под ними — ледяное отчаяние.

— О чем вы говорите? — спросил он, и его голос, обычно ровный и холодный, сейчас дрожал. — Что вы скрываете от меня?

Глеотхайн вздохнул, и его плечи опустились, словно под тяжестью невидимого груза.

— В твоих жилах течет кровь последнего императора Нетераса, — сказал он, и каждое его слово падало в тишину, как камень в глубокий колодец. — Ты и Велиш. Вы оба — наследники. Последние из древнего рода, который правил империей.

Тишина повисла в коридоре, тяжелая и звенящая. Я слышал, как где-то далеко капает вода, как за толстыми стенами шепчутся слуги. Хелвард стоял неподвижно, как изваяние, и я видел, как его пальцы дрожат.

— Это ложь, — сказал он, и в его голосе послышалась дрожь. — Я не могу быть наследником. Я — ученик архимага, воин. Я — никто.

— Ты — наследник, — повторил Глеотхайн, и его голос был тверд, как сталь. — Я проверил твою кровь в ту ночь, когда мы вернулись из дворца. И я проверил кровь Велиша, много лет назад. Она чистая, древняя, королевская. В ней течет сила, которую искал император. И если кто-то узнает об этом — Святая Ашера, Дарин, или, что хуже, сама Королева Демонов — тебя убьют. Без суда, без следствия, без права голоса.

Хелвард сделал шаг назад, и его рука дрогнула. Он медленно поднял ее к лицу и снял маску. Я впервые увидел его лицо без стеклянной преграды — бледное, с острыми, точеными чертами, с глазами, полными боли и растерянности. Он выглядел моложе, чем я думал, и в то же время — старше, старше самой империи.

— Зачем ты сказал Святой, что наследников нет? — спросил он, и его голос был глух, как удар камня о камень.

— Чтобы защитить тебя, — ответил Глеотхайн, и в его голосе была мольба. — Чтобы ты мог жить, Хелвард. Чтобы ты мог найти корону и спасти мир, не став жертвой. Я не мог позволить им уничтожить тебя, как они уничтожили Велиша.

Мы стояли в тишине, и я чувствовал, как этот груз, тяжелый и древний, ложится на наши плечи, соединяя нас в общем бремени.

— Тогда нам нужно найти корону, — сказал я, и мой голос прозвучал тверже, чем я ожидал. — И найти пятого героя. Только так мы сможем спасти Хелварда. Где она, Сириль?

Глеотхайн подошел к высокому, стрельчатому окну и посмотрел на город, расстилающийся внизу.

— Она в Вавильте, в приграничном городе Святой Империи, — сказал он, и его голос был тих. — В главном храме Хитхел. Она служка при храме. Ей семнадцать лет. Она не знает о своем даре — по крайней мере, не знает, что это значит. Она боится его, прячет свой знак под тканью, как позор. Она не хочет быть избранной.

— Тогда мы должны найти ее, — сказал я, чувствуя, как в груди загорается новая решимость. — Мы должны сказать ей правду, какой бы страшной она ни была.

— Это не будет легко, — ответил Глеотхайн, и в его голосе послышалась печаль. — Она боится того, что видит. Она прячется от своей судьбы, как мы все прячемся от своих страхов.

— Никто не хочет быть избранным, — сказала Роза, и в ее голосе была та особая, жесткая мудрость, которую дают только битвы. — Мы все стали ими не по своей воле. Потому что другого выбора не было.

Мы стояли в коридоре, и я чувствовал, как наша команда становится единым целым, связанным общей целью и общей тайной.

— Тогда мы идем в Вавильт, — сказал я. — Мы найдем Сириль. И мы покажем ей, что бояться нечего. Что ее дар — не проклятие, а благословение.

Путь в Вавильт занял пять долгих, тяжелых дней. Мы снова пересекли границу Святой Империи, и холод, который встретил нас там, был не только физическим. Это была атмосфера абсолютной, непоколебимой веры, которая не терпела сомнений. Город встретил нас тишиной и торжественным величием белых храмов, возвышающихся над узкими, чисто выметенными улочками. В воздухе пахло ладаном, древними молитвами и чем-то еще — чем-то, что я не мог определить, но что чувствовал кожей.

Вавильт был не похож на шумные города Армана. Здесь все было подчинено порядку и чистоте. Улицы были вымощены светлым камнем, настолько чистым, что он отражал небо. Дома стояли ровными рядами, одинаковые, как солдаты на плацу — белые стены, черепичные крыши, небольшие окна с деревянными ставнями. На каждом доме висел символ одного из богов, и я заметил, что чаще всего встречаются знаки Лильет и Хитхел — свеча и колос.

Люди на улицах были одеты просто, но опрятно: длинные туники из льна, сандалии на босу ногу, волосы у женщин покрыты платками. Они не смотрели на нас с открытой враждебностью, но и не приветствовали. Они просто смотрели — молча, внимательно, оценивающе. Я чувствовал их взгляды на своей спине, как сотни маленьких иголок.

На углу одной из улиц мы увидели процессию. Жрецы в белых одеяниях несли статую Лильет — женщину с закрытыми глазами и свечой в руке. Перед ними шли дети, разбрасывающие лепестки белых цветов, и пели гимн — тихий, тягучий, на древнем языке, который я не понимал, но который заставлял волосы на руках вставать дыбом. Люди на улице падали на колени, когда процессия проходила мимо, и склоняли головы. Я заметил, что некоторые из них шептали молитвы, раскачиваясь из стороны в сторону, и их глаза были закрыты, а лица — бледны, как у людей, которые забыли, что такое смех.

— Они молятся так, будто просят о помощи, — тихо сказала Роза, и в ее голосе было что-то похожее на жалость. — Или боятся.

— Они боятся, — ответил Глеотхайн, и его голос был мрачен. — Здесь вера — не утешение. Это долг. Каждый день они должны доказывать свою преданность, иначе их постигнет кара. Так учит Дарин Магерш.

Мы прошли мимо рынка — небольшого, тихого, без той шумной суеты, что царила на рынках Амерты. Торговцы стояли у своих прилавков молча, и их товары — овощи, фрукты, простая утварь — были разложены аккуратными рядами. Никто не кричал, не зазывал покупателей. Покупатели подходили, молча выбирали, молча платили и уходили. Я видел, как женщина в простом платье долго пересчитывала медные монеты, прежде чем отдать их за пучок зелени, и на ее лице была не жадность, а страх — страх ошибиться, потратить лишнее.

— Здесь все считают каждую монету, — сказал я, и мой голос прозвучал громче, чем я хотел. Несколько человек обернулись на меня, и я увидел в их глазах не любопытство, а осуждение. Я замолчал.

Мы остановились на постоялом дворе — единственном в городе, как сказал Глеотхайн. Это было простое, но чистое здание с белыми стенами и небольшим внутренним двором, где росли кусты белых роз. Хозяйка — худая женщина с усталым лицом и покрытой платком головой — встретила нас молча, проводила в комнаты и удалилась, не сказав ни слова. Я заметил, что она старалась не смотреть на Рикуса, на его огромную фигуру, и на меня, на мои клыки и перчатки. Она просто отвела взгляд и ушла.

Храм Хитхел в Вавильте был не самым большим, но самым древним. Его стены, сложенные из белого, почти светящегося камня, были украшены золотыми фресками, изображающими богиню урожая в окружении цветов и колосьев. Я чувствовал, как древняя сила, чистая и живительная, пронизывает каждый камень, каждый виток резьбы.

Сириль стояла у алтаря, зажигая длинные, тонкие свечи. Она была худой, почти прозрачной, с бледной, фарфоровой кожей и серебристыми волосами, которые падали на плечи, как водопад лунного света. Она скрывала свои глаза за длинной, пепельной челкой, и я чувствовал, как она дрожит, когда мы подходим, как испуганная птица.

— Сириль, — сказал Глеотхайн, и его голос был мягок, как шепот ветра в листве. — Мы пришли за тобой.

Она подняла голову, и я увидел ее глаза. Они были серыми, как утренний туман, глубокими и печальными, и в них был страх, который она не могла скрыть.

— Я знаю, кто вы, — сказала она, и ее голос был тих, как звон хрусталя. — Вы пришли за мной, потому что я избранная. Я видела это во сне. Я видела вас.

— Тогда ты знаешь, почему мы здесь, — сказал я, подходя ближе и стараясь, чтобы мой голос звучал спокойно и уверенно.

— Я знаю, что я должна идти с вами, — ответила она, и в ее голосе появилась дрожь. — Но я боюсь. Мой дар — это проклятие. Я вижу смерть. Я вижу страдания. Я вижу нити судеб, которые переплетаются и обрываются. Я не хочу этого видеть. Я хочу быть слепой.

Я посмотрел на нее, и я вспомнил себя. Я вспомнил, как я боялся, когда впервые понял, что моя жизнь изменилась навсегда. Как я бежал от своей судьбы, прятался в тених, боялся даже взглянуть в зеркало.

— Я тоже боялся, — сказал я, и мой голос был мягок. — Я был вором. Я думал, что я никто, что моя жизнь ничего не стоит. Но я понял, что страх — это не слабость. Это часть нас. И если мы принимаем его, если мы идем вперед, несмотря на него, он становится нашей силой.

Сириль смотрела на меня, и в ее глазах, глубоких и печальных, мелькнула искра надежды, как первый луч солнца после долгой ночи.

— Ты правда так думаешь? — спросила она, и в ее голосе появилась неуверенная надежда.

— Я верю в это, — ответил я. — И я верю в тебя, Сириль. Ты сильнее, чем думаешь.

Она медленно, с дрожью, закатала рукав своей белой, храмовой одежды. На ее тонком запястье, на бледной коже, пульсировала серебряная паутина — сложный, переливающийся узор, который светился собственным, внутренним светом. Он был ярким, почти ослепитель-

ным, и я чувствовал, как от него исходит древняя, первозданная сила, пронизывающая само время.

— Я пойду с вами, — сказала она, и в ее голосе, хотя он все еще дрожал, появилась твердость. — Я сделаю то, что должна. Что бы ни случилось.

Мы вышли из храма, и я чувствовал, как тепло разливается в моей груди, согревая изнутри.

— Теперь у нас есть все пятеро героев, — сказал я, оглядывая своих спутников. — Мы собрали их всех.

Глеотхайн кивнул, и в его глазах, усталых и древних, зажглась надежда.

— Теперь мы идем за короной, — сказал он. — В самое сердце империи.

Мы двинулись на юг, к землям, где когда-то возвышалась Империя Нетерас, где ее руины все еще хранили память о величии и падении. И я знал, что это только начало. Самое начало.

Глава 10: Город, поглощенный временем

Мы подошли к черным скалам на закате, когда солнце, багровое и тяжелое, уже скрылось за горизонтом, оставив лишь кровавую, тлеющую полосу на краю неба. Руины древнего города, раскинувшиеся у подножия, казались продолжением самой горы — будто камень, уставший быть просто бездушной породой, попробовал стать домом для людей, но не справился с этой задачей, и теперь лежал в руинах, погребенный под слоями времени и пыли.

Глеотхайн шел впереди, опираясь на свой старый, изрезанный рунами посох. Он двигался медленно, с трудом, и я чувствовал, как этот путь, это возвращение в прошлое дается ему тяжелее, чем любая битва. Но в его единственном глазу, глубоком и древнем, горела странная, почти болезненная искра — смесь боли, воспоминаний и той особой, щемящей тоски, которую испытывают только те, кто возвращается в места, где оставил часть своей души.

— Я был здесь, — сказал он, и его голос, тихий и хриплый, разнесся в вечерней тишине. — Много лет назад. Когда Империя Нетерас еще стояла, а этот город был живым и шумным, полным голосов, смеха и торговли. Тогда я был молод, глуп и полон веры в то, что мир можно изменить.

— Как он назывался? — спросила Роза, оглядываясь на руины, выступающие из полумрака, как кости давно умершего зверя.

— Нетерас-Теш, — ответил Глеотхайн, и в его голосе послышалась странная, почти ностальгическая нотка. — Город у подножия трона. Это был последний оплот империи перед тем, как она пала. Здесь жили ремесленники, торговцы, воины. Здесь кипела жизнь, билась, как кровь в жилах.

Мы двинулись по узкой, извилистой улочке, вымощенной растрескавшимися, неровными плитами. Некогда ровная, гладкая мостовая теперь была покрыта жесткой, серой травой, пробивавшейся сквозь камни, словно упрямство самой жизни, и колючим кустарником, цеплявшимся за одежду. Глеотхайн остановился у одного из полуразрушенных зданий, где еще сохранился фрагмент каменной арки, покрытой мхом и лишайником.

— Здесь была лавка оружейника, — сказал он, указывая на обрушившуюся арку, за которой темнела пустота. — Его звали Торвальд. Он был гномом, великим мастером, который ковал мечи для самого императора. Говорили, что его клинки могли разрубить камень, как масло, и что в каждом его ударе молота жила частица его души.

Я посмотрел на руины, и в моем воображении ожила картина: как кузнец, коренастый и сильный, стучит по раскаленному металлу, как искры разлетаются во все стороны, освещая темное помещение, как покупатели, знатные и простые, торгуются, оценивая работу мастера. Я почти слышал звон молота, почти чувствовал жар горна.

— А здесь, — Глеотхайн указал на здание с сохранившимся фрагментом резного, каменного наличника, где сквозь время и непогоду все еще угадывались изящные растительные узоры, — была мастерская ювелира. Ее звали Ильма. Она создавала украшения для знати. Кольца, диадемы, браслеты, в которых сияли камни, привезенные из самых далеких земель. Говорили, что ее работа могла заморозить любого, что в каждом ее творении жила частица красоты этого мира.

— Что с ней случилось? — спросил Алмерик, смотря на изъеденные временем узоры, которые когда-то были шедеврами.

— Она ушла вместе с городом, — ответил Глеотхайн, и его голос стал глуше. — Как и все остальные. Как и сам мир, который она знала.

Мы продолжили путь, и Глеотхайн указывал на каждую руину, рассказывая ее историю, словно воскрешая умерших. Вот хлебопекарня, где пекли самый вкусный хлеб во всей империи — мягкий, теплый, с хрустящей корочкой, который пах детством и домом. Вот таверна, где

собирались путешественники, рассказывая истории о дальних землях, о чудовищах и сокровищах, о любви и предательстве. Вот школа, где учились дети знати и простолюдинов, где звенели голоса и пахло мелом и чернилами.

— Империя Нетерас была жестокой, — сказал Глеотхайн, когда мы подошли к бывшей рыночной площади, где еще виднелись остатки каменных прилавков. — Император был безжалостным тираном, который не знал пощады. Но город... город жил своей жизнью. Люди любили, рожали детей, строили дома, мечтали о будущем. Они не знали, что их мир скоро рухнет, что их мечты превратятся в пепел. Может быть, это было к лучшему.

Мы остановились у черного круга обгоревших, спекшихся камней в центре площади. Это было молчаливое, страшное напоминание о пожаре, который поставил жирную точку в истории города. Земля здесь, даже спустя столетия, была пропитана гарью и старой, застывшей болью.

— Здесь был центр торговли, — сказал Глеотхайн. — Привозили товары из самых далеких земель. Шелк, пряности, драгоценные камни, редкие вина. А теперь — только пепел и память. Только тишина и ветер.

— Что случилось? — спросила Тельма, и ее голос, обычно холодный и ровный, теперь звучал глубже, серьезнее.

— Восстание, — ответил Глеотхайн, и в его голосе послышалась горечь. — Люди устали от тирании императора. Они подняли оружие против него, против его магов, против его армии. Империя пала, но цена была высока. Города были разрушены, люди погибли десятками тысяч. Многие не пережили эту войну, и те, кто выжил, никогда не были прежними.

Я смотрел на руины, и я чувствовал, как тяжесть этой истории, этой древней боли ложится на мои плечи, как невидимый груз. Я видел призраки прошлого — людей, которые шли по этим улицам, дышали этим воздухом, любили и ненавидели, надеялись и отчаивались.

— Мы идем в замок, — сказал я, поднимая голову и глядя на черные скалы, где в вечернем полумраке угадывались очертания древних стен. — Он еще стоит?

Глеотхайн поднял голову и посмотрел на вершину, туда, где руины замка вгрызались в небо, как когти исполинского зверя.

— Он стоит, — сказал он, и в его голосе послышалась странная, мрачная гордость. — Но он изменился. Время не щадит никого, даже камни.

Портовая часть города почти полностью растворилась в море. Каменные пирсы, когда-то гордо врезавшиеся в воду, теперь торчали из волн, как обломанные, гнилые зубы. Волны, холодные и серые, методично, неумолимо подтачивали остатки причалов, унося с собой осколки плит, обрывки старого каната и песок. Где-то вдалеке, за горизонтом, уже сгущалась ночь, смешивая небо и воду в единую, беспросветную черноту.

— Сюда приходили корабли со всего мира, — сказал Глеотхайн, стоя на краю обрыва. — Они привозили товары и новости, шелк и пряности, рабов и золото. А теперь только вода и ветер. Только пустота.

Мы прошли мимо ржавых, изъеденных соленой водой якорей, наполовину вросших в песок, и изогнутых металлических скоб, намертво схваченных толстым слоем коричневой, шелушащейся коррозии. Они напоминали о кораблях, что когда-то швартовались здесь, о моряхах, которые ступали на эту землю с надеждой и страхом.

— Это место хранит эхо прошлого, — сказал Глеотхайн, и его голос стал тише, словно он боялся потревожить спящих. — Если прислушаться, можно услышать голоса тех, кто жил здесь. Их крики, их смех, их молитвы. Они все еще здесь, в каждом камне, в каждом дуновении ветра.

Я закрыл глаза на мгновение, и мне показалось, что я действительно слышу их — далекие, призрачные голоса, шепчущие на языке, которого я не знал, но который понимал сердцем.

Мы вышли на узкую, кривую улочку, где еще стояли кованые фонари. Их железные каркасы покрылись толстым слоем рыжей ржавчины, а стекла давно рассыпались, оставляя пустые,

глазницы, в которых ветер завывал тоскливые песни. Где-то в глубине руин, в темноте, капала вода, и этот звук, монотонный и бесконечный, был похож на шепот самого города.

— Мы почти на месте, — сказал Глеотхайн, когда мы вышли к подножию скал. — Замок ждет нас.

Я поднял голову. Там, на вершине черных, отвесных скал, застыли руины древнего замка. Они были похожи на шрам на теле земли, на ребра исполинского мертвого зверя, торчащие из плоти горы. Обломки зубцов, осыпавшиеся бойницы, похожие на пустые глазницы черепа, и в ночном небе над ними — холодные, равнодушные звезды. Ветер носил обрывки тумана, стелящегося между руин, пряча в молочной дымке остатки галерей, арок и лестниц.

— Это и есть трон, — сказал Глеотхайн, и его голос прозвучал в ночи, как похоронный звон. — Трон последнего императора Нетераса. Мы должны найти его.

Мы начали подниматься по вырубленным в скале ступеням, узким и крутым. Они были старыми, изъеденными временем и непогодой, покрытыми мхом и мелкими трещинами, и я чувствовал, как каждый шаг отдает глухим эхом в тишине, разрывая вековое молчание.

— Где мы найдем корону? — спросил Хелвард, и его голос, обычно ровный и спокойный, сейчас звучал напряженно.

— В тронном зале, — ответил Глеотхайн, не оборачиваясь. — Он в центре замка. Там, где император принимал своих подданных, вершил суды и объявлял войны. Или, по крайней мере, то, что от него осталось.

Мы вошли в замок через огромный, когда-то парадный портал, и я почувствовал, как холод, древний и могильный, проникает в мои кости, заставляя дрожать. Стены были покрыты толстым слоем мха и плесени, и в воздухе пахло древней пылью, сыростью и забытыми тайнами, которые веками ждали, чтобы их открыли.

Мы шли по длинным, извилистым коридорам, где когда-то ходили стражи в блестящих доспехах и слуги с подносами. Теперь здесь были только тени и эхо, только тишина, нарушаемая нашими шагами и дыханием. Где-то в глубине замка слышался странный, шуршащий звук — может быть, ветер играл в разбитых окнах, может быть, что-то другое, что жило здесь в темноте.

— Мы на месте, — сказал Глеотхайн, останавливаясь перед массивными, черными дверями.

Они были сделаны из цельного, полированного обсидиана, и на их поверхности были вырезаны древние, сложные руны, которые едва заметно пульсировали слабым, голубоватым светом. Я чувствовал, как от них исходит сила — холодная, древняя, нечеловеческая.

— Что это? — спросил я, и мой голос прозвучал хрипло в тишине.

— Печать, — ответил Глеотхайн, и его голос был серьезен. — Последний император наложил ее перед самой смертью, когда понял, что его империя падает. Она защищает трон от тех, кто недостойн, от тех, кто пришел с нечистыми мыслями.

— Как мы ее откроем?

Глеотхайн повернулся и посмотрел на Хелварда. В его единственном глазу была странная, почти умоляющая искра.

— Только наследник может открыть ее, — сказал он. — Только тот, в чьих венах течет королевская кровь. Только тот, кто носит в себе печать древнего рода.

Тишина повисла в коридоре, густая и тяжелая. Все смотрели на Хелварда. Он стоял неподвижно, и его лицо, бледное в полумраке, было напряжено.

— Я не знаю, смогу ли я, — сказал он, и в его голосе, впервые за все время, послышалась неуверенность. — Я не чувствую в себе этой силы. Я не чувствую себя наследником.

— Ты должен, — ответил я, и мой голос был тверд. — Ты — единственный, кто может это сделать, Хелвард. Мы прошли весь этот путь ради этого момента. Ты должен попытаться.

Хелвард медленно подошел к дверям. Его руки, обычно такие уверенные, дрожали, когда он коснулся холодной, гладкой поверхности обсидиана. Руны загорелись ярче, заполняя коридор голубоватым, мерцающим светом, и я почувствовал, как воздух вокруг нас становится тяжелым, почти осязаемым, и, кажется, начинает звенеть от напряжения.

И в этот момент двери открылись.

Они разошлись в стороны бесшумно, плавно, как вода, открывая проход в темноту за ними. Холод, древний и могильный, хлынул из проема, и я почувствовал, как он проникает под одежду, заставляя кожу покрываться мурашками.

— Ты сделал это, — сказал я, глядя на Хелварда.

Он стоял неподвижно, глядя в темноту за дверями, и его лицо было бледнее обычного.

— Я не знаю, что мы там найдем, — сказал он, и в его голосе была тревога. — Но я чувствую, что это изменит все.

— Это и есть наша судьба, — сказал Глеотхайн, и его голос был тих, но тверд. — Мы должны идти.

Мы вошли в темноту, и двери за нами бесшумно закрылись, отрезая нас от внешнего мира, от света и воздуха. Мы были одни в сердце империи, и я знал, что пути назад больше нет.

Глава 11: Тени прошлого и пробуждение тьмы

Двери из черного обсидиана открылись медленно, с протяжным, глухим скрежетом, который эхом разнесся под высокими сводами, словно сам замок, древний и уставший, не хотел впускать нас в свои тайные недра. За ними открылся огромный, величественный зал — тронный зал Империи Нетерас. Даже в своем разрушении, в своей вековой смерти, он сохранял величие, которое заставляло сердце биться быстрее.

Колонны, когда-то белые и сияющие, теперь покрытые глубокими, черными трещинами, уходили вверх, теряясь в непроглядном полумраке под самым потолком. Пол был выложен черными и золотыми плитами, образующими замысловатый, сложный узор, в котором угадывались древние символы и знаки. И в центре, на высоком, многоступенчатом возвышении, стоял трон — массивный, монументальный, вырезанный из цельного куска черного, как ночь, камня. Его высокая спинка была украшена искусной резьбой, изображающей дракона, обвиняющего меч, вонзенный в землю.

— Вот оно, — прошептал Глеотхайн, и в его голосе слышалась странная, почти священная смесь благоговения и ужаса. — Сердце империи. Место, где император вершил судьбы мира. Где принимались решения, менявшие ход истории.

Мы вошли внутрь, и наши шаги, даже самые тихие, гулко отдавались в пустоте, многократно усиливаясь эхом. Я оглядывался по сторонам, чувствуя, как древняя, могущественная сила пропитывает каждый камень, каждую пылинку в воздухе. Здесь, в этом зале, решались судьбы тысяч, миллионов людей. Здесь принимались решения, которые эхом отдавались сквозь века.

— Мы должны найти корону, — сказал Хелвард, оглядываясь. Его голос был напряжен, в нем звучала стальная решимость. — Где она?

— На троне, — ответил Глеотхайн, указывая на возвышение. — Или, по крайней мере, там, где она должна быть. Венец императора всегда лежал на сиденье трона, как символ власти.

Я подошел к трону, рассматривая его вблизи. На массивной спинке был вырезан барельеф — дракон, парящий над горами, и вокруг него — три символа, выполненных в древнем, забытом стиле. Разум, Душа, Жертва. Под ними, высеченные в камне, вились слова на древнем, мертвом языке империи.

— Что здесь написано? — спросил я, проводя пальцами по резьбе, чувствуя холод камня.

Глеотхайн подошел ближе и провел своей сухой, старческой рукой по письменам, словно читая их на ощупь.

— «Чтобы получить благословение крови, наследник должен пройти три испытания: Испытание Разума, Испытание Души и Испытание Жертвы. Только тот, кто пройдет их все, сможет носить венец императора и получить право просить у богов одно желание. Ибо кровь королей — не дар, а бремя».

— Испытания, — повторил Хелвард, и в его голосе была глухая, ледяная горечь. — Всегда испытания. Боги любят проверять нас, ломать нас, прежде чем дать то, что нам нужно.

— Драконы хранят это знание, — сказал Глеотхайн, и его голос стал тише, почти задумчивым. — Они — хранители древней магии, стражники границ между мирами. Только они могут дать благословение, только они могут открыть путь к короне.

Я отошел от трона и начал осматривать зал, изучая каждую деталь, каждую тень. Вдоль высоких, изукрашенных стен стояли статуи — императоры прошлого, застывшие в вечном, каменном молчании. Их лица были стерты временем, но в их позах, в их гордых, властных силуэтах чувствовалась сила и величие. Я проходил мимо них, рассматривая каждую трещину, каждую сколотую деталь, ища лазейку, путь к отступлению, если что-то пойдет не так. Это была старая, вьевшаяся в кровь привычка вора — всегда искать выход.

И в этот момент я услышал звук.

Он был глухим, низким, почти неразличимым на грани слышимости, похожим на жужжание миллиона пчел, многократно усиленное эхом. Он доносился откуда-то из-под пола, из самой глубины скалы, из тех темных, забытых недр, куда не проникал свет. Я чувствовал, как он проникает в мои кости, заставляя вибрировать каждую клетку тела.

— Вы слышите? — спросил я, оборачиваясь к остальным. Мой голос прозвучал напряженно, почти испуганно.

— Да, — ответил Хелвард, и его лицо стало жестким, как камень. — Что это?

Звук становился громче, заполняя зал, отражаясь от стен и колонн, создавая зловещую, пульсирующую симфонию. Я почувствовал, как пол под ногами начинает мелко, но ощутимо вибрировать, словно под нами пробуждалось что-то огромное и голодное.

— Они идут, — сказал Глеотхайн, и в его голосе был ледяной, всепоглощающий ужас. — Твари. Они почувствовали запах живой крови. Они пробудились.

Пол начал трескаться. От центра зала, от подножия трона, во все стороны побежали тонкие, черные трещины, и из них, из темных глубин, начали вылезать они. Тысячи существ, сотни тысяч — они заполняли зал, как муравьи, потревоженные в своем гнезде. Они были похожи на людей, но меньше ростом — около полутора метров, с серой, пепельной кожей, гладкой и влажной. У них не было глаз — только глубокие, темные впадины, из которых доносилось то самое, жужжащее, пульсирующее гудение. Вместо ртов у них были огромные, круглые отверстия, усеянные рядами острых, как иглы, зубов, похожих на пиявки.

— Назад! — крикнул я, отступая к центру зала, подальше от трещин. — К трону! Быстро, все к трону!

Твари вылезали из трещин с пугающей скоростью, их гибкие, неестественно изогнутые тела двигались с отвратительной грацией. Они были сотнями, тысячами, и их было все больше.

— Огонь! — крикнул Глеотхайн, поднимая посох. — Они боятся огня!

Хелвард поднял руки, и из его пальцев вырвались ослепительные, голубые молнии. Они ударили в первую волну тварей, и те разлетелись в стороны, стора с пронзительным, душевраздирающим визгом, но на их место уже лезли новые, и их было еще больше. Роза выхватила клинки, и ее движения, отточенные годами тренировок, стали быстрыми и смертоносными. Она рубила тварей, как траву, но их было слишком много, слишком.

— Их слишком много! — крикнула она, отступая под напором серой массы. — Мы не сможем их всех перебить!

— Отступаем к башне! — закричал я, указывая на узкий, темный проход, видневшийся в дальней стене. — Там есть выход, я видел его на карте!

Мы начали отступать к проходу, пробиваясь сквозь кишашую массу тварей. Гасмель схватил обломок тяжелой, каменной колонны и размахивал им, как дубиной, круша черепа тварей с глухим, мокрым звуком. Алмерик читал молитвы, и его руки, воздетые к небу, светились мягким, золотистым светом, от которого твари шарахались в стороны, шипя и воя. Тельма сражалась рядом с Розой, их клинки сверкали в полумраке, оставляя за собой кровавые следы.

Мы ворвались в башню, узкую и высокую, с винтовой лестницей, уходящей вверх, в темноту. Я захлопнул тяжелую, окованную железом деревянную дверь, и Гасмель, тяжело дыша, задвинул массивный, ржавый засов.

— Они пробьют ее, — сказал он, прислушиваясь к тому, как твари начинают биться в дверь с удвоенной силой. — У нас есть несколько минут, не больше.

— У нас есть свиток, — сказал Глеотхайн, доставая из глубоких складок своей старой, поношенной мантии древний, пожелтевший пергамент, покрытый сложными, мерцающими рунами. — Свиток переноса, созданный еще во времена империи. Он вернет нас в башню, в Амерту. Но у нас есть только один шанс, только одно использование.

— Тогда используй его! — крикнул я, чувствуя, как дверь начинает трещать под напором.

— Не сейчас, — ответил Глеотхайн, и его голос был тверд, как сталь. — Сначала мы должны взять корону. Без нее все было зря. Все жертвы, вся кровь — все будет напрасно.

Я посмотрел на трон, который виднелся в проеме двери. Там, на сиденье, на черном, полированном камне, лежал венец. Он был простым, без драгоценных камней, сделанным из темного, матового металла, который, казалось, впитывал свет, а не отражал его.

— Я возьму его, — сказал я, бросаясь обратно в зал, не слушая криков своих спутников.

Я бежал, уклоняясь от тварей, которые уже начали просачиваться сквозь щели в двери. Мои когти альдера сверкали в полумраке, разрывая серую, влажную плоть. Я прыгнул на возвышение, протянул руку, и мои пальцы коснулись холодного, гладкого металла.

И в этот момент венец рассыпался в прах.

Он превратился в золотистую, мерцающую пыль, которая осела на моих ладонях, на моей одежде, на черном камне трона. Я смотрел на это, чувствуя, как внутри меня все обрывается.

— Это подделка, — прошептал я, и мой голос сорвался. — Это фальшивка. Здесь никогда не было короны.

И в этот момент тьма пробудилась.

Из глубины зала, из-за трона, из самой сердцевины скалы начала подниматься черная, маслянистая субстанция, густая и пульсирующая, как живая, древняя кровь. Она росла с каждым мгновением, заполняя пространство, и из нее начала формироваться фигура. Высокая, стройная, величественная, с короной, сияющей тусклым, красным светом на голове, и с кубком, полным черной, дымящейся жидкости, в руке.

Голос разнесся по залу, глубокий, древний, полный ненависти, которая копилась столетиями.

— Глеотхайн, — сказала фигура, и я понял, что это тень императора. Его призрак, его гнев, его проклятие, запечатое в этом месте навечно. — Ты пришел. Ты пришел, чтобы украсть то, что принадлежит мне. Как всегда, как во все времена.

— Император, — сказал Глеотхайн, и в его голосе была горечь, смешанная с болью. — Ты умер. Ты должен был исчезнуть, раствориться в небытии.

— Я умер, — ответила тень, и в ее голосе послышалась холодная, злая усмешка. — Но моя тьма осталась. Она росла все эти годы, питаясь ненавистью и страхом, которые вы, люди, производите в избытке. И теперь она сильнее, чем когда-либо.

Фигура шагнула вперед, и я увидел ее лицо — бледное, как смерть, с горящими, красными глазами, в которых горела бесконечная, всепоглощающая злоба.

— Ты предал меня, — сказала тень, глядя на Глеотхайна, и в ее голосе зазвенела сталь. — Ты был моим лучшим вором, моей правой рукой. Ты крал для меня, ты убивал для меня, ты проливал кровь во имя моей империи. А потом ты присоединился к восстанию. Ты помог разрушить все, что я создал.

— Ты был тираном, — ответил Глеотхайн, и его голос был тверд, хотя я видел, как дрожит его рука, сжимающая посох. — Ты уничтожал людей, превращал их в рабов, ставил опыты над ними, как над животными. Ты заслужил свою смерть, и ты знаешь это.

— Моя смерть ничего не изменила, — усмехнулась тень, и в ее усмешке было столько злобы, что воздух, казалось, сгустился. — Моя тьма осталась. И теперь она вернется, чтобы поглотить этот мир. Ты не сможешь остановить меня, Глеотхайн. Ты никогда не мог.

Тьма начала распространяться по залу, заполняя пространство, окутывая статуи и колонны. Твари за дверью бились с удвоенной силой, и я слышал, как дерево трещит, готовое вот-вот рухнуть.

— Свиток! — крикнул я, чувствуя, как паника начинает заливать мой разум. — Глеотхайн, используй свиток сейчас!

Архимаг поднял руку, и древний пергамент в его пальцах засветился ярким, золотым светом. Свет начал окутывать нас, теплый и живой, и я чувствовал, как мир начинает расплываться, терять очертания.

— Ты не сбежишь, — сказал император, и его голос, полный ярости, разнесся по залу. — Я найду тебя, Глеотхайн. Я уничтожу все, что ты любишь. Каждого, кого ты защищаешь. Ты не сможешь спрятаться от меня.

Свет стал ослепительным, заполняя все мое сознание. Я почувствовал, как меня затягивает в воронку, как мир исчезает, превращаясь в бесконечную, белую пустоту.

А потом была тьма.

Мы упали на холодный, каменный пол в башне Глеотхайна. Я слышал тяжелое, прерывистое дыхание, стоны и плач, и я чувствовал, как мое сердце колотится о ребра, как бешеный зверь, пытающийся вырваться из клетки.

— Мы живы, — прошептал я, глядя в высокий, темный потолок. — Мы живы, черт возьми.

— Мы вернулись, — сказал Глеотхайн, и в его голосе была глубокая, всепоглощающая усталость. — Но мы не нашли корону. Мы ничего не нашли, кроме призрака.

Хелвард сидел на полу, прислонившись спиной к стене. Его лицо было бледным, как смерть, и он смотрел перед собой пустым, стеклянным взглядом. Через клятву я чувствовал его эмоции — страх, отчаяние, гнев, и под ними — ледяное, всепоглощающее отчуждение.

— Я не хочу этого, — сказал он тихо, и его голос был глух, как удар камня о камень. — Я не хочу быть наследником. Я не хочу носить эту корону. Я не хочу быть тем, кого будут преследовать тени прошлого.

Я подошел к нему и опустился на колени, чувствуя, как каменный пол холодит кожу.

— Хелвард, — сказал я, и мой голос был мягким, как шепот. — Ты не должен делать это один. Мы все с тобой. Мы рядом.

— Ты не понимаешь, — ответил он, поднимая голову. В его глазах, обычно таких спокойных и холодных, блестели слезы, которые он не мог сдержать. — Я видел его. Я видел императора. Я видел, что он сделал, какую тьму он оставил после себя. И я — его наследник. Это значит, что я тоже чудовище. Это значит, что эта тьма — во мне.

— Нет, — сказал я, и мой голос стал тверже. — Ты — не он. Ты — Хелвард. Ты — тот, кто сражался за правду, кто спасал других, кто жертвовал собой ради тех, кого любит. Ты — не чудовище. Ты — герой.

Хелвард смотрел на меня, и я видел, как в его душе, среди страха и отчаяния, начинает зарождаться что-то новое. Надежда.

— Ты правда так думаешь? — спросил он, и его голос дрогнул.

— Я знаю это, — ответил я. — И я буду рядом с тобой, Хелвард. Что бы ни случилось, где бы ты ни был. Я не оставлю тебя.

Мы стояли в тишине, и я чувствовал, как наша связь, наша клятва становится крепче, сильнее, чем любая сталь.

— Мы найдем корону, — сказал я. — Мы пройдем испытания. И мы остановим тьму. Все вместе.

— Вместе, — добавила Роза, подходя к нам и кладя руку на плечо Хелварда.

— Вместе, — повторили остальные, и их голоса слились в один.

Хелвард медленно поднялся, и в его глазах, все еще влажных, но уже твердых, зажглась новая искра.

— Вместе, — сказал он.

Мы стояли в башне, израненные, уставшие, но живые. И я знал, что это только начало. Но мы были готовы идти дальше. До самого конца.

Глава 12: Война на два фронта

Башня Глеотхайна встретила нас привычной тишиной и холодом, который, казалось, пропитал каждый камень, каждую трещину в стенах. Мы лежали на полу, тяжело дыша, и я смотрел в высокий, темный потолок, чувствуя, как каждая мышца, каждая кость в теле ноет от перенесенного напряжения и страха. Свиток переноса, теперь уже пустой и безжизненный, дымился в руке архимага, испуская последние, угасающие искры магии, которые таяли в воздухе, как утренний туман.

— Мы живы, — прошептал я, повторяя эти слова как мантру, как заклинание, способное удержать реальность от распада. — Мы живы. Мы вернулись.

— Но мы не нашли корону, — сказал Хелвард, и его голос, глухой и безжизненный, прозвучал как приговор. — Мы вернулись с пустыми руками, с пустыми душами. Мы потерпели поражение.

— Мы вернулись с жизнями, — ответил Глеотхайн, с трудом поднимаясь на ноги. Его лицо было бледным, как у мертвеца, но глаза горели той особой, нестигаемой решимостью, которая рождается только у тех, кто прошел через ад и выжил. — Это главное. Корона никуда не денется, она ждала нас столетиями и подождет еще немного. Но мы должны понять, как ее получить. Испытания драконов — вот истинный ключ. Без благословения крови мы не сможем даже приблизиться к тронному залу.

— Тогда мы должны отправиться к драконам, — сказал я, чувствуя, как внутри меня, на смену усталости и страху, приходит новая, холодная решимость. — Как только восстановим силы. Как только пойдем, куда идти.

Но отдых нам не сужден был. Судьба, жестокая и насмешливая, никогда не давала нам передышки.

Дверь в башню распахнулась с оглушительным грохотом, и в комнату ворвался гонец — молодой парень в форме королевской стражи, весь в дорожной пыли и поту. Его лицо было бледным, глаза бегали, и он с трудом переводил дыхание, словно бежал без остановки много миль.

— Архимаг! — выдохнул он, падая на одно колено и протягивая запечатанный свиток дрожащей рукой. — Срочное донесение от королевского совета! Гонец прибыл час назад с южных рубежей.

Глеотхайн шагнул к нему, и его лицо, и без того серьезное, стало еще более мрачным.

— Говори, — приказал он, и в голосе его зазвенела сталь.

— Демоны с севера прорвали границу, — сказал гонец, и его голос дрожал от напряжения и страха. — Они идут на юг, огромной армией. Армии королевства уже отправились на защиту рубежей. Святая Империя Дальхок прислала свои войска по приказу Святой Ашеры. Король мобилизовал все силы, какие только смог собрать. Он просит вашей помощи.

— Сколько их? — спросил Хелвард, поднимаясь на ноги. В его голосе уже не было усталости, только стальная, военная сосредоточенность.

— Тысячи, — ответил гонец, и в его глазах мелькнул страх. — Может быть, десятки тысяч. Они идут волнами, непрерывно, как море. Наши войска сдерживают их у перевалов, у горных проходов, но если демоны прорвутся на равнины...

— Они прорвутся, — прервал его Глеотхайн, и его голос был холоден, как лед. — Вопрос только во времени. Сколько дней у нас есть?

— Неделя, может быть, десять дней, — ответил гонец. — Если повезет. Если не повезет — меньше.

Глеотхайн повернулся к нам, и в его единственном глазу горела тревога, смешанная с той же холодной решимостью.

— Нам нужно идти, — сказал он. — Мы должны помочь. Мы не можем позволить им прорваться.

— Мы слабы, — сказал Рикус, и в его голосе впервые за все время послышалась усталость. — Мы только что выбрались из руин. Мы едва держимся на ногах.

— Это не имеет значения, — ответил Глеотхайн, и его голос был тверд, как сталь. — Если демоны прорвутся, они уничтожат все. Арману, Гальтер, Дальхок — все, что мы знаем и любим. Мы должны сражаться, даже если у нас нет сил. Ради тех, кто не может сражаться за себя.

Мы начали собираться, проверяя оружие, затягивая ремни, когда в дверь снова постучали. Но на этот раз стук был спокойным, размеренным, без той отчаянной спешки, что была у гонца. Я открыл дверь и замер.

На пороге стоял граф Фальтер Гесингер.

Он был одет в дорожный, тяжелый плащ из темной, непромокаемой ткани, и его лицо, обычно холодное и непроницаемое, сейчас было суровым, как скала. Его янтарные глаза нашли меня в полумраке комнаты, и я почувствовал, как по моей спине пробегает ледяной холод.

— Граф, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хотя внутри меня все сжалось. — Какая неожиданность. Мы не ждали вас.

— Халлас, — ответил он, и в его голосе была сталь, которую я слышал в ту ночь на балу. — Мне нужно поговорить с тобой. И с архимагом.

Он прошел в комнату, и его фигура, сухая и жилистая, но все еще полная скрытой силы, казалась чужой в этом месте, среди книг и магических артефактов. Глеотхайн поднял голову, и в его единственном глазу мелькнуло удивление, смешанное с настороженностью.

— Гесингер, — сказал он. — Ты пришел сам. Это необычно для тебя.

— Времена необычные, — ответил граф, и его голос был глух. — И я пришел не как гость и не как политик. Я пришел как отец, который просит о помощи.

Он перевел взгляд на меня, и его глаза, обычно холодные и расчетливые, на этот раз казались почти умоляющими, в них была та глубокая, отчаянная тревога, которую могут испытывать только родители.

— Моя внучка, Лавия, — сказал он, и его голос дрогнул впервые за все время нашего знакомства. — Она отправилась на войну. Король призвал все дворянские дома отправить своих наследников на защиту границ. Я не мог отказать, не мог ослушаться приказа. Она возглавляет отряд наших воинов, наших лучших бойцов.

Я почувствовал, как внутри меня что-то обрывается, как ледяной ком сжимает сердце.

— Она на фронте? — спросил я, и мой голос прозвучал хрипло, как у человека, который только что получил удар в грудь.

— Да, — кивнул граф, и в его жесте была такая глубокая, беспомощная печаль, что я едва узнал в нем того холодного, расчетливого политика. — Она возглавляет отряд у перевала Мертвого Ветра. Она сильная, умная, она умеет командовать. Но она еще ребенок. Она не готова к тому, что ждет ее там.

Он сделал паузу, и я видел, как ему тяжело даются эти слова, как он борется с собой, чтобы не показать слабость.

— Я пришел просить вас, — сказал он, глядя на Глеотхайна, и в его голосе была мольба. — Архимаг, я знаю, что вы собираете героев. Я знаю, что вы ищете способ остановить тьму. Но я также знаю, что вы можете помочь защитить мою внучку. Я прошу вас: отправьте кого-нибудь, кто сможет защитить ее. Кто сможет быть рядом с ней в этой битве.

Тишина повисла в комнате, тяжелая и звенящая. Все смотрели на меня. Я знал, что они ждут моего ответа, что в их взглядах — и вопрос, и надежда, и понимание.

— Я пойду, — сказал я, и мой голос прозвучал тверже, чем я ожидал. — Я защищу ее. Я не дам ей умереть.

— Халлас, — начал Хелвард, делая шаг вперед, но я поднял руку, останавливая его.

— Я пойду, — повторил я, и в моем голосе была непоколебимая решимость. — Это мой долг. И не только как воина, но и как человека. Я обещал ей, что буду рядом. И я сдержу свое слово.

Граф смотрел на меня долго, изучающе. В его янтарных глазах я видел смесь удивления, недоверия и — впервые — уважения.

— Ты готов сделать это? — спросил он, и его голос был серьезен. — Даже зная, что это может стоить тебе жизни? Что ты можешь не вернуться?

— Я готов, — ответил я, встречая его взгляд. — Я обещал защищать этот мир, этот королевство. И я буду защищать его, начиная с нее. С Лавии.

Граф кивнул, и в его глазах я увидел искру надежды, которую он так тщательно скрывал.

— Тогда иди, — сказал он. — Я дам тебе лучшую лошадь из моих конюшен и карту с кратчайшим путем. Лавия сейчас у перевала Мертвого Ветра, командует обороной. Если ты поторопишься, ты успеешь до того, как начнется основное сражение.

Я повернулся к своей команде. Глеотхайн подошел ко мне и положил свою сухую, холодную руку на мое плечо. В его единственном глазу была гордость, смешанная с тревогой.

— Будь осторожен, Халлас, — сказал он тихо. — Возвращайся живым.

Хелвард пожал мне руку, и в его рукопожатии была сила и обещание.

— Мы будем ждать тебя, — сказал он. — Что бы ни случилось.

Роза обняла меня, и ее объятия были теплыми и крепкими.

— Ты справишься, — прошептала она. — Ты всегда справляешься.

Рикус положил свою огромную, тяжелую руку на мое плечо, и в его жесте была та особая, мужская поддержка, которая не требует слов.

— Возвращайся, — сказал он. — Мы будем ждать.

Я вышел из башни и вскочил на лошадь, которую подвели слуги графа. Ветер ударил в лицо, холодный и свежий, и я почувствовал, как адреналин разгоняет кровь, прогоняя усталость.

Я скакал на север, к перевалу Мертвого Ветра, и я знал, что это будет самая опасная битва в моей жизни.

Но я был готов встретить ее. Ради нее.

Перевал Мертвого Ветра встретил меня ледяным, пронизывающим ветром, который, казалось, дул прямо из горных недр, и серым, низким, давящим небом, которое нависало над землей, как тяжелая крышка. Лагерь армии раскинулся между двумя скалистыми, отвесными утесами, и я слышал звон оружия, ржание лошадей, крики командиров, отдающих приказы. В воздухе пахло дымом, железом и тем особым, напряженным запахом страха, который всегда предшествует большой битве.

Я нашел Лавию в большой, брезентовой палатке командира, стоящей в центре лагеря. Она стояла над картой, разложенной на складном, походном столе, и ее черные волосы, обычно такие блестящие и ухоженные, были заплетены в тугую, практичную косу. Ее глаза, сапфировые и глубокие, были сосредоточены на карте, и она что-то быстро говорила офицерам, стоящим вокруг.

Увидев меня, она подняла голову, и в ее глазах мелькнуло удивление, смешанное с такой радостью, что у меня перехватило дыхание.

— Халлас? — спросила она, и в ее голосе была смесь удивления и радости. — Что ты здесь делаешь? Как ты нашел меня?

— Я пришел защищать тебя, — ответил я, чувствуя, как тепло разливается в моей груди, согревая даже этот ледяной ветер.

— Я не нуждаюсь в защите, — сказала она, но в ее голосе не было гнева, только удивление и... счастье.

— Я знаю, — ответил я, делая шаг к ней. — Но я все равно буду рядом. Я обещал тебе, помнишь?

Она улыбнулась, и в этой улыбке было все. Счастье, надежда, любовь — все, что я искал в этом мире и не находил.

— Тогда добро пожаловать на войну, Халлас, — сказала она, и в ее голосе зазвенела сталь. И я знал, что мы будем сражаться вместе. И мы победим. Мы должны победить.

Глава 13: Жидкий кристалл и битва при перевале

Лагерь армии Армана у перевала Мертвого Ветра жил своей напряженной, пульсирующей жизнью, словно огромный, потревоженный улей. Солдаты чистили оружие, точа клинки о точильные камни с монотонным, скрежещущим звуком, укрепляли частокол, вбивая в промерзшую землю заостренные колья, разводили костры, от которых поднимался густой, серый дым, смешиваясь с низкими, свинцовыми облаками. В воздухе, разреженном и холодном, пахло железом, потом, лошадиным навозом и тем особым предчувствием близкой битвы, которое никогда не обманывает, которое можно почувствовать кожей и нюхом, как запах приближающейся грозы.

Я вошел в командную палатку, и первое, что увидел — она. Лавия стояла над тактическим столом, на котором, мягко мерцаая голубоватым, пульсирующим светом, лежал жидкий кристалл. Проекция карты перевала и окрестных земель парила над его поверхностью, объемная и детальная, как живая, пульсирующая, меняющаяся в реальном времени. Каждое движение ее пальцев, тонких и уверенных, заставляло карту менять масштаб, поворачиваться, показывая то общую панораму сражения, то мельчайшие детали рельефа — каждый овраг, каждый выступ скалы, каждую тропу.

На ней была легкая, кольчужная рубаша поверх темно-синего, шерстяного дублета, черные волосы заплетены в тугую, аккуратную косу, а глаза цвета сапфиров смотрели на карту с холодным, расчетливым вниманием опытного стратега.

— Дозорные сообщают, что основная армия демонов движется через три ущелья, — сказала она, не поднимая головы, обращаясь к офицерам, стоящим вокруг стола. — Они разделились на три колонны. Каждая примерно по пять тысяч. Если мы встретим их в лоб на равнине, нас просто раздавят числом. — Она провела пальцем по карте, и линии движения демонов засветились ярко-красным, угрожающим светом. — Но если мы ударим в центре иотрежем их, возможно, они потеряют связь, замедлятся, и мы сможем разбить их по частям.

— Ты уверена, что они не обойдут нас с флангов? — спросил один из командиров, стоящий у стола. Это был грузный, седой мужчина с глубокими шрамами на лице и тяжелым, железным взглядом. — Там, у южной скалы, есть узкий проход. Если они пойдут туда, они могут зайти нам в тыл.

— Они не пойдут, — ответила Лавия, и ее голос был тверд, как сталь. — Проход слишком узкий, слишком извилистый. Они потеряют там слишком много времени и скорости. А скорость — их главное преимущество.

Я стоял у входа, наблюдая за ней. Она была совсем другой, чем на балу, чем в поместье, чем в той первой, памятной ночи. Не беззаботной девушкой, кружащейся в танце, не внучкой старого графа, играющей в светские игры. Она была командиром, стратегом, лидером. И в этом ее величии, в этой холодной, военной красоте я чувствовал странную, почти болезненную гордость.

— А если они пошлют летунов? — спросил другой офицер, молодой, с горящими глазами. — Тех тварей с крыльями, что пикируют с неба?

— Мы выставили лучников на скалах, — ответила Лавия, указывая на карту, где загорелись желтые точки. — Если они поднимутся в воздух, наши стрелы достанут их раньше, чем они успеют нанести удар. Я приказала замочить наконечники в священном масле — даже демоны не любят его вкус.

Она подняла голову и заметила меня. В ее глазах мелькнула искра удивления, смешанная с радостью, которую она тут же спрятала под маской командира.

— Халлас, — сказала она, и в ее голосе появилась мягкость, которой не было минуту назад. — Ты пришел. Я думала, ты не успеешь.

— Я обещал, — ответил я, подходя ближе. — Я всегда прихожу, когда обещаю. Она улыбнулась, и в этой улыбке было все.

— Ты вовремя, — сказала она. — У нас есть работа.

Я подошел к столу и посмотрел на карту. Жидкий кристалл мерцал, переливаясь, показывая рельеф местности, расположение сил противника и наши оборонительные позиции. Я никогда не видел ничего подобного — это было искусство войны, возведенное в степень магии, где каждый камень, каждая тропинка были видны, как на ладони.

— Это потрясающе, — сказал я, и мой голос был полон искреннего, неподдельного восхищения.

— Жидкий кристалл, — объяснила Лавия, и в ее голосе послышалась гордость. — Технология Гальтера, их магов-камнерезов. Они используют его в магии, в зельях, в картографии. Я заказала эту проекцию специально для тактического планирования. — Она провела рукой по поверхности, и карта изменилась, показывая расположение наших войск, укреплений и резервов. — Мы стоим здесь, у перевала. Если демоны прорвутся, они выйдут на равнины и пойдут на Амерту, сжигая все на своем пути. Мы должны остановить их здесь, любой ценой.

— Что ты хочешь от меня? — спросил я, глядя на нее.

— Ты — разведчик, — сказала она, и в ее голосе была уверенность. — Ты умеешь видеть то, что другие не замечают. Ты пройдешь через скалы и доложишь мне о реальном положении врага. Я не до конца верю нашим дозорным — они могут ошибаться, могут не заметить чего-то важного.

— Ты доверяешь мне? — спросил я, чувствуя, как в груди зарождается странное, теплое чувство.

— Я доверяю тебе, — ответила она, и ее глаза встретились с моими. — Ты единственный, кому я могу доверять здесь, в этом аду.

Я кивнул, чувствуя, как ее слова оседают в моей душе, как теплый дождь на сухой земле.

— Я пойду, — сказал я. — Я принесу тебе правду.

Я вышел из палатки, и ветер, холодный и пронизывающий, ударил в лицо, обжигая кожу. На горизонте уже сгущались тучи — не обычные осенние облака, а та особенная, зловещая тьма, что приходит вместе с демонами, пронизанная красными молниями и тяжелым, давящим присутствием.

Я вскочил на лошадь, взятую из конюшен графа, и поскакал к скалам, оставляя лагерь позади. Я чувствовал на себе взгляд Лавии — она стояла у входа в палатку, не прячась, и смотрела мне вслед, ее руки были скрещены на груди, а в глазах горела смесь надежды и тревоги.

Я знал, что это только начало. Но я был готов.

Я пробирался между скал, чувствуя, как холодный, ледяной ветер пронизывает одежду, добираясь до самых костей. Мои звериные глаза, привыкшие к темноте и острым деталям, различали мельчайшие следы, которые не увидел бы обычный человек. Я видел глубокие борозды в земле, оставленные когтями демонов, обломки их оружия, пятна застывшей, черной крови. Они прошли здесь недавно, может быть, час или два назад.

И в этот момент я увидел их.

Тысячи тварей стояли у подножия гор, их тела, покрытые чешуей и грубой, серой кожей, сливались с камнем. Их глаза, бесчисленные, горели красным, тусклым огнем. Они ждали. Они знали, что мы здесь. Они знали, что мы готовимся ударить. Они стояли в полной, зловещей тишине, и эта тишина была страшнее любого рева.

Я посчитал их силы, запомнил их позиции, отметил слабые места в их построении — там, где их ряды были тоньше, где между отрядами зияли разрывы. Затем развернул лошадь и поскакал обратно, чувствуя, как сердце колотится о ребра.

— Они знают о нас, — сказал я, ворвавшись в палатку, где все еще стояли офицеры. — Они ждут. Они не будут атаковать первыми. Они знают, что мы приготовили ловушку, они чувствуют ее.

— Тогда мы должны изменить тактику, — сказала Лавия, и ее глаза загорелись тем особым, холодным огнем, который я видел только у великих стратегов. — Мы ударим первыми. Ночью, когда они не будут ждать.

Я смотрел на нее, чувствуя, как в моей душе зарождается глубокое, безграничное уважение.

— Ты — настоящий стратег, Лавия, — сказал я.

— Я читала много книг, — ответила она, и в ее голосе послышалась легкая, почти неуловимая улыбка. — Теперь пришло время применить их на практике.

Ночь накрыла перевал черным, бархатным покрывалом, усыпанным холодными, равнодушными звездами. Звезды прятались за тяжелыми, свинцовыми тучами, и только редкие, робкие лучи пробивались сквозь них, освещая землю призрачным, серебряным светом. Мы выступили тихо, без барабанов и труб, без боевых кличей. Наши солдаты двигались бесшумно, как тени, их дыхание было приглушено, шаги мягко ступали по мерзлой земле.

В центре колонны шла Лавия, и она вела их вперед, в самое сердце тьмы.

Я шел рядом с ней, чувствуя, как сердце бьется в унисон с ее шагами.

— Ты готова? — спросил я, и мой голос был тих, но тверд.

— Всегда, — ответила она, и в ее голосе не было ни капли сомнения.

Битва началась внезапно, как удар молнии, как взрыв, разорвавший ночную тишину. Мы ударили по центру вражеского войска, и демоны закричали, пытаясь перестроиться, но было уже поздно. Наша атака была стремительной и сокрушительной. Лавия вела своих солдат в бой, и я видел, как она сражается — легко, грациозно, смертоносно. Ее меч сверкал в темноте, оставляя за собой кровавые, серебряные следы, и каждый ее удар находил цель.

Я был рядом с ней, прикрывая ее спину, ее фланги. Когти альдера сверкали в темноте, разрывая серую плоть тварей, и я рубил тех, кто пытался добраться до нее, кто видел в ней главную угрозу.

— Они отступают! — крикнул кто-то рядом, и голос его был полон удивления и торжества. — Мы победили!

И действительно, демоны начали отступать, уходя в скалы, в темноту, из которой они пришли. Мы стояли на поле битвы, тяжело дыша, и смотрели на уходящую тьму, которая таяла, как утренний туман.

— Мы победили, — сказала Лавия, и в ее голосе была усталость, смешанная с радостью.

— Мы победили, — повторил я, чувствуя, как в груди разливается тепло, согревающее изнутри.

Мы смотрели на звезды, которые начали появляться из-за туч, одна за другой, как алмазы на черном бархате. Ветер стихал, и в его шепоте уже не было угрозы.

Я знал, что это только начало, что тьма лишь отступила, чтобы собраться с новыми силами. Но мы были готовы. Мы были сильны. И мы были вместе.

Глава 14: Клятва в ночи

Ночь после битвы была тихой. Слишком тихой. Тишина эта была неестественной, зыбкой, как поверхность замерзшего озера, под которой таится темная, глубокая вода. Демоны отступили, но мы знали, что это лишь временная передышка, короткая пауза перед следующим актом трагедии. Тьма перегруппировывалась где-то в горах, в своих темных, недоступных логовах, готовясь к новому, еще более сокрушительному удару. Раненые стонали в импровизированных лазаретах, их крики и стоны смешивались с запахом крови, гноя и травяных настоек, которыми лекари пытались заглушить боль. Солдаты сидели у костров, чистили оружие, говорили тихо, приглушенно, и в их голосах слышалась та особая, тяжелая усталость, которая приходит только после боя, когда адреналин уходит, оставляя лишь пустоту и дрожь в руках. Над лагерем витал запах дыма, крови, пота и той особенной, шемящей тоски, которая всегда приходит после победы, когда ты понимаешь, что цена ее слишком высока.

Я стоял на краю обрыва, глядя на темные, зубчатые силуэты гор, где скрылись остатки вражеской армии. Ветер играл с моими волосами, холодными пальцами касался лица, и я чувствовал, как он пробирается под одежду, заставляя кожу покрываться мурашками. Но внутри меня горел огонь. Тот самый огонь, который зажегся, когда я увидел ее у тактического стола, когда я сражался рядом с ней, когда я понял, что не могу ее потерять. Этот огонь был сильнее холода, сильнее страха, сильнее самой смерти.

Приказ пришел через час после окончания битвы, когда мы еще не успели опомниться от пережитого ужаса. Гонец из штаба короля, весь в пыли и поту, доставил запечатанный сургучом свиток, и Лавия прочитала его вслух, стоя у догорающего костра, в свете которого ее лицо казалось вырезанным из янтаря:

— «Армии королевства объединяются у крепости графа Варша Изельтара. Все отряды, находящиеся на северных рубежах, должны выдвинуться к крепости в течение трех дней. Дальнейшие приказы будут даны на месте. Король Гилберт Брейтен, маршал Армана».

Лавия свернула свиток и посмотрела на меня. В ее глазах, сапфировых и глубоких, была стальная, несгибаемая решимость, но я видел и другое — усталость, глубокую, въевшуюся в душу, которую не смыть ни сном, ни отдыхом, ни даже победой. Это была усталость командира, который несет на своих плечах жизни сотен людей.

— Мы выступаем на рассвете, — сказала она, и ее голос был ровен, но в нем слышалась та особая, железная нота, которая не терпела возражений. — Ты готов?

— Всегда, — ответил я, хотя внутри меня все сжималось от мысли, что каждый следующий день может стать последним, что каждый шаг может оказаться шагом в пустоту.

Она улыбнулась — коротко, едва заметно — и кивнула, затем повернулась, чтобы отдать приказы офицерам. Я смотрел ей вслед, и в груди росло странное, тяжелое, почти болезненное чувство. Я знал, что если упущу этот момент, если позволю страху и сомнениям взять верх, то больше никогда не смогу сказать ей то, что должен. Слова застревали в горле, как кости, и я чувствовал, что время уходит, утекает сквозь пальцы, как вода.

Я догнал ее у входа в ее походную палатку, где она уже собиралась скрыться от посторонних глаз.

— Лавия, — сказал я, и мой голос прозвучал хрипло, почти сорванно. — Мне нужно поговорить с тобой. Это важно.

Она обернулась. В свете догорающих костров ее лицо, обрамленное темными, растрепавшимися прядями, казалось еще более прекрасным, почти нереальным — острые, точечные скулы, сапфировые глаза, в которых отражались отблески пламени, и легкая, неуловимая улыбка, которая всегда появлялась, когда она смотрела на меня.

— Что случилось, Халлас? — спросила она, и в ее голосе была мягкость, которую она не позволяла себе на людях.

Я сделал шаг вперед, чувствуя, как сердце колотится о ребра, как в груди тесно от слов, которые я носил в себе так долго. Я никогда не был хорош в словах. Я был вором, а не поэтом, я привык действовать, а не говорить, красть, а не просить. Но сейчас слова лились сами собой, как вода из прорванной плотины.

— Я не могу потерять тебя, — сказал я, и мой голос дрогнул. — Я знаю, что это глупо. Я знаю, что я — никто. Вор, полукровка, бывший член гильдии, человек без прошлого и без будущего. Я не достоин даже смотреть на тебя, не то что говорить с тобой. Но я не могу представить свою жизнь без тебя. Она стала пустой до того, как я встретил тебя, и теперь, когда ты есть, я не хочу возвращаться в ту пустоту.

Я опустил на одно колено, чувствуя, как холодная, промерзшая земля касается моей кожи, как мелкие камешки впиваются в колено.

— Я клянусь тебе, Лавия Гесингер, — сказал я, и мой голос стал тверже, чем я ожидал, чем я когда-либо мог себе представить. — Я клянусь служить тебе до конца своих дней, хранить тебя от любой беды. Я клянусь защищать тебя, даже если это будет стоить мне жизни. Я клянусь быть рядом, что бы ни случилось — в радости и в горе, в победе и в поражении, в свете и во тьме. Это не просто слова, Лавия. Это клятва. Моя клятва.

Лавия смотрела на меня. В ее глазах, сапфировых и глубоких, блеснули слезы, которые она не пыталась скрыть. Она стояла неподвижно, и я чувствовал, как ветер играет с ее волосами, как пламя костров отбрасывает золотые блики на ее лицо.

— Встань, — сказала она тихо, и ее голос дрогнул. — Ты не должен этого делать. Ты не должен стоять на коленях передо мной.

— Я должен, — ответил я, не поднимаясь. — Я должен, потому что ты — единственная, кто заставила меня поверить, что я могу быть кем-то большим, чем просто вор. Ты заставила меня поверить, что я могу быть героем. Ты дала мне надежду, Лавия. А надежда — это единственное, что у меня осталось.

Она шагнула ко мне и взяла мое лицо в свои руки. Ее пальцы были теплыми, несмотря на холод, и я чувствовал, как они дрожат — так же, как дрожало мое сердце.

— Я принимаю твою клятву, Халлас, — сказала она, и в ее голосе была сила, которую я никогда не слышал раньше. — Но знай, что я тоже клянусь. Я клянусь, что буду рядом с тобой. Что бы ни случилось, где бы ты ни был, я буду ждать тебя. Я буду верить в тебя. Я буду любить тебя.

Она поцеловала меня. Это был легкий, почти невесомый поцелуй, но он обжег меня, как пламя, проник в самую душу, согревая все, что было холодного и пустого внутри. Я чувствовал, как в моей груди зарождается что-то новое, что-то, чего я никогда не знал раньше. Надежда. Счастье. Любовь.

— Я буду с тобой, — прошептала она, отстраняясь, и ее глаза встретились с моими. — Всегда.

За сотни миль от нас, в каменной башне Глеотхайна, среди книг и магических артефактов, Хелвард сидел у высокого, стрельчатого окна, глядя на ночной, засыпающий город. Он чувствовал, как через клятву, связывающую его с Халласом, к нему приходит странное, теплое, почти забытое чувство. Оно было смешанным — радость, страх, надежда, любовь — и оно переполняло его, заставляя сердце биться быстрее. Он закрыл глаза, пытаясь понять, что это, откуда оно пришло, и в темноте своего сознания он увидел его — Халласа, стоящего на коленях перед девушкой с сапфировыми глазами.

— Он дал клятву, — прошептал Хелвард, и его голос прозвучал тихо и удивленно. — Он дал клятву ей. Он любит ее.

Роза подошла к нему бесшумно, как тень. Она держала в руках две глиняные кружки с горячим, травяным чаем, от которого поднимался пар, и протянула одну Хелварду.

— Ты чувствуешь его? — спросила она, садясь рядом на широкий, каменный подоконник. Ее голос был тих, но в нем слышалась та особая, понимающая мягкость, которую она редко позволяла себе.

— Да, — ответил Хелвард, принимая кружку и ощущая, как тепло разливается по пальцам. — Он счастлив. Но он боится. Он боится потерять ее. Боится, что тьма отнимет у него это счастье.

— А ты? — спросила Роза, и в ее голосе появилась та особенная, проникновенная нота, которую она прятала под маской воина. — Ты тоже боишься?

Хелвард помолчал. Он смотрел на город, на огни, мерцающие внизу, на далекие звезды, холодные и равнодушные. Затем медленно кивнул.

— Я боюсь, — признался он, и слова дались ему с трудом, как будто он выдавал самую большую тайну. — Я боюсь, что мы не успеем. Что тьма окажется сильнее нас, несмотря на все наши усилия. Я боюсь, что потеряю вас. Всех. Халласа, тебя, Глеотхайна, Рикуса, всех, кто стал мне близок. Я боюсь, что корона никогда не будет найдена, и что мир, который мы пытаемся спасти, все равно погибнет.

Роза взяла его руку. Ее пальцы были теплыми, и Хелвард почувствовал, как это тепло проникает в его душу, разгоняя холод страха и сомнений.

— Мы справимся, — сказала она, и в ее голосе была та уверенность, которую он так искал в себе и не находил. — Мы всегда справлялись, Хелвард. Мы прошли через ад, через демонов, через древние руины. Мы собрали героев, которые не верили в себя. Мы сражались с тенью императора. Мы не сдавались, когда все было против нас. Мы справимся и сейчас.

Хелвард смотрел на нее. В свете свечей ее лицо, обычно такое холодное и непроницаемое, казалось мягким, почти уютным, как дом, в который всегда хочется вернуться, как тепло, которое согревает в самую лютую стужу.

— Как ты можешь быть так уверена? — спросил он, и его голос дрогнул.

— Потому что я верю в нас, — ответила Роза, и ее голос был тверд, как сталь. — Я верю в тебя. Я верю в Халласа. Я верю в Глеотхайна. Я верю в каждого из нас. Мы — команда, Хелвард. Мы — семья. И мы сможем победить тьму.

Она сжала его руку, и он почувствовал, как страх начинает отступать, уступая место надежде.

— Мы справимся, — повторила она. — Я обещаю.

Хелвард кивнул, и в его глазах, все еще влажных от непролитых слез, зажглась искра надежды.

— Мы справимся, — сказал он.

Они сидели у окна, глядя на звезды, и чувствовали, как их связь становится крепче, как их клятва становится прочнее любого камня. Это было начало новой главы — главы, в которой они будут сражаться вместе, плечом к плечу. Главы, в которой они победят.

На рассвете армия выступила к крепости графа Варша. Я скакал рядом с Лавией, и я чувствовал, как ее присутствие, ее близость дает мне силы, которых у меня, казалось, уже не осталось. Впереди нас ждала новая битва, новая тьма. Но я знал, что мы готовы. Я знал, что мы сильны.

— Ты готов? — спросила она, глядя на меня поверх лошадиной гривы, и в ее сапфировых глазах плясали отблески утреннего солнца.

— Всегда, — ответил я, и в этом слове была вся моя жизнь, все мое прошлое и все мое будущее.

Мы скакали вперед, к новой битве, к новой надежде. И я знал, что мы победим. Потому что мы были вместе. Потому что мы были едины.

Глава 15: Ставки драконов

Северные скалы, острые и черные, возвышались над миром, как клыки исполинского, древнего зверя, вгрызающегося в само небо. Здесь, на самой вершине, где ветер выл так громко и пронзительно, что заглушал даже мысли, драконы собирались на свой великий, тайный совет. Они не любили собираться вместе все — слишком разные, слишком гордые, слишком древние, чтобы терпеть присутствие друг друга дольше необходимого. Каждый из них был как отдельная стихия, как отдельный мир, и их единство было хрупким, как лед на весеннем солнце. Но сейчас настал тот редкий, исключительный момент, когда даже эти бессмертные, могущественные существа чувствовали — мир стоит на грани, и от их решения зависит его судьба.

Перед ними, на вершине самой высокой скалы, лежал стол, вырезанный из цельного куска горного хрусталя, прозрачного и чистого, как слеза древнего бога. В его глубине, как в застывшей, вечной воде, пульсировала проекция мира — живая, дышащая, меняющаяся в реальном времени. Сотни огоньков — армии, города, отряды героев, караваны, корабли — двигались по карте, как фигуры на гигантской, невидимой доске для игры, и каждый огонек был чьей-то жизнью, чьей-то судьбой, чьим-то выбором.

Факлат, дракон огня, сидел во главе стола. Его человеческая форма была величественной и пугающей — высокий, статный мужчина с длинными, медными, как расплавленная медь, волосами и золотыми глазами, в которых, казалось, плясало вечное, неугасимое пламя. Он смотрел на проекцию с мрачной, тяжелой задумчивостью, и в его взгляде читалась вековая усталость.

— Они идут к нам, — сказал он, и его голос был подобен рокоту далекого вулкана, низкому и мощному. — Архимаг и его герои. Они хотят пройти испытания, получить благословение и найти корону.

— Глупцы, — усмехнулся дракон воздуха, чей облик был текучим, почти призрачным, сотканным из серебристого, переливающегося тумана. Его голос был похож на шелест ветра в листве, на свист далекой бури. — Они думают, что мы дадим им благословение просто так, как подавание нищему. Они не понимают, что корона — это не дар. Это проклятие, которое они сами на себя навлекут.

— Не суди их так сурово, Вентур, — возразила драконица воды, и ее голос был мягок и текуч, как сама вода, как шепот ручья. Ее облик был плавным, переливающимся, как поверхность океана в лунном свете. — Они пытаются спасти свой мир, свой народ, свои семьи. Это достойно уважения.

— Дстойно уважения? — переспросил дракон земли, и его голос был тяжелым, как каменная глыба, как грохот обвала. — Они убивают друг друга тысячелетиями. Они уничтожают леса, отравляют реки, сжигают поля, выкапывают из недр то, что должно было остаться нетронутым. И теперь они хотят, чтобы мы спасли их от тьмы, которую они сами создали, которую они сами взрастили?

— Ты говоришь так, будто сам не наблюдал за ними все эти века, — сказал Факлат, и его глаза, золотые и глубокие, сверкнули, как два солнца. — Мы все наблюдаем. Мы все делаем ставки. Мы все решаем, на чьей стороне встать, когда придет время.

Он провел рукой над столом, и проекция изменилась, отдалилась, показывая две огромные армии, движущиеся по разным направлениям. Одна, маленькая и уязвимая, двигалась к драконьим горам — отряд героев, возглавляемый Глеотхайном. Другая, огромная и темная, как сама ночь, надвигалась на крепость графа Варша.

— Южане, — сказал Факлат, указывая на отряд героев. — Архимаг, его ученики, пятеро избранных. Они идут за короной, чтобы остановить тьму. Они рискуют всем.

Он перевел взгляд на северную армию, где черные, полотняные знамена Королевы Демонов развевались над легионами тварей, как траурные ленты.

— А здесь — те, кто хочет уничтожить этот мир. Или, по крайней мере, переделать его по своему образу и подобию.

— Кто победит? — спросил молодой дракон, сидящий в конце стола. Его чешуя, еще не успевшая приобрести постоянный цвет, переливалась всеми оттенками радуги, как перламутр. — Люди или демоны?

Факлат усмехнулся, и его улыбка была холодной, как лед, как пламя, застывшее в вечности.

— Мы не знаем, — сказал он, и его голос был пуст. — Именно поэтому мы здесь. Мы наблюдаем. Мы делаем ставки. Боги, наши древние создатели и повелители, запрещают нам вмешиваться напрямую, но они не запрещают нам смотреть. И делать выбор.

— Им нужна корона, — сказал дракон земли. — Если они получают ее, они попросят у богов желание. Что, если они пожелают уничтожить драконов? Стереть нас с лица земли, как мы стерли их империи?

— Тогда мы вмешаемся, — ответил Факлат, и в его голосе зазвенела сталь. — Тогда мы напомним им, кто на самом деле хозяева этого мира. Но пока — мы будем наблюдать. Мы будем ждать.

Он посмотрел на проекцию, где отряд архимага, маленький и уязвимый, пробивался через демонические земли, через горы и пропасти, через тьму, которая сгущалась вокруг них, как кровь вокруг раны.

— У них есть шанс, — сказал он тихо, и в его голосе послышалась странная, почти человеческая нотка. — Маленький, но есть. И если они смогут пройти испытания, если они докажут, что достойны... возможно, мы поможем им.

Внизу, среди скал, пронизываемого ледяным ветром и призрачным туманом, Хелвард чувствовал, как клятва на его запястье пульсирует в такт с его сердцем. Халлас был далеко — с Лавией, на южном фронте, на границе между жизнью и смертью. Хелвард чувствовал его страх, его решимость, его любовь — и это придавало ему сил, наполняло его, когда собственные силы были на исходе.

— Они близко, — сказал он, поднимая руку и всматриваясь в клубы тумана, которые стелились между скалами. — Я чувствую их. Демоны. Они знают, что мы идем.

Глеотхайн остановился и прислушался. Ветер приносил звуки, которые не принадлежали этому миру — глухие, низкие, пульсирующие, похожие на биение огромного, темного сердца.

— Демоны, — сказал он, и его голос был холоден. — Они знают, что мы идем за короной. Они будут пытаться остановить нас.

Из тумана начали появляться фигуры. Гоблины — низкорослые, кривые, с желтыми, хищными клыками и горящими красными глазами, которые светились в полумраке, как угли. Тролли — огромные, с толстой, каменной кожей, покрытой шрамами и мхом, и тяжелыми дубинами, вырванными из скал. Черные маги — их глаза горели зеленым, нечеловеческим огнем, а пальцы, тонкие и костлявые, уже плели заклинания, от которых воздух начинал искриться и гудеть.

— Будьте готовы, — сказал Глеотхайн, поднимая посох, и в его руке древнее дерево засветилось мягким, серебряным светом. — Это только начало.

Битва была жестокой. Роза сражалась с двумя клинками, ее движения были быстрыми, отточенными, смертоносными — она была танцем смерти в центре этого хаоса. Тельма рубила троллей, ее меч, тяжелый и широкий, сверкал в полумраке, оставляя за собой кровавые следы. Гасмель сражался своим молотом, круша врагов, как орехи, с глухим, мокрым звуком, от которого содрогались скалы. Алмерик и Сириль держались позади, читая молитвы, и их руки, воздетые к небу, светились мягким, золотым светом, защищая своих товарищей от магии демо-

нов. Гертеймах стоял рядом с Глеотхайном, его глаза были закрыты, и он что-то тихо шептал — возможно, молитву, возможно, проклятие, возможно, обращался к мертвым, которые всегда были рядом.

Хелвард сражался рядом с Розой. Молнии срывались с его пальцев, ослепительные и голубые, разрывая врагов на части, превращая их в пепел и дым. Но даже он чувствовал, как силы покидают его, как усталость застилает глаза, как руки начинают дрожать.

— Их слишком много, — крикнул он, отступая под напором новой волны. — Мы не сможем прорваться!

— Мы должны, — ответил Глеотхайн, и его голос был тверд, как сталь. — Другого пути нет, Хелвард. Мы не можем отступить.

И в этот момент из тумана появились они. Существа, укутанные в темные, рваные ткани, с четырьмя зрачками в каждом глазу и шестью руками, которые заканчивались острыми, как лезвия, когтями. Они двигались быстро, неестественно, как пауки по стене, их тела были гибкими и изогнутыми. Их глаза, многозрачковые, сверкали в темноте, и в их взгляде не было ничего человеческого.

— Адерье, — прошептал Хелвард, и его голос сорвался. — Или их предки. Те самые, кто стоит за тронном, кто создал эту тьму.

— Они не на стороне демонов, — сказал Глеотхайн, и его голос был тих, но в нем слышалась тревога. — Они на стороне равновесия. Они — хранители древнего знания. И они могут уничтожить нас всех, если увидят в нас угрозу.

Однако существа не атаковали. Они смотрели на отряд своими четырьмя зрачками, изучая, оценивая, взвешивая. Затем, так же внезапно, как появились, они исчезли в тумане, растворяясь, как дым.

— Они наблюдают, — сказал Глеотхайн. — Они ждут. Они решают, какую ставку сделать.

Отряд продолжил путь. Они сражались, падали, поднимались. Раненые, измотанные до предела, они шли вперед, потому что не могли остановиться.

И когда они уже почти потеряли надежду, когда тьма казалась бесконечной, из тумана появились всадники.

Впереди, на высокой, вороной лошади, ехал принц Бертель. Его лицо было изранено, покрыто свежими шрамами и копотью, но глаза горели той особой, стальной решимостью, которая бывает только у тех, кто прошел через ад. Рядом с ним ехал отряд рода Фольш — эльфы в черных, сияющих доспехах, холодные и молчаливые, как сама зима. И великаны из рода Татан, которые несли огромные, каменные щиты и копья, тяжелые, как стволы деревьев.

— Мы пришли за вами, — сказал Бертель, спрыгивая с лошади и подходя к Глеотхайну. — Отец приказал мне доставить вас к драконам живыми. Любой ценой.

Глеотхайн кивнул, опираясь на посох, который дрожал в его руке.

— У нас есть время на отдых?

— Нет, — ответил принц, и его голос был тверд. — Мы должны продолжать движение. Демоны перегруппировываются. Но у нас есть провизия и свежие лошади. Мы успеем.

Отряд остановился на короткий привал. Хелвард сидел у костра, глядя на огонь, который плясал перед его глазами, отбрасывая золотые блики на его лицо. Роза села рядом с ним, и в ее глазах, усталых и глубоких, отражалось пламя.

— Ты чувствуешь его? — спросила она. — Халласа?

— Да, — ответил Хелвард. — Он с ней. Они сражаются. Они выжили.

— Мы тоже сражаемся, — сказала она, и в ее голосе была та особая, стальная уверенность, которая не знает сомнений. — Мы не сдадимся, Хелвард. Мы не имеем права.

Хелвард кивнул, и в его глазах, в глубине усталости, зажглась искра надежды.

— Мы справимся, — сказал он.

Они поднялись и продолжили путь. Впереди ждали драконы. И испытания. И, возможно, спасение.

Глава 16: Та, что видит сквозь время

Лагерь спал. Костры догорали, выбрасывая в холодное, звездное небо последние, угасающие искры, которые гасли в ледяном дыхании северного ветра, не долетая до земли. Где-то вдалеке, в темноте скал, ухал филин, и его голос, глухой и тоскливый, разносился над лагерьем, смешиваясь с шумом ветра, который носил обрывки разговоров стражников, стоящих на посту, и тихие стоны раненых в лазаретных палатках.

Я вышел из своей палатки, не в силах уснуть. Слишком много мыслей, слишком много образов роилось в моей голове, не давая покоя. Битва при перевале, драконы на севере, Халлас, который сейчас где-то там, рядом с Лавией, сражается за свою любовь и свою жизнь, и клятва, связывающая нас, через которую я чувствовал его так ясно, будто он стоял рядом. Его страх, его надежда, его любовь — все это было чуждо мне, как язык древней, забытой расы, но я привыкал к этому, учился принимать это как часть себя.

Я бродил между палатками, задумавшись о том, что нас ждет. О драконах, об испытаниях, о короне, которая, казалось, ускользала от нас, как вода сквозь пальцы. И о той тьме, той древней, всепоглощающей тьме, что ждала нас, если мы потерпим неудачу. Мои ноги, двигающиеся автоматически, сами вынесли меня к краю лагеря, туда, где тишина была глубже, а звезды — ярче.

И там я увидел ее.

Она стояла у самого обрыва, повернувшись ко мне спиной, и смотрела вдаль, туда, где горы сливались с небом в единую, черную стену. Я узнал ее сразу — та самая Адерье, которая была в отряде принца Бертеля. Странное, загадочное существо, которое никогда не снимало своего глубокого, темного капюшона, которое никогда не произносило ни слова, которое всегда держалось в тени, как часть пейзажа, как тень, забывшая свое тело.

Но сейчас она была без накидки.

Я замер, чувствуя, как дыхание перехватывает. Ее лицо открылось лунному свету, и я впервые увидел его. Прямые, четкие черты, сплюснутый, почти кошачий нос, который плавно переходил в тонкие, бледные губы. Уши были оттопыренными и зауженными, как у эльфа, но шире, грубее, словно природа не до конца решила, что именно она создает, и остановилась на полпути. Кожа была бледной, почти прозрачной, фарфоровой, и на ней не было ни единого изъяна — ни родинки, ни веснушки, ни шрама, словно она была вылеплена из самого лунного света.

Она смотрела на ночное небо, на звезды, мерцающие в бесконечной, черной глубине, и ее глаза — те самые, с четырьмя зрачками, расположенными крестообразно, — были устремлены вверх, в эту бесконечность. Из ее горла вырывались звуки. Они были похожи на пение — странное, мелодичное, тягучее, как течение древней, забытой реки, но в нем не было ни слов, ни смысла, ни той привычной структуры, что мы называем музыкой. Это был просто звук, чистый и древний, обращенный к звездам. Она пела, а потом замолкала, прислушиваясь, словно ожидала ответа от тех далеких, холодных огней.

Я хотел уйти, бесшумно, как тень, как меня учили в гильдии. Но в тот самый момент, когда я сделал шаг назад, она повернулась.

— Ты здесь, — сказала она, и ее голос был как шелест сухих, осенних листьев под ногами. — Я знала, что ты придешь. Я чувствовала тебя.

Я почувствовал, как по спине пробегает ледяной холод, не имеющий ничего общего с температурой воздуха. В этом голосе не было угрозы, но было что-то чужое, нечеловеческое, что-то, что не укладывалось в рамки моего понимания. И в ее взгляде — четыре зрачка смотрели на меня одновременно, и я чувствовал, что они видят больше, чем я хотел бы показать, больше, чем я сам знал о себе.

— Я не хотел мешать, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хотя внутри меня все дрожало. — Я просто гулял. Не мог уснуть.

— Ты всегда гуляешь, когда не можешь уснуть, — ответила она, и в ее голосе появилась странная, почти человеческая мягкость, которая была еще более пугающей, чем ее холодная отстраненность. — Ты думаешь о брате. О том, что он сделал. О том, что он выбрал. О том, что ты сам должен сделать.

Я сжал кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони.

— Откуда ты знаешь? — спросил я, и мой голос прозвучал резче, чем я хотел. — Откуда ты знаешь о нем?

— Я знаю многое, — сказала она, делая шаг ко мне. Ее движения были плавными, бесшумными, как движение воды. — Я вижу то, что скрыто от других, то, что лежит за пределами времени. И я знаю, кто ты, Хелвард. Я знаю, чья кровь течет в твоих жилах, какая древняя, проклятая сила спит в твоей душе.

Она остановилась в нескольких шагах от меня, и я увидел ее лицо в полном свете луны. В нем не было злобы, не было угрозы, только странное, древнее, всепонимающее спокойствие, которое было старше любого человека, любой цивилизации.

— Ты — наследник, — сказала она, и каждое ее слово падало в тишину, как камень в темную воду. — Потомок тех, кого император пытался подчинить себе. Тех, над кем он ставил свои бесчеловечные опыты, пытаясь создать идеальное оружие, которое могло бы победить даже богов.

Я почувствовал, как земля уходит из-под моих ног, как реальность начинает расплываться, терять четкость.

— Что ты знаешь об этом? — спросил я, и мой голос был хриплым, как у человека, который только что увидел призрака.

— Все, — ответила она, и ее голос был тих, но тверд. — Империя Нетерас пала, но ее тени остались. Ее знания, ее проклятия, ее кровь. Тьма, которую создал император своими безумными экспериментами, не умерла. Она ждала. Она росла, питаясь ненавистью и страхом, которые люди производят в избытке. И теперь она вернулась, готовая поглотить все.

Она повернулась к звездам, и в ее голосе появилась странная, щемящая ностальгия, как у того, кто вспоминает мир, которого уже нет.

— Ты видел их, — сказала она. — Тех, кто напал на вас у скал. Тех, кто был похож на меня, но не был мной. Это дикие результаты изменений, неудачные эксперименты. Те, кто не выдержал силы крови, кто был сломлен ею. Они не говорили. Они не думали. Они только служили своей темной, бессмысленной цели.

— Ты — одна из них? — спросил я, и мой голос дрожал. — Ты тоже результат эксперимента?

— Я — результат другого эксперимента, — ответила она, и в ее голосе послышалась странная, печальная гордость. — Того, что был завершен. Того, что дал результат. Я — память империи. Я — страж, оставленный здесь, чтобы наблюдать. Я — та, кто видит нити времени, которые переплетаются и обрываются.

Она повернулась ко мне, и ее четыре зрачка встретились с моими глазами, пронзая меня насквозь.

— Ты боишься, — сказала она, и в ее голосе не было осуждения, только констатация факта. — Ты боишься того, что ты — наследник. Ты боишься, что станешь таким же, как император, что тьма, живущая в его крови, проснется в тебе. Но ты не станешь. Потому что ты выбрал другой путь.

— Откуда ты знаешь? — спросил я, чувствуя, как слова застревают в горле, как слезы жгут глаза.

— Я вижу, — ответила она, и ее голос стал мягче. — Я вижу твои выборы, Хелвард. Они ведут тебя к свету. Даже когда ты думаешь, что идешь во тьму. Даже когда ты сомневаешься в себе.

Она протянула руку, и я увидел ее пальцы — длинные, тонкие, с бледной, почти прозрачной кожей, на которой, словно татуировки, светились призрачные, переливающиеся узоры, похожие на те, что я видел на ее запястье.

— Ты будешь править, Хелвард, — сказала она, и в ее голосе зазвучала пророческая, непреложная сила. — Не как император, не как тиран. Как тот, кто принесет перемены в этот мир. Как тот, кто сможет объединить то, что было разделено. Но для этого ты должен пройти испытания. Ты должен доказать, что достоин этой ноши.

— Я докажу, — сказал я, чувствуя, как в груди, среди страха и сомнений, загорается новая, холодная решимость. — Я сделаю все, что нужно.

Она улыбнулась, и в этой улыбке была странная, древняя печаль, как у существа, которое видело рождение и гибель бесчисленных миров.

— Тогда иди, — сказала она. — Драконы ждут тебя. Они решают, какую ставку сделать.

Она развернулась, и в следующее мгновение ее уже не было — она исчезла в темноте, растворилась в тенях, как дым, оставив после себя только легкий, едва уловимый запах древней пыли и сухих трав.

Я смотрел ей вслед, чувствуя, как ее слова оседают в моей душе, как камни, брошенные в глубокий, темный колодец. Я знал, что не забуду этого разговора, что он останется со мной навсегда, как шрам на память.

Я знал, что это был знак. Последний знак перед тем, как мы ступим на путь, с которого нет возврата.

Я должен был идти вперед. К драконам. К испытаниям. К моей судьбе.

И я был готов.

Глава 17: Утренние сборы и прощание с прошлым

Утро встретило нас серым, тяжелым, свинцовым небом, которое, казалось, давило на землю своей бесконечной, неподъемной тяжестью. Лагерь ожил задолго до рассвета, еще когда звезды не погасли на небе — солдаты сворачивали мокрые от росы палатки, седлали уставших лошадей, проверяли оружие, затягивали ремни, и в каждом их движении чувствовалась та особая, профессиональная торопливость, которая бывает перед долгим, опасным маршем. Воздух пах дымом догоревших костров, сыростью, конским потом и тем особым, напряженным предчувствием, которое всегда предшествует движению вперед.

Я стоял у своей палатки, проверяя снаряжение, затягивая подпруги на седле, чувствуя, как утренний холод пробирается под одежду. Клятва на запястье пульсировала ровно, спокойно — Халлас был далеко, но я чувствовал его присутствие, как тепло, которое не гаснет даже в самую лютую стужу. Он был жив. Он был с ней. И это придавало мне сил, хотя внутри меня все еще жил ледяной, липкий страх. Страх того, что мы не успеем. Страх того, что драконы отвергнут нас. Страх того, что я не смогу быть тем, кем должен быть.

Из соседней палатки донеслись голоса. Сначала тихие, потом все громче, все резче. Я узнал голос Розы — резкий, холодный, с металлическими нотками, которые появлялись, когда она была взвинчена до предела. И второй голос. Мужской. Насмешливый, снисходительный, полный той особой, аристократической спеси, которая бывает только у тех, кто никогда не знал нужды.

Я подошел ближе, чтобы увидеть, что происходит.

Роза стояла у входа в свою палатку, скрестив руки на груди, и ее лицо было бледным, как мел. Напротив нее стоял высокий, стройный эльф в черных, сияющих доспехах рода Фольш. Его лицо было красивым, аристократичным, с правильными, точеными чертами, но в глазах, холодных и насмешливых, горело высокомерие, которое, казалось, было высечено в самой его крови. Я узнал его — один из младших сыновей Герьера Фольша, тот самый, кто считал полукровок ошибкой природы, пятном на чистоте эльфийской расы.

— Упрямая девчонка, — сказал он, и его голос был полон ледяного презрения. — Ты думаешь, что сможешь пройти через земли демонов и выжить? Ты думаешь, что драконы, древнейшие из существ, примут тебя, полукровку? Ты даже не знаешь, кто твой отец — человек или эльф, или еще какая-то тварь. Ты погибнешь там, в горах. И никто не будет оплакивать тебя. Ты никому не нужна.

Роза смотрела на него с ледяным спокойствием, но я видел, как ее пальцы сжались в кулаки, как побелели костяшки.

— Это не твое дело, — ответила она, и ее голос был ровен, как поверхность замерзшего озера. — Иди своей дорогой, молодой господин. Я сама решу, как мне жить и где умирать.

— Ты — позор нашего рода, — сказал эльф, делая шаг вперед, и его голос стал еще холоднее. — Ты должна была умереть еще в детстве, когда твоя мать-полукровка родила тебя, позорное отродье. Твой отец спас тебя, пожалел, как слепого щенка, а ты принесла ему только смерть. Он погиб из-за тебя.

Я увидел, как эти слова ударили Розу, как физический удар. Ее лицо, обычно такое спокойное и непроницаемое, побелело до синевы, и в глазах мелькнула такая острая, незащищенная боль, что у меня сжалось сердце. Но она не отступила, не опустила головы.

— Я не позволю тебе оскорблять его память, — сказала она, и в ее голосе зазвенела сталь, острее любого клинка. — Мой отец был лучше, чем ты и весь твой род, вместе взятые. Он был человеком чести.

— Чести? — усмехнулся эльф, и в его ухмылке было столько злобы, что воздух вокруг, казалось, сгустился. — Его честь запятнана тобой, позорным отродьем. Ты — полукровка, Роза. Ты никогда не будешь одной из нас. Ты никогда не будешь принята. Никем.

И в этот момент он ударил ее. Пощечина звонко, как выстрел, разнеслась по утреннему лагерю, заставляя людей обернуться. Голова Розы дернулась в сторону, и на ее бледной щеке вспыхнул яркий, красный след.

Я шагнул вперед, готовый вмешаться, но Роза была быстрее. Она развернулась с кошачьей грацией и сделала резкую, точную подсечку, сбивая эльфа с ног. Тот с глухим, тяжелым стуком упал на промерзшую, грязную землю, и его красивое лицо исказилось от гнева и унижения.

— Я обойдусь без вашей заботы, молодой господин, — сказала она, глядя на него сверху вниз, и в ее голосе не было ни страха, ни сомнения. — У меня есть свои друзья, свой путь и своя честь. И я не позволю тебе и твоей грязной спеси унижать меня. Никогда.

Эльф поднялся, отряхиваясь, его лицо было красным от ярости. Он хотел что-то сказать, но я шагнул между ними, вставая перед Розой, как щит.

— Довольно, — сказал я, и мой голос был холоден, как лед в зимнюю ночь. — Ты не имеешь права трогать ее. Она — часть нашей команды, часть нашей семьи. И я не позволю тебе оскорблять ее, ни словом, ни делом.

Эльф посмотрел на меня, и в его глазах мелькнула ненависть, глубокая и древняя. Но он промолчал, развернулся и ушел, его шаги были резкими и злыми, оставляя за собой грязные следы на сырой земле.

Роза стояла неподвижно, ее плечи дрожали, хотя она пыталась их удержать. Я подошел к ней и положил руку на плечо, чувствуя, как оно напряжено, как под кожей бьется жилка.

— Ты в порядке? — спросил я, и мой голос был мягок.

— Я в порядке, — ответила она, но я видел, что она дрожит, что в ее глазах — не пролитые слезы. — Я просто... я просто ненавижу их. Всех их. Этих чистокровных эльфов, которые считают себя лучше всех, которые смотрят на меня, как на грязь под ногами.

— Ты сильнее их, — сказал я, и в моем голосе была уверенность, которой я сам не ожидал. — Ты прошла через то, что им и не снилось. Ты — воин. Ты — герой. Ты — та, кто сражается за правду, а не за титулы.

Она подняла голову и посмотрела на меня. В ее глазах, глубоких и усталых, блеснули слезы, которые она не могла сдержать.

— Ты правда так думаешь? — спросила она, и ее голос дрогнул.

— Я знаю это, — ответил я. — И я буду рядом, Роза. Что бы ни случилось. Ты не одна.

Она кивнула, и я увидел, как ее плечи расправляются, как в ее глазах, сквозь слезы, загорается тот стальной, негнбимый огонь, который я так любил в ней.

— Спасибо, — сказала она тихо. — Мне нужно собраться.

Она вошла в палатку, и я остался стоять у входа, чувствуя, как гнев все еще бурлит в моей крови, как ненависть к этой древней, чванливой спеси сжигает меня изнутри.

Через час мы уже двигались к горам. Отряд выстроился в длинную колонну, и мы ехали через серые, покрытые мхом и лишайником скалы, где ветер, пронизывающий и холодный, носил обрывки тумана, как призрачные саваны. Впереди нас ждали драконы. Позади — прошлое.

Роза ехала рядом со мной, и я чувствовал, что она все еще взволнована, но в ее глазах, устремленных вперед, горела та стальная, негнбимая решимость, которую я видел в ней с самого начала, когда мы только встретились в башне Глеотхайна.

Я не видел, как эльф, тот самый, что оскорблял ее, подошел к ее лошади, когда она на мгновение отвернулась, чтобы поправить подпругу. Я не видел, как он, с ловкостью, которую трудно было заподозрить в аристократе, сунул в ее седельную сумку небольшую, изящную диа-

дему из светлого, полированного металла с мерцающим, голубым камнем в центре. Но я почувствовал что-то странное, какое-то шевеление в воздухе, холодок, пробежавший по спине.

Я обернулся, но никого не увидел. Только седой, сгорбленный эльф исчезал в клубах утреннего тумана, как призрак, как дурной сон.

Мы ехали дальше, и я смотрел на Розу, которая не подозревала о том, что у нее в сумке лежит подарок, о котором она не просила и который мог оказаться ловушкой.

— Что-то не так? — спросила она, заметив мой взгляд.

— Все в порядке, — ответил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Просто думаю о том, что нас ждет впереди.

Она улыбнулась, и в этой улыбке, несмотря на усталость и пережитую боль, была теплота.

— Мы справимся, — сказала она. — Мы всегда справлялись.

Я кивнул, чувствуя, как ее слова оседают в моей душе. Мы ехали дальше, к драконам, к испытаниям, к будущему.

И я знал, что мы будем вместе. До самого конца.

Глава 18: Путь в небесах

Отвесная стена поднималась перед нами, уходя в низкие, свинцовые тучи, которые, казалось, давили на мир своей бесконечной тяжестью. Она была гладкой, как стекло, но в то же время шершавой, как наждак, покрытой тысячами мелких трещин и выступов, за которые можно было зацепиться. Драконьи горы не дарили легких путей — они испытывали на прочность каждого, кто осмеливался бросить им вызов, и эта проверка была жестче любого боя.

Магия здесь умирала. Я чувствовал это как ледяной холод в груди, как пустоту там, где раньше пульсировала сила, как тишину там, где всегда звучал голос моей крови. Молнии, которые всегда были продолжением моей воли, частью моего естества, теперь молчали, и я чувствовал себя обнаженным, как меч без рукояти, как птица без крыльев. Хуже всего было то, что клятва на запястье тоже притихла, став лишь бледным, почти невидимым узором на коже, словно спящая змея, свернувшаяся в клубок.

— Магия не работает, — сказал Глеотхайн, и в его голосе я услышал тревогу, которую он тщательно старался скрыть за маской спокойствия. — Драконы не любят, когда кто-то пытается использовать чужие силы на их территории. Это их дом, их правила. Придется полагаться только на себя, только на свои руки и ноги.

— Чудесно, — проворчал Рикус, глядя на отвесную, уходящую в небо стену. Его огромные руки сжались в кулаки. — Просто чудесно. Я думал, мы хотя бы немного отдохнем.

Мы начали подъем.

Первые метры дались легко, хотя я и чувствовал, как непривычно тяжело двигаться без магии, без той внутренней поддержки, к которой я привык за долгие годы. Мои руки, привыкшие к заклинаниям и молниям, теперь цеплялись за холодный, шершавый камень, и я чувствовал, как острые края впиваются в ладони, оставляя глубокие, кровоточащие царапины. Но я не мог остановиться. Я не мог сдаться. Слишком многое зависело от этого подъема.

Тельма шла впереди, и ее сила и выносливость, врожденные, звериные, были впечатляющими. Она карабкалась по скале, как горный козел, находя опору там, где другие видели только гладкую стену. Но даже она дышала тяжело, и я видел, как ее мускулистые руки дрожат от напряжения. Роза закрепляла веревки, вбивая стальные крюки в трещины, и ее движения были точными, отточенными, но даже в них чувствовалась усталость. Гасмель и Алмерик помогали Сириль, которая была слишком слаба, чтобы ползти самостоятельно, — ее тонкие, хрупкие руки дрожали, когда она цеплялась за камни. Гертеймах держался позади, его глаза были закрыты, и он что-то тихо шептал — возможно, молитву, возможно, обращался к тем, кого уже не было.

Веревки скрипели, натягиваясь до предела, крюки срывались, оставляя глубокие царапины на камнях, и каждый раз, когда это случалось, у меня сердце уходило в пятки. Где-то внизу, далеко под нами, клубился серый, густой туман, скрывая пропасть, и если кто-то сорвется, он разобьется насмерть. Мы все знали это.

На середине подъема один из крюков сорвался. Гасмель, который нес самый тяжелый груз — свой молот и запас провизии, — пошатнулся и едва не упал, его ноги соскользнули с узкого выступа. Я успел схватить его за руку, и мы застыли на мгновение, балансируя на грани, чувствуя, как ветер пытается сорвать нас вниз.

— Держись! — крикнул я, и мои пальцы, уже окровавленные, впились в его запястье с такой силой, что побелели суставы. — Я держу тебя!

— Ты... почти уронил меня! — прорычал гном, но в его голосе, несмотря на гнев, была благодарность, которую он не мог скрыть.

Я помог ему найти опору, вбить новый крюк в скалу, и мы продолжили подъем. Мои руки были в крови. Ногти сломаны, пальцы дрожали от напряжения. Но я не мог остановиться. Я не имел права.

Я смотрел вверх, пытаюсь найти путь, но камень был однородным, холодным, безжизненным. Он не давал подсказок, не показывал слабых мест. Только гладкая, словно полированная поверхность, уходящая в бесконечность.

— Халлас, — прошептал я, закрывая глаза на мгновение, чтобы собраться с силами. — Если бы ты был здесь, ты бы нашел путь. Ты всегда находишь. Ты — кот, ты видишь в темноте то, что другие не замечают.

Я чувствовал, как слова застревают в горле. Он был далеко — с ней, на другом фронте, сражался за свою любовь, за свой выбор. Но я знал, что он чувствует меня, что клятва, связывающая нас, жива, даже если она притихла в этом проклятом месте.

И вдруг я почувствовал его. Теплое, знакомое присутствие, которое всегда появлялось, когда он думал обо мне, когда он чувствовал мою нужду. А потом — его голос. Не слова, не звуки, а образы. Ощущения. Инстинкты, которые он передавал мне, как эстафету.

Смотри внимательно, — говорил он без слов. — Не спеши. Изучай. Анализируй. Включи свои звериные инстинкты. Они не подведут.

Я открыл глаза и посмотрел на стену. Сначала я не видел ничего. Только камень, серый и холодный, и туман, плывущий вниз. Но потом, приглядевшись, напрягая зрение до предела, я заметил едва различимые изменения в рельефе. Там, где камень казался ровным, я увидел почти незаметную структуру, тонкие, едва заметные линии, сливающиеся с породой. Они были похожи на трещины, но не случайные — они шли зигзагом, уводя вверх, словно кто-то, очень давно, специально вырезал их в скале.

— Я нашел, — сказал я, и мой голос дрогнул от облегчения. — Я нашел путь. Смотрите сюда, за мной.

Мы начали двигаться по едва заметному отступу, который я разглядел. Он был узким, едва шире ступни, и каждый шаг требовал предельной концентрации, каждого мускула, каждого нерва. Но он вел вверх. Он давал нам шанс.

Я думал о Халласе. О том, как он смотрел бы на эту скалу, как он улыбнулся бы, когда нашел путь, как он сказал бы: «Я же говорил, коты всегда находят дорогу». Эта мысль согревала меня, придавала сил, когда они уже, казалось, были на исходе.

— Спасибо, — прошептал я, чувствуя, как слезы жгут глаза, смешиваясь с потом и кровью. — Спасибо, брат.

И я полез дальше. Пальцы в кровь, ногти сломаны, но я не останавливался. Я не мог.

Через несколько часов, показавшихся вечностью, мы добрались до вершины. Я упал на колени, чувствуя, как земля, твердая и холодная, касается моего лица, и тяжело дышал, глотая разреженный горный воздух. Я смотрел на скалы, оставшиеся внизу, на туман, который теперь стелился далеко под нами, и чувствовал, как внутри меня разливается усталая, но сладкая радость. Мы сделали это. Мы прошли путь, который казался невозможным.

Роза подошла ко мне, ее лицо было бледным и уставшим, но в глазах горел тот же огонь, что и у меня. Она положила руку на мое плечо, и я почувствовал тепло, которое согревало меня изнутри.

— Мы справились, — сказала она, и в ее голосе была усталость, смешанная с гордостью.

— Мы справились, — повторил я, чувствуя, как слова оседают в моей душе, как тепло, которое разгоняет холод.

Я посмотрел вперед, туда, где в клубах тумана угадывались очертания драконьего города — высокие, изящные башни, вырезанные из самого камня, огромные арки, ведущие в неизвестность. Впереди нас ждали испытания, которые могли сломать нас или сделать сильнее.

Но я знал, что мы готовы. Потому что мы были вместе. И потому что Халлас был с нами, даже когда был далеко.

Глава 19: Стены и тени

Стены крепости графа Варша дрожали под ударами тяжелых, окованных железом осадных таранов, и этот гул, глухой и ритмичный, проникал в самую душу, заставляя сердце биться в такт с каждым ударом. Воздух был пропитан запахом серы, горящей смолы, крови и того особенного, металлического привкуса страха, который всегда предшествует падению. Я стоял на зубчатой стене, сжимая в окровавленных перчатках обломок копья — мой собственный альдер сломался час назад, пронзив череп тролля — и смотрел вниз, на бесконечную, кишашую волну тварей, что накатывала на наши укрепления, как море на скалы.

— Слева прорыв! — крикнул кто-то, и я увидел, как тролли, огромные и неуклюжие, начали взбираться по стене, их толстая, каменная кожа не боялась ни стрел, ни копий. Они лезли, как пауки, их тяжелые лапы впивались в камни, оставляя глубокие борозды.

— Лучники, к левой стене! — голос Лавии разнесся над крепостью, звонкий и пронзительный, как удар боевого колокола. Она стояла на самой высокой башне, ее темные волосы развевались на ветру, и в ее руках был длинный, изогнутый лук, каждая стрела которого находила цель с пугающей точностью. — Маги земли, укрепляйте основание! Жрецы Хитхел, заживляйте раненых!

Я видел, как она руководит битвой, как ее голос проникает в самую суть сражения, заставляя солдат действовать с точностью отлаженного механизма. Она была рождена для этого. Для войны. Для командования. И я гордился тем, что стою рядом с ней, что она позволила мне быть частью ее мира.

— Халлас! — крикнула она, заметив меня на стене. — Там, у южной башни, прорыв! Они поднимаются по трупам своих же! Останови их!

Я рванул к южной стене, не разбирая дороги, перепрыгивая через раненых и убитых, через обломки камней и оружия. Когти альдера, единственное оружие, что у меня осталось, впивались в камни, давая мне устойчивость и скорость. Демоны уже лезли на стену — гоблины с желтыми, хищными клыками, тролли с тяжелыми дубинами, огромные, покрытые чешуей звери с шестью конечностями, на которых сидели всадники, укутанные в темные, рваные ткани. Те самые существа, похожие на Адерье, но дикие, первобытные, лишённые разума. Их шесть рук сжимали мечи, копья и тяжелые, звенящие цепи, и они рубили наших солдат, как траву, без жалости, без остановки.

Я врезался в толпу тварей, разрывая их своими когтями. Один удар — голова гоблина отделилась от тела и покатила по камням. Второй — когти вспороли горло тролля, и черная, густая кровь хлынула на мои руки. Третий — я увернулся от копья и вонзил когти в грудь всадника, сбрасывая его с седла. Кровь заливала мои перчатки, делая их скользкими, но я не останавливался.

— Держаться! — крикнул я, и мой голос сорвался от напряжения. — Не дайте им пройти! Держите строй!

Наши солдаты сражались отчаянно. Паладины в серебряных, сияющих доспехах стояли стеной, их мечи сверкали в полумраке, сжигая демонов священным огнем, и каждый их удар был благословением. Маги земли поднимали тяжелые, каменные барьеры, закрывая проломы и обрушивая стены на головы врагов. Жрецы Хитхел читали молитвы, и их руки, воздетые к небу, светились мягким, золотистым светом, заживляя раны и возвращая силы уставшим воинам.

Где-то в центре битвы я увидел Варша. Он сражался, как бешеный, его рапира танцевала в воздухе, сверкая, как молния, и каждый его удар находил цель с хирургической точностью. Он был спокоен и смертоносен, как сама смерть, и враги падали перед ним, как скошенная трава.

— Держать строй! — крикнул он, отрубая голову очередному троллю. — Они устают! Мы не дадим им пройти!

Но я знал, что это неправда. Они не уставали. Они шли волна за волной, бесконечно, и каждая волна была сильнее предыдущей, отчаяннее.

Я отступил к башне, где стояла Лавия. Ее лук уже опустился, и она смотрела на поле боя, на бесконечную, кишашую массу врагов. Ее лицо было спокойным, но я видел, как ее руки дрожат, как пальцы сжимают лук с такой силой, что побелели суставы.

— Их слишком много, — сказала она, и в ее голосе, обычно таком твердом, послышалась усталость, которую она не могла скрыть. — Мы не сможем держаться долго. Нам нужны подкрепления.

— Мы должны, — ответил я, подходя к ней и кладя руку на ее плечо, чувствуя, как она дрожит. — Мы не можем отступить. Если мы падём, враг выйдет на равнины. Они сожгут все.

— Я знаю, — сказала она, и в ее глазах, сапфировых и глубоких, зажглась та стальная, негибкая решимость, которую я так любил в ней. — Поэтому я пошлю вестников в другие крепости. Нам нужна помощь, Халлас. Любая помощь.

Она повернулась к посыльному, который стоял рядом, бледный и дрожащий.

— Передай королю: мы держимся, но нужны подкрепления. Если мы падём, враг выйдет на равнины. Скажи ему, что мы продержимся столько, сколько сможем, но время уходит.

Посыльный кивнул, его лицо было серьезным, и исчез в клубах дыма и пыли.

Тем временем, в черных, пропитанных холодом шатрах за армией демонов, царила звенящая, пугающая тишина. Королева Демонов, Рува Вайте, сидела на троне из черного, вечного льда, и ее золотые глаза, горящие, как два солнца в пустоте, смотрели на карту, что пульсировала перед ней на жидком кристалле. Вокруг нее стояли ее генералы — черные рыцари в тяжелой, обсидиановой броне, маги, чьи лица были скрыты глубокими капюшонами, и древние существа, чьи имена были забыты даже богами, чьи формы были слишком чудовищными, чтобы их можно было описать.

— Они держатся, — сказал один из генералов, и его голос был глухим, как звук из глубины могилы, как скрежет камня о камень. — Южане сильны. Их вера дает им силы.

— Они сильны, но они устают, — ответила Рува, и в ее голосе была странная, почти материнская печаль, которая пугала больше, чем любой гнев. — Они сражаются за то, во что верят. За свои семьи, за свои дома, за своих богов. И это делает их опасными.

Она поднялась с трона, и ее движение было плавным, текучим, как вода. Она подошла к карте, и ее бледные, длинные пальцы коснулись крепости Варша, и я почувствовал, как холод исходит от ее прикосновения, проникает сквозь кристалл, сквозь расстояние.

— Но даже вера не спасет их, — сказала она, и ее голос стал тверже. — Они не знают, что мы только начали. Что все их победы — лишь прелюдия.

Она повернулась к своим генералам, и в ее глазах зажглась та холодная, страшная искра, которая заставляла падать на колени даже самых древних демонов.

— Приготовьте вторую волну, — сказала она. — И пусть они увидят, что значит противостоять тьме. Пусть увидят, что такое настоящий страх.

На стенах крепости я чувствовал, как силы покидают меня, как усталость застилает глаза, как руки начинают дрожать. Лавия стояла рядом, и я видел, как она устала, как ее плечи опускаются, но она не сдавалась. Она стояла, как скала, как символ надежды для всех нас.

— Держись, — сказал я, и мой голос был тих, но тверд. — Мы продержимся. Мы не дадим им пройти.

Она посмотрела на меня, и в ее глазах, сапфировых и усталых, зажглась искра надежды.

— Мы продержимся, — повторила она.

И мы продолжали сражаться. За себя. За друг друга. За мир, который мог быть спасен.

Глава 20: Клинки прошлого

Крепость стонала. Стены трещали под чудовищным напором осадных орудий, маги земли падали от истощения один за другим, их лица были бледны, как у мертвецов, жрецы Хитхел уже не успевали заживлять раны — слишком много было раненых, слишком много мертвых, слишком много боли. Воздух звенел от криков, лязга металла, воя демонов и стоны умирающих. Твари лезли на стены, как муравьи на падаль, и каждый раз, когда мы сбрасывали одну волну, на ее место приходила другая, более многочисленная, более отчаянная.

Лавия стояла на башне, и я видел, как ее плечи опускаются, как в ее глазах, сапфировых и глубоких, появляется то, чего я никогда не видел раньше. Отчаяние. Чистое, холодное, всепоглощающее отчаяние.

— Мы не сможем держать долго, — сказала она, и ее голос был тих, почти безжизнен, как у человека, который уже смирился с концом. — У нас нет подкреплений. У нас нет магии. У нас есть только сталь, вера и надежда, а они уже почти иссякли.

Я подошел к ней, чувствуя, как усталость наваливается на меня тяжелым, свинцовым грузом. Мои руки дрожали, кровь засохла на перчатках альдера, и я чувствовал, что еще один удар, еще одна волна — и я упаду.

— Мы держимся, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно, хотя внутри меня все дрожало. — Мы не сдадимся. Пока я жив, мы не сдадимся.

Но она не смотрела на меня. Она смотрела вдаль, туда, где черные шатры Королевы Демонов виднелись на горизонте, как грозовые тучи, нависшие над миром.

— Я помню, — сказала она тихо, словно говорила сама с собой, словно забыла, что я рядом. — Перед отъездом дедушка дал мне кое-что. Он сказал: «Если поймешь, что ситуация критическая, достань их. Или отдай тому, кто ради тебя готов умереть. Тому, кому ты доверишь больше всего».

Она повернулась ко мне, и в ее глазах, сквозь отчаяние, я увидел странную, почти болезненную искру. Она протянула руку к поясу и достала два клинка. Они были черными, как безлунная ночь, с тонкими, серебряными прожилками, которые пульсировали слабым, едва заметным светом, как вены древнего, спящего существа. На рукоятях были выгравированы древние, сложные руны, которые я никогда не видел, и я чувствовал, как от них исходит сила — холодная, древняя, нечеловеческая, пронизывающая самую суть бытия.

— Возьми их, — сказала она, протягивая клинки мне. — Ты тот, кто ради меня готов умереть.

Я взял клинки, и в тот момент, когда мои пальцы коснулись холодных, гладких рукоятей, я почувствовал, как по моему телу пробегает ледяной ток. Но не тот, что приносит боль или страх. Это был холод силы, древней и чистой, которая пробуждалась глубоко внутри меня, в той части души, о которой я даже не подозревал.

И в этот момент из клинков поднялась тьма. Она вырвалась из их глубин, как черный туман, как дым, обжигающий дыханием древнего огня. Она окутала меня, как плащ, как вторую кожу, и я почувствовал, как силы, казавшиеся навсегда ушедшими, возвращаются ко мне, как усталость уходит, сменяясь странной, первобытной энергией, которая пульсировала в каждой клетке моего тела. Тьма пульсировала вокруг меня, и я чувствовал, что могу управлять ею, могу повелевать ею.

Из клинков раздался голос. Глухой, древний, скрипучий, как звук открывающейся каменной гробницы, как шепот мертвых, доносящийся из глубин веков.

— Я готов служить вам, — сказал голос, и в нем слышалась странная, почти бесконечная усталость. — Отдайте приказ.

Я замер. Вокруг меня, словно сотканная из самой ночи, появилась фигура. Человек? Тень? Призрак? Я не знал. Она была высокой, худой, почти прозрачной, ее лицо скрывала глубокая тень, а глаза горели холодным, серебряным светом, как две звезды, упавшие с неба.

— Кто ты? — спросил я, и мой голос прозвучал хрипло, как у человека, который только что увидел призрака.

— Я — Крос, — ответила фигура, и в ее голосе было эхо, которое, казалось, доносилось из самой глубины времен, из мира, который давно исчез. — Я — тень, оставленная в этих клинках. Я — часть прошлого, ушедшего в века. И, возможно, я — часть вашего будущего.

Тьма вокруг меня начала двигаться. Она тянулась ко мне, обнимала меня, как мать, как древняя, забытая сила, и я чувствовал, как она дает мне силу, наполняет меня энергией, которая была старше самой империи, старше богов. Я поднял клинки, и они засветились ярким, серебряным светом, отражая тьму, которая окутывала меня.

— Идем в бой, — сказал я, и мой голос был тверд, как сталь, как древний камень.

Тьма взорвалась вокруг меня. Она вырвалась из клинков, как черная, бурная река, и хлынула на стены, на демонов, на их всадников и личей. Она пожирала их, как голодный зверь, оставляя только пепел и пустоту.

Я двигался сквозь битву, и тьма следовала за мной, как верный пес. Я видел лица врагов, искаженные страхом, когда они понимали, что не могут противостоять этой силе, что она выше их понимания. Гоблины падали, тролли обращались в прах, черные маги кричали, когда тьма высасывала из них жизнь, оставляя пустые, высохшие оболочки.

Я не знал, что это за сила. Я не знал, что за существо скрывается в клинках. Но я чувствовал, что она была старше, чем любая империя, древнее, чем сами боги. Возможно, она была частью самого мира, его темной, первобытной душой.

И в этот момент я увидел его.

В центре поля, среди руин, обломков камня и трупов, стоял огромный орк. Его кожа была темной, как уголь, как сама ночь, его глаза горели ярко-красным, как раскаленные угли, а в его руках, огромных и мускулистых, он сжимал массивный, черный топор, сверкающий в полумраке кровавым, багровым светом. Он был высоким, как великан, и в его фигуре чувствовалась сила, способная сокрушить горы, разорвать небо.

— Так, так, — сказал он, и его голос был подобен грому, сотрясающему небеса. — Букашка. Ты пришел ко мне сам. Я — Куштул. Приму бой. Приму смерть.

Он поднял топор, и я почувствовал, как дрожит земля под его ногами, как воздух вокруг него начинает искриться от напряжения.

Я поднял клинки, и тьма вокруг меня сгустилась, образуя невидимую броню, защищающую меня от любого удара. Я знал, что это будет самая тяжелая битва в моей жизни, самая важная. Но я был готов.

— Прими, — сказал я, и рванул вперед.

Клинки встретились с топором, и искры разлетелись во все стороны, ослепительные и горячие. Сила удара была такой, что я отлетел на несколько шагов, но не упал. Тьма держала меня, давая мне устойчивость, не позволяя упасть.

— Сильный, — усмехнулся Куштул, и в его голосе слышалось удивление, смешанное с уважением. — Но недостаточно сильный.

Он атаковал снова, и я едва успел увернуться. Его топор врезался в землю, оставляя глубокую, дымящуюся трещину. Я в ответ ударил клинками, и тьма вырвалась из них, обжигая кожу орка, оставляя на ней черные, тлеющие следы. Он зарычал, и в его глазах мелькнуло удивление, смешанное с яростью.

— Что это за сила? — спросил он, и его голос сорвался на рев.

— Сила прошлого, — ответил я, чувствуя, как слова сами слетают с губ, как древняя мудрость течет сквозь меня. — Сила, которая будет жить вечно.

Мы снова схлестнулись, и бой был яростным, смертоносным. Я знал, что не могу проиграть. Слишком многое зависело от этой битвы. Слишком много жизней, слишком много надежд.

Я ударил снова, и на этот раз клинки пробили его защиту. Тьма, пульсирующая и живая, вонзилась в его грудь, и он закричал, когда она начала пожирать его изнутри, пожирать его силу, его жизнь, его душу.

— Нет! — закричал он, падая на колени, и его голос сорвался на предсмертный хрип. — Это невозможно!

— Все возможно, — сказал я, и мои клинки опустились в последний раз.

Куштул упал лицом вниз, и его тело начало рассыпаться, превращаясь в серый, безжизненный пепел, который уносил ветер.

Я стоял над ним, тяжело дыша, и чувствовал, как тьма вокруг меня начинает угасать, как сила уходит, оставляя только усталость, боль и пустоту.

Но я выжил.

Я повернулся и посмотрел на стены крепости. Там, на башне, стояла Лавия. Она смотрела на меня, и в ее глазах, сапфировых и глубоких, была гордость, любовь и облегчение.

Я улыбнулся, чувствуя, как в груди разливается тепло, согревающее даже в этом ледяном мире.

— Я вернулся, — прошептал я, и ветер унес мои слова в ночь, в бесконечность.

Глава 21: Слезы старого кота

В башне поместья Гесингеров, в старом кабинете, где стены были увешаны древними, выцветшими картами и портретами предков, граф Фальтер Гесингер сидел у камина. Огонь, весело потрескивая, отбрасывал на его лицо длинные, пляшущие тени, и в этих тенях он казался еще старше, еще более одиноким, чем обычно. Его янтарные глаза, обычно такие холодные и цепкие, сейчас смотрели в пустоту, и в них была такая глубокая, вековая тоска, что даже воздух вокруг него, казалось, застывал.

Он видел, как Крос исчез в тени, растворился в темноте, как дым. Слуга, его тень, его ассасин, которого он послал следить за внучкой, вернулся. Он не сказал ни слова, но граф знал. Это был знак. Знак того, что Лавия достала клинки, что она вступила в бой, что она в опасности, что он больше не мог защитить ее, как в детстве.

— Девочка моя, — прошептал граф, и его голос был хриплым, как скрип старого, больного дерева, как шелест сухих листьев под ногами. — Выживи. Пожалуйста, выживи.

Он медленно, с трудом поднялся из кресла и подошел к стене, где висел большой, в тяжелой золоченой раме портрет. На нем была изображена его семья. Он сам — молодой, гордый, с черной, блестящей шерстью и янтарными глазами, в которых еще не было той холодной, ледяной пустоты, что появилась позже, после всех потерь. Рядом с ним стояла Дина — его жена. Она улыбалась, и в ее улыбке была та теплота, та жизненная сила, которую он не мог забыть до сих пор, которая снилась ему каждую ночь. Ее рыжие волосы, ее глаза цвета меда, ее смех, который, казалось, до сих пор звучал в стенах этого старого, холодного дома.

Рядом с ними стоял их сын — молодой, сильный, с гордой осанкой и глазами, полными надежды. Его рука лежала на плече невестки, которая держала на руках маленькую, закутанную в белое девочку. Лавию. Ей тогда было всего несколько месяцев, она спала, безмятежная и невинная, не подозревая о той ноше, которая ляжет на ее плечи, о той судьбе, которая ждет ее.

Граф провел своей дрожащей, старческой рукой по стеклу, и его пальцы оставили на нем едва заметные, влажные следы.

— Дина, — прошептал он, и в его голосе была такая боль, такая тоска, что казалось, она разрывает его изнутри. — Я не смог защитить их. Я не смог защитить нашего сына. Я не смог защитить ее мать. Но я должен защитить ее. Я должен. Это мой долг, моя последняя надежда.

Он опустился на колени перед портретом, и его плечи, сухие и жилистые, начали трястись. Слезы, которые он сдерживал годами, десятилетиями, которые он прятал за маской холодного политика, наконец прорвались наружу. Они текли по его старой, изрытой морщинами морде, капали на пол, оставляя влажные пятна на старом, потертом ковре. Он не пытался их скрыть.

— Я так скучаю по тебе, — сказал он, и его голос сорвался на рыдание. — Я так скучаю по всем вам. Я не знаю, сколько мне осталось, Дина. Я не знаю, смогу ли я увидеть ее снова. Но я молюсь. Я молюсь каждую ночь, чтобы она выжила. Чтобы она нашла свое счастье. Чтобы она не повторила моих ошибок.

Он закрыл глаза, и перед ним, в темноте, промелькнули воспоминания. Как он учил Лавию держать меч, когда ей было всего пять лет, и она едва могла поднять его. Как она впервые попала в цель из лука, и в ее глазах зажглась та гордая, победная искра. Как она смеялась, когда он рассказывал ей истории о старых героях, о великих битвах и о любви, которая побеждает смерть. Как она смотрела на звезды и говорила, что хочет увидеть весь мир, что хочет быть свободной.

— Ты сильная, — прошептал он, и его голос дрожал. — Ты всегда была сильной, Лавия. Но даже сильным нужна помощь. И я надеюсь, что тот, кто рядом с тобой, тот, кому ты доверилась, сможет дать тебе эту помощь. Сможет защитить тебя, когда я не могу.

Он снова посмотрел на портрет, на лица тех, кого любил и потерял, и его слезы продолжали течь, горячие и бесконечные.

— Я люблю тебя, Лавия, — сказал он, и его голос был тих, но тверд. — Я всегда любил тебя. И я буду ждать тебя. Сколько бы это ни заняло времени, сколько бы лет ни прошло.

Он остался стоять на коленях перед портретом, и в тишине кабинета, в этом мире старых книг и древних карт, слышно было только его тяжелое дыхание и потрескивание огня в камине. За окном, за толстыми каменными стенами, бушевала метель, завывал ветер, но он не обращал на это внимания. Он был занят самым важным делом в своей жизни. Он прощался. И надеялся.

А на поле боя, в крепости графа Варша, тьма вокруг меня начала рассеиваться. Клинки, которые я держал в руках, остывали, и я чувствовал, как сила, наполнявшая меня, уходит, оставляя только глубокую, всепоглощающую усталость и боль, которая пронизывала каждую клетку тела.

Голос Кроса раздался в моей голове в последний раз, тихий и далекий, как эхо:

— Я выполнил свой долг. Теперь я возвращаюсь в клинки, в свой вечный сон. Если я понадобится снова — позови. Но помни: каждый раз, когда ты используешь эту силу, ты платишь за нее. Частью себя. Частью своей души.

Тьма свернулась, как спящая змея, и исчезла в глубине клинков. Они снова стали просто оружием — черными, холодными, безжизненными. Я опустил их и посмотрел на поле боя. Демоны отступали, их ряды были сломаны, их вождь был мертв. Куштул был мертв, и его армия теряла порядок, превращаясь в разрозненные, паникующие группы. Наши солдаты, воспользовавшись моментом, начали теснить врага, добывая тех, кто не успел уйти.

Я повернулся к башне, где стояла Лавия. Она смотрела на меня, и в ее глазах, сапфировых и усталых, была гордость, облегчение и любовь.

— Мы победили, — сказал я, поднимаясь на стену, чувствуя, как ноги дрожат под тяжестью усталости.

— Ты победил, — ответила она, и в ее голосе была теплота, которую она редко позволяла себе на людях. — Ты спас нас всех, Халлас.

Я покачал головой, чувствуя, как слова застревают в горле.

— Мы победили, — повторил я. — Мы все. Каждый солдат, каждый воин, каждый, кто не сдался.

Она улыбнулась, и в этой улыбке было все. Счастье, надежда, любовь — все, что я искал в этом мире и нашел.

— Я знала, что ты справишься, — сказала она, и ее голос был тих. — Я всегда знала.

Я взял ее за руку, и мы стояли на стене, глядя на отступающих демонов, на поле боя, усеянное телами, на дым, который поднимался к небу. Ветер стихал, и тучи начали рассеиваться, открывая звезды, холодные и далекие, но такие прекрасные.

Где-то в башне поместья Гесингеров, старый кот утер слезы и медленно, с трудом поднялся с колен. Он посмотрел на портрет своей семьи, на лица, которые он носил в своем сердце столько лет, и в его глазах, все еще влажных, зажглась искра надежды.

— Она выжила, — прошептал он, и его голос дрогнул. — Она выжила.

Он подошел к окну, открыл тяжелую, дубовую раму и посмотрел на звезды, которые сияли в ночном небе над Амертой. Впервые за много лет, за долгие, холодные годы, он чувствовал, что мир не потерян. Что есть надежда. Что есть свет.

И он улыбнулся. Впервые за долгие годы.

Глава 22: Совет в черных шатрах

В черных шатрах, где воздух был пропитан холодом, исходящим из глубин самой земли, и древней, пульсирующей магией, которая, казалось, дышала в такт с биением темного сердца мира, Королева Демонов сидела на своем троне из обсидиана. Ее золотые глаза, яркие и пронзительные, как два солнца, застывшие в вечной ночи, горели в полумраке, отражая пламя свечей, которые горели странным, синим, неживым светом, не дающим тепла. Вокруг нее стояли ее генералы — черные рыцари в тяжелых, покрытых инеем доспехах, маги с лицами, скрытыми глубокими, бархатными капюшонами, и древние существа, чьи имена были забыты даже богами, чьи формы были слишком ужасными, чтобы их можно было описать словами.

На столе, вырезанном из цельного куска вечного, не тающего льда, лежала карта. На ней, пульсируя и переливаясь, были отмечены позиции войск, крепости, пути отступления и направления атак. Рува смотрела на карту, и в ее глазах, золотых и бездонных, была усталость, которую она не могла скрыть — глубокая, вековая усталость правителя, который несет на своих плечах судьбу своего народа.

— Они отбили нашу атаку, — сказала она, и ее голос был ровным, но в нем чувствовалась сталь, холодная и несгибаемая. — Куштул мертв. Его армия разбита, рассеяна, как прах.

— Мы не ожидали, что у них будет такая сила, — сказал один из генералов, и его голос был глухим, как звук из глубины могилы, как скрежет камня о камень. — Тот, кто сражался с Куштулом... он использовал что-то древнее. Что-то, что мы не можем понять. Что-то, что было старше нас.

— Я знаю, — ответила Рува, и в ее голосе появилась странная, почти задумчивая нотка, как у ученого, изучающего древний, забытый артефакт. — Я чувствовала это. Сила, которая была старше, чем наша империя. Старше, чем сами боги, которые создали нас. Она пришла из клинков, из прошлого, которое мы считали погребенным навсегда.

— Что мы будем делать? — спросил другой генерал, и в его голосе слышалась тревога, которую он не мог скрыть. — Мы не можем позволить им укрепиться. Если они получают подкрепления, если они смогут собраться с силами...

— Они их не получат, — перебила Рува, и в ее голосе зазвенела сталь, острее любого меча. — Мы не дадим им этой возможности. Никакой.

Она поднялась с трона, и ее движение было плавным, текучим, как вода, как сама тьма, из которой она была рождена. Она подошла к карте, и ее бледные, длинные пальцы, унизанные черными, пульсирующими кольцами, коснулись крепости Варша, и ледяной холод, исходящий от ее прикосновения, заставил кристалл на мгновение померкнуть.

— Мы должны пробиться, — сказала она, и ее голос стал громче, наполняя шатер силой, которая, казалось, сотрясала саму ткань реальности. — Мы должны захватить крепость. У нас нет другого выбора, нет другой дороги.

Она повернулась к своим генералам, и в ее глазах, золотых и горящих, зажгся холодный, страшный огонь, который заставлял падать на колени даже самых древних демонов.

— Наш народ гибнет, — сказала она, и в ее голосе появилась странная, почти материнская печаль, которая пугала больше, чем любой гнев. — Они голодают, они замерзают, они умирают от болезней и ран, которые мы не можем исцелить. Их дети плачут по ночам, их старики умирают в одиночестве, их воины падают в битвах, которые мы не можем выиграть. Если мы не захватим их земли, не захватим их ресурсы, мы все умрем. И не только мы. Наши дети, наши старики, наши женщины, наши воины. Все.

Она сделала паузу, и в ее голосе появилась странная, почти умоляющая нотка.

— Я знаю, что вы устали, — сказала она, и ее голос стал тише, но от этого только пронзительнее. — Я знаю, что вы потеряли многих, что ваши сердца полны боли. Но мы не можем

остановиться. Мы должны идти вперед. Мы должны сражаться. Потому что если мы остановимся, если мы дадим себе слабину, нас сотрут с лица земли. Нас уничтожат, как уничтожили империю Нетерас.

Генералы молчали. Они смотрели на свою королеву, и в их глазах была смесь уважения, страха и той особенной, слепой преданности, которая бывает только у тех, кто готов умереть за своего вождя.

— Мы сделаем это, — сказал один из них, и его голос был тверд. — Мы готовы, моя королева. Мы пойдем за тобой до конца.

— Мы готовы, — повторили остальные, и их голоса слились в один мощный, пугающий хор, который, казалось, сотрясал самые стены шатра.

Рува кивнула, и в ее глазах, золотых и бездонных, зажглась искра надежды.

— Тогда мы отступаем, — сказала она, и ее голос стал тверже. — На время. Мы перегруппируемся. Мы соберем силы, которые остались у нас. И мы ударим снова. Но в этот раз мы не оставим им ни единого шанса.

Она подошла к выходу из шатра, откинула тяжелую, бархатную завесу и посмотрела на запад, туда, где догорали остатки ее армии, где дым смешивался с тучами, и где вдалеке, на горизонте, мерцали огни крепости Варша.

— Мы вернемся, — сказала она тихо, обращаясь к небу, к звездам, к темным богам, которые, возможно, слышали ее. — Мы вернемся и захватим все, что принадлежит нам по праву. Это не конец. Это только начало.

Ветер подхватил ее слова и унес их в темноту, в бесконечную ночь, которая простиралась над миром.

Ночь спустилась на крепость, тяжелая и темная, как сама смерть. Я стоял на стене, глядя на отступающую армию демонов. Они двигались медленно, устало, как раненые звери, их знамена были опущены, их ряды были разорваны. Я знал, что это не конец. Я знал, что они вернутся, что тьма лишь отступила, чтобы собраться с новыми силами. Но сейчас, в этот момент, мы выиграли время. И это было все, что имело значение.

Лавия подошла ко мне, и ее рука, теплая и мягкая, коснулась моей.

— Они вернутся, — сказала она, и в ее голосе была тревога, которую она не могла скрыть.

— Я знаю, — ответил я, чувствуя, как ее прикосновение согревает меня, разгоняет холод, который пробирался под кожу. — Но мы будем готовы. Мы знаем, чего ожидать.

Она повернулась ко мне, и в ее глазах, сапфировых и глубоких, была та стальная, негибкая решимость, которую я так любил в ней.

— Мы будем готовы, — повторила она.

Мы стояли на стене, глядя в темноту, и я чувствовал, как ее присутствие дает мне силы, которые, казалось, уже иссякли.

За нами, в горящих шатрах, Королева Демонов уже планировала новую атаку. В ее глазах, золотых и бездонных, горела холодная, негибкая решимость, и она знала, что рано или поздно она вернется. Но сегодня, в эту ночь, она давала своим воинам отдых. Она давала им время оплакать павших, залечить раны и набраться сил. И она готовилась к следующей битве, которая будет решающей.

— Мы вернемся, — прошептала она, глядя на звезды, на холодное, равнодушное небо. — Мы вернемся и захватим все. Это не конец. Это только начало.

И в этой тишине, среди руин и пепла, два мира готовились к новой битве, которая решит их судьбу.

Глава 23: Тропами тьмы

Шатер Королевы Демонов опустел. Генералы разошлись, оставив Руву одну у стола с картой, одну в тишине, нарушаемой только шипением синих свечей и далеким воем ветра. Но она не смотрела на крепость Варша. Ее взгляд скользил по карте дальше, на восток и запад, изучая извилистые линии горных хребтов, заросшие лесом долины, старые, имперские дороги, которые давно никто не использовал, и древние, забытые тропы, которые вели в самое сердце неизведанных земель.

— Лобовая атака не даст результата, — прошептала она, и в ее голосе появилась странная, почти задумчивая нотка, как у шахматиста, просчитывающего ходы на много шагов вперед. — Они укрепились. Они ждут нас. Они подготовились. Они знают, что мы придем, и они готовы встретить нас.

Она провела пальцем по карте, и ее глаза загорелись холодным, хищным огнем. Там, на востоке, где горы переходили в бескрайние, темные болота, было место, которое она помнила с детства — далекого, почти забытого детства, когда мир был другим, когда она была другой. Старая тропа. Забытая. Закрытая. Опасная. Но проходимая.

— Тропа Кочевников, — сказала она, и в ее голосе появилась странная, почти ностальгическая нотка. — Мы ходили по ней, когда я была маленькой, когда мой народ еще был свободен. Она идет через болота, через старые, заброшенные рудники, через земли, которые даже демоны боятся тревожить. Через земли, где живут твари, которые не подчиняются никому.

Она повернулась к одному из своих генералов, который стоял в тени, невидимый, но всегда присутствующий. Его лица не было видно, только глаза — красные, горящие в полумраке, как два угля.

— Я пойду сама, — сказала она, и в ее голосе зазвенела сталь, не терпящая возражений. — Я проведу армию через эту тропу. Мы обойдем их с востока. Мы ударим в спину, когда они будут праздновать победу, когда они расслабятся и потеряют бдительность.

— Это опасно, моя королева, — сказал генерал, и его голос был глухим, но в нем слышалась тревога. — Там живут твари, которые не подчиняются никому. Даже вам. Даже вашей воле.

— Я знаю, — ответила Рува, и в ее голосе была сталь, холодная и непоколебимая. — Но другого выхода нет. Мы должны захватить крепость. Если мы не сделаем этого сейчас, мы погибнем все. И не только мы. Наши дети, наш народ — все, что мы строили веками, будет уничтожено.

Она снова посмотрела на карту, и ее пальцы коснулись тропы, которая вела на восток, в самое сердце болот. Она чувствовала, как древняя магия, темная и первобытная, просыпается в ней, как она вплетается в ее душу, давая ей силы, которые, казалось, уже иссякли.

— Мы пойдем через болота, — сказала она, и ее голос стал тверже, как у человека, принявшего окончательное решение. — Мы пройдем через рудники, через земли, где даже демоны боятся ступить. Мы выйдем к ним с той стороны, откуда они не ждут удара. И мы ударим в самый неожиданный момент.

Она подняла голову и посмотрела на своих генералов, на их темные, молчаливые фигуры.

— Подготовьте армию, — сказала она, и в ее голосе зазвенела власть. — Мы выступаем через три дня. Пусть все будут готовы. Пусть каждый воин знает, что это будет наш последний, решающий бой.

Генералы поклонились и начали расходиться, бесшумные, как тени. Но Рува остановила одного из них. Того самого, что стоял в углу, в самой глубокой тени.

— Останься, — сказала она.

Когда все ушли, она подошла к нему и посмотрела в его красные, горящие глаза.

— Ты пойдешь со мной, — сказала она, и в ее голосе не было просьбы. — Ты будешь моим щитом. Ты будешь моим мечом. Ты будешь моей тенью в этой тьме.

— Я готов, моя королева, — ответил он, и в его голосе была та особенная, слепая преданность, которая бывает только у тех, кто готов умереть за своего вождя.

Она улыбнулась, и в этой улыбке была странная, почти материнская нежность, которая пугала больше, чем любой гнев.

— Тогда готовься, — сказала она. — Мы идем на войну. Мы идем за победой.

Три дня спустя армия демонов снялась с лагеря. Черные, траурные знамена исчезли за горизонтом, и на их месте осталась только пустота, пепел и дым, медленно тающий в холодном, осеннем воздухе. Следы их отступления вели не на север, как ожидали в крепости, а на восток — в глухие, заболоченные земли, где не ступала нога человека уже много веков, где древние твари бродили в вечной, непроглядной тьме.

В крепости Варша солдаты праздновали победу, их голоса, пьяные и радостные, разносились над стенами. Но я стоял на стене, глядя на исчезающую армию, на черные точки, которые таяли в тумане, и в моей груди пульсировало странное, холодное предчувствие, которое я не мог заглушить.

— Они ушли, — сказала Лавия, подходя ко мне и кладя руку на мое плечо. В ее голосе была усталость, смешанная с облегчением. — Мы победили. По крайней мере, на этот раз.

— Нет, — ответил я, и мой голос был тих, но тверд. — Они не ушли. Они просто изменили путь. Они не сдались.

Я смотрел на восток, туда, где виднелись темные, болотистые земли, окутанные туманом и древней, злой магией. Я не знал, что задумала Королева Демонов, какой план она вынашивала в своем темном сердце. Но я знал, что она не сдастся, что она будет бороться до конца.

Она готовила новый удар, более сокрушительный, более смертоносный. И мы должны были быть готовы к нему. Мы должны были быть сильнее, чем когда-либо.

Глава 24: В тени скал

Армия демонов двигалась по Тропе Кочевников уже второй день. Болота, темные и вязкие, простирались вокруг, насколько хватало глаз, и воздух здесь был тяжелым, пропитанным гнилостным запахом и древней, злой магией. Рува шла впереди, ее босые ноги ступали по скользкой, мокрой земле, и каждый ее шаг был уверенным, несмотря на то, что тропа была узкой и опасной.

Вокруг нее, в тумане, двигались ее воины. Они были молчаливы, их лица были скрыты под капюшонами, и только глаза, горящие красным, светились в полумраке. Они не жаловались, не просили отдыха. Они знали, что их королева ведет их к победе, и они готовы были идти за ней до конца.

— Мы почти на месте, — сказала Рува, обращаясь к своему генералу, который шел рядом с ней, как тень. — Еще день, и мы выйдем к крепости с востока. Они не ждут нас оттуда.

— Они будут удивлены, моя королева, — ответил генерал, и в его голосе слышалась холодная, предвкушающая радость.

Рува кивнула, и в ее глазах, золотых и холодных, мелькнула тень улыбки.

— Они будут удивлены, — повторила она.

И она продолжила путь, ведя свою армию через болота, через тьму, к своей цели.

В крепости Варша я не мог спать. Я лежал на жесткой, походной койке в своей маленькой комнате, глядя в темный, каменный потолок, и чувствовал, как тревога, холодная и липкая, сжимает мое сердце. Я думал о Лавии, о ее улыбке, о ее глазах, о ее руке в моей руке. Я думал о нашей клятве, о том, что мы обещали друг другу. Я думал о тьме, которая надвигалась, о Королеве Демонов, которая не сдавалась.

Я встал и подошел к окну. На востоке, за горами, небо было черным, чернее, чем должно быть в это время года. Там, в той тьме, двигалась армия, и я знал, что они идут к нам.

— Они идут, — прошептал я, и мой голос был тих, как шелест сухих листьев. — Они идут, и мы должны быть готовы.

Я закрыл глаза и почувствовал, как клятва на моем запястье пульсирует — ровно, спокойно, как сердце, бьющееся в унисон с сердцем Хелварда.

— Мы готовы, — прошептал я. — Мы готовы, брат.

И я знал, что это правда.

Мы были готовы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.